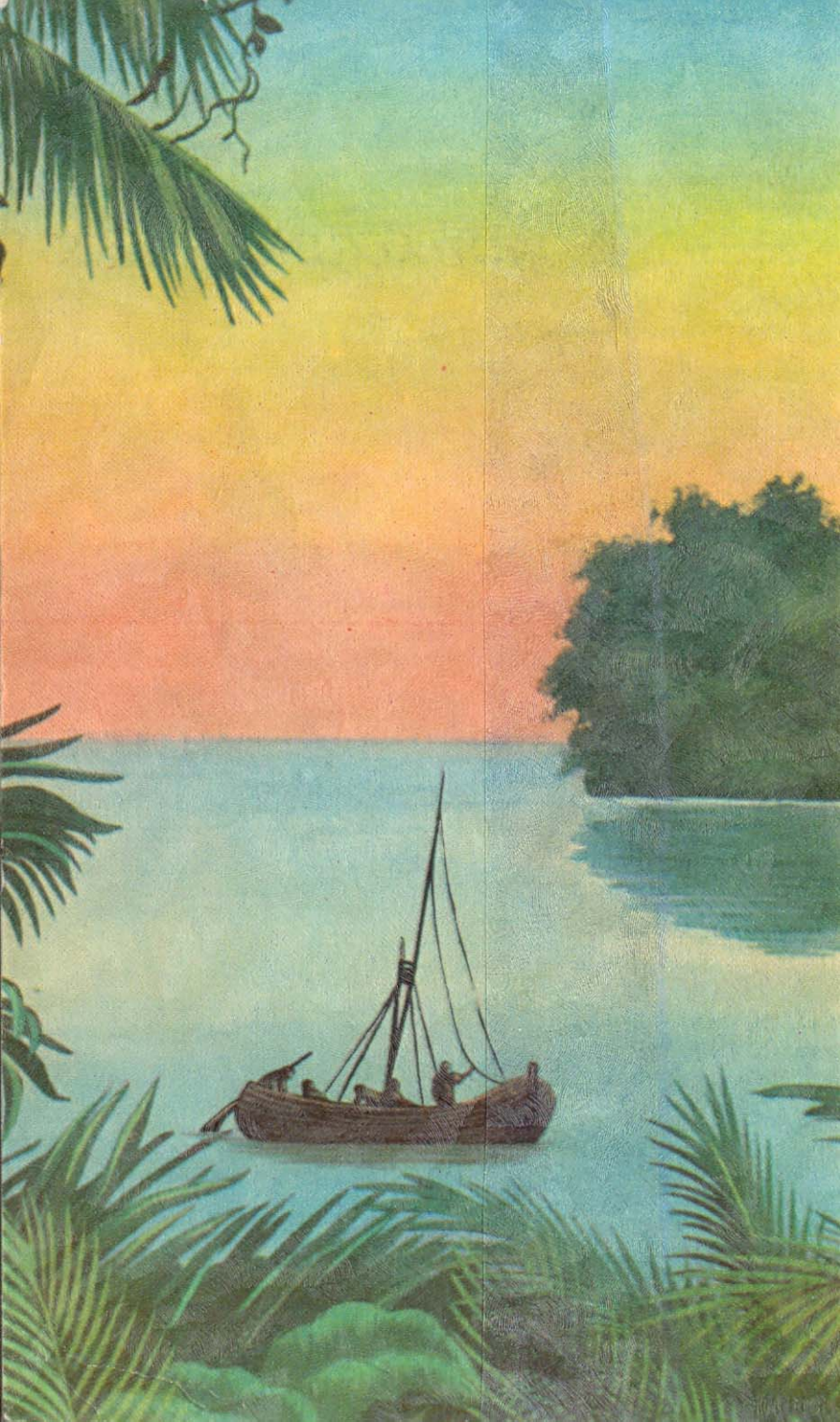

Кабеса де Вака

Кораблекрушения

Альвар Нуньес Кабеса де Вака
КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ

Издательство „Мысль“
Москва · 1975

Кабеса де Вака

Кораблекрушения

91(09)
К 12

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Alvar Nuñez Cabeza de Vaca
Naufragios
La Habana, 1970

Перевод с испанского,
предисловие и комментарии
Ю. В. Ванникова

Художник
С. В. Юкин

Кабеса де Вака А. Н.

К 12 Кораблекрушения. Пер. с исп., предисл. и ком-
мент. Ю. В. Ванникова. М., „Мысль“, 1975.
128 с.

В 1528 году на берега Флориды высадился отряд испанских конкистадоров. После неудачного похода в глубь полуострова, испанцы, отославшие свои корабли на запад, строят лодки и плывут вдоль побережья Мексиканского залива по направлению к устью Миссисипи. В пути большая часть пришельцев гибнет. Среди немногих оставшихся в живых — Альвар Нуньес Кабеса де Вака. Он совершает драматическое, полное приключений путешествие от Техаса до Мексики, т. е. по землям, совершенно неизвестным в то время европейцам. Книга „Кораблекрушения“, ставшая выдающимся историко-географическим и литературным памятником эпохи Великих географических открытий, представляет собой отчет об этом путешествии.

91 (09)

К 20901-347
004(01)-75 168-75

© Издательство „Мысль“. 1975

«КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ» КАК ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ ВЕЛИКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Век шестнадцатый... В Санлукаре-де-Баррамеда, Палосе, Кадисе — атлантических портах Испании — поднимают паруса армады кораблей и, выходя из гаваней, берут курс на запад. Каравеллы, бригантины, галеоны. В сущности — утлые суденышки, но современникам они казались огромными и мощными. И действительно, этим кораблям, имевшим такую систему парусов, которая позволяла осуществлять различные маневры в открытом море и плыть почти против ветра («в бейдевинд»), суждено было оказать решающее, хотя и совершенно различное, воздействие на исторические судьбы целых континентов. Пройдет четыре столетия, и отдаленный потомок одного из самых первых конкистадоров — кубино-французский поэт Хосе Мария де Эредиа сравнит отплытие этих кораблей с торжественно-зловещим вылетом хищников из гнезда:

Как вылет кречетов из их родимых скал,
Устав дырявые донашивать кафтаны,
Прощались с Палосом бойцы и капитаны;
Сон героический и грубый их ласкал.
И плыли покорять тот сказочный металл,
Которым славятся неведомые страны;
Клонили к западу их мачты ураганы,
К таинственной земле их гнал широкий вал ¹.

В июне 1527 года на палубе одной из каравелл среди тех, кто, как говорит Эредиа, «склонясь на меч железный, смотрели, как встают на небе, им чужом, созвездья новые из океанской бездны», стоял Альвар Нуньес Кабеса де

¹ Жозе Мария де Эредиа. Трофеи. М., 1973, стр. 91.

Вака, дворянин из Эстремадуры, автор одной из удивительнейших книг — «Кораблекрушения», которая вот уже четыре с лишним века пользуется неизменным успехом у читателей многих стран мира. В чем же секрет этой книги, почему ее переиздают в испаноязычных странах, переводят на другие языки, снимают по ней фильмы? «Кораблекрушения» — выдающийся историко-географический и литературный памятник эпохи Великих географических открытий, живое свидетельство очевидца, первым из европейцев пересекшего весь юго-запад Северо-Американского континента. Кабеса де Вака, участник трагически закончившейся завоевательной экспедиции во Флориду, с горсткой измученных, полуживых людей оказался на побережье Техаса. Проявив стойкость и силу духа, он сумел приспособиться к новым, необычным условиям, много лет прожил среди индейцев, а затем, сплотив вокруг себя трех оставшихся в живых (из шестисот участников экспедиции) испанцев, сумел вывести их в Мексику. Вернувшись после десятилетних странствий на родину, Кабеса де Вака пишет королю отчет об экспедиции. Вскоре, получив патент на организацию экспедиции в Ла-Плату, он во второй раз отплывает в Новый Свет, где его ждут новые тяжелые испытания. Во время его отсутствия, в 1542 году, книготорговец из Медины дель Кампо — Хуан Пабло Мусетти, которому Кабеса де Вака оставил черновик отчета, издает его отдельной книгой под названием «Кораблекрушения».

Читая «Кораблекрушения», нельзя не испытывать восхищения удивительной памятью автора: даты, имена, события, их последовательность — все воспроизведено с поразительной верностью. Специальные научные исследования новейшего времени показывают, что лишь в очень немногих случаях Кабеса де Вака допускает незначительные фактические неточности. А ведь он, как увидит читатель из содержания книги, восемь лет лишен был возможности делать какие-либо записи. Отчет Кабесы де Вака содержит ценнейшую научную информацию. Он был и останется важным научным источником для ученых-американистов различных специальностей — историков, этнографов, географов, а также для зоологов и ботаников, поскольку в нем описывается животный и растительный мир огромных территорий североамериканского Юга и Юго-Запада доколониального периода.

Однако научная ценность книги еще не раскрывает полностью источник ее долголетия. В «Кораблекрушениях»

Кабеса де Вака рассказывает о драматическом провале экспедиции, о необыкновенной многолетней одиссее горстки европейцев, затерявшихся на необозримых просторах Северо-Американского континента. Автору нет нужды приукрашивать или расцвечивать пережитые события — так ярко и фантастична описываемая им действительность. Вот почему отчет Кабесы де Вака читается как захватывающий приключенческий роман. И все-таки главная притягательная сила книги заключается в самой личности ее автора. Книга Кабесы де Вака — это прежде всего человеческий документ, свидетельствующий об огромных физических и моральных возможностях человека. Ее вполне можно отнести к тем гуманистическим по своей природе произведениям мировой культуры, которые раздвигают границы привычных представлений о личности самого человека. Вместе с тем Кабеса де Вака — вполне дитя своего века. Поэтому и его книга, и он сам станут более понятными, если их рассматривать в контексте эпохи.

* * *

Испания, превратившаяся в результате объединения Кастилии и Арагона в 1479 году в единое государство, вступала в XVI век в ранге могущественной европейской державы. В 1492 году произошло два знаменательных события: пала Гранада, последний оплот мусульман на Пиренеях, и тем самым был завершен многовековой процесс реконкисты — отвоевания всех территорий полуострова, еще в VIII веке завоеванных арабами; в этот же год Христофор Колумб, выйдя из Палоса на трех каравеллах, открыл Новый Свет. К началу века Испания включала в себя весь Пиренейский полуостров (за исключением его западной части — Португалии), Балеарские острова, Сицилию, Сардинию и Неаполитанское королевство (с 1504 года). А когда в 1519 году испанский король Карл I стал под именем Карла V императором «Священной Римской империи», его власть распространилась почти на всю Центральную Европу и на Нидерланды. В эти же годы империя стремительно увеличивалась за счет огромных территорий по ту сторону «моря-океана». Все новые и новые корабли подходили к островам Хуана (Куба), Эспаньола (Гаити), Сан-Хуан (Пуэрто-Рико), превращенным в форпосты, откуда велось завоевание континента. За три с половиной десятилетия после первой экспедиции Колумба было обследовано почти все

Атлантическое побережье Центральной и Южной Америки, Васко Нуньес де Бальбоа пересек Панамский перешеек и увидел Тихий океан, а Магеллан вывел свои корабли в этот океан через найденный им юго-западный пролив, позднее названный его именем, Писарро совершил свой первый поход на юг, в Перу, а Кортес уже сокрушил великую ацтекскую цивилизацию и завоевал Мексику... К 1527 году, с которого начинаются события, описанные в «Кораблекрушениях», в великой империи Карла V воистину, как выражались придворные льстецы, «никогда не заходило солнце». Однако завоевание Америки, которое, казалось, приблизило осуществление взлелеянного Карлом V плана создания «всемирной христианской монархии», имело для самой Испании ряд отрицательных последствий и в значительной степени способствовало крушению империи.

Медленное, но неуклонное развитие промышленности и торговли, формирование в недрах феодального общества капиталистических отношений требовали увеличения рынков и требовали золота — главного средства обмена, которого к концу XV века стало катастрофически не хватать не только Испании, но и всей Европе. Золото и было той экономической пружиной, которая бросала все новые и новые отряды испанцев в Америку («И плыли покорять тот сказочный металл!»). Но золото Индий принесло лишь временное облегчение: оно открыло господствующему классу путь к богатству, не связанный с развитием хозяйства в своей стране, и это обстоятельство не только способствовало развалу империи, оно было губительным для самой Испании: города теряли вольности, крестьяне — землю, люди разбредались: кто — в монастырь, кто — на широкую дорогу, кто — за океан. С другой стороны, после окончания реконкисты «не у дел» осталось целое сословие бедных рыцарей-дворян — идальго. Из поколения в поколение воспитывавшиеся в войне и для войны, не способные ни на что иное, кроме как орудовать мечом и копьем, и лишенные теперь каких-либо средств к существованию («Устав дырявые донашивать кафтаны!»), идальго были другой, человеческой, пружиной покорения Америки. Именно они придали американским акциям такую впечатляющую энергию и такой кровавый характер. Именно они создали знакомый нам из истории образ конкистадора с его неперенными атрибутами: мечом и крестом. Таков был общий исторический фон флоридской экспедиции 1527 года, и сама экспедиция ничем не отличалась от других, ей подобных, — ни

целью, ни организацией, ни подбором участников, если не считать того, что в ее составе был Альвар Нуньес Кабеса де Вака.

* * *

Первые европейцы побывали во Флориде, по-видимому, в самом начале XVI века. Что представляли собой эти визиты, можно судить по следующей истории, приводимой Бартоломе де Лас Касасом в его «Истории Индий». В 1511 году семеро кубинских поселенцев снарядили два корабля, собрали два отряда по 50—60 человек каждый и отправили их на «охоту за индейцами». «Охотники за индейцами» представляли самую отвратительную категорию порабощенных. За небольшое число лет испанского владычества индейское население, особенно на островах Карибского моря, сильно сократилось: частично оно было истреблено, частично вымирало от болезней, частично разбежалось. Вот тогда-то испанцами и был придуман бесчеловечный способ восполнения этой убыли путем «отлова» индейцев в соседних землях. Итак, «охотники», о которых рассказывает Лас Касас, добрались до Флориды, где были радушно встречены населением. Заманив индейцев на корабли и набив ими полные трюмы, испанцы неожиданно подняли паруса и поплыли на Кубу. Таковы были первые контакты коренных жителей Флориды с представителями европейской цивилизации. Официально же Флорида была присоединена к испанской короне в 1513 году Хуаном Понсе де Леоном, который, как говорят современники, искал там источник молодости, хотя, возможно, его не в меньшей степени интересовал и жемчуг. Понсе де Леон проплыл вдоль восточного берега по направлению на север до 30° с. ш.; при этом, хотя испанцы часто высаживались на землю, они не заходили в глубь полуострова. В 1517 году к Флориде подходили корабли Франсиско-Эрнандеса де Кордоба, изгнанного индейцами с Юкатана. Встретив не более гостеприимный прием и во Флориде, он вынужден был отплыть от полуострова и взять курс на Кубу. Через два года Алонсо де Пинедо, исследовавший по приказу губернатора Ямайки Франсиско Гарая северное побережье Мексиканского залива, проплыл от берегов Мексики до самой Флориды, однако неизвестно в точности, высаживался ли он на ней. Флоридская экспедиция 1527 года планировалась, очевидно, на основании карты, составленной Пине-

лой (так называемой «карты Гарая»), что и послужило как будет видно из дальнейшего, одной из причин ее провала. И наконец, о последнем известном посещении Флориды, предшествовавшем событиям, описанным в «Кораблекрушениях». В 1521 году все тот же Понсе де Леон, получивший от короля новые полномочия на завоевание и колонизацию Флориды, подошел к полуострову и начал высаживаться на берег. Индейцы, уже имевшие к тому времени достаточно точное представление о том, что влечет за собой появление испанцев, решительно воспрепятствовали высадке. В первой же стычке Понсе де Леон был тяжело ранен стрелой. Он приказал своим людям грузиться на корабли и идти на Кубу. Там он вскоре умер от раны.

В 1526 году право на завоевание и управление уже открытой, но еще не исследованной Флориды, принадлежавшее в свое время Понсе де Леону и Гарая, перешло Памфило Нарváэсу, типичному конкистадору, уже отличившемуся своими бесчинствами на Кубе. Как организатор и руководитель, Нарváэс проявил себя во флоридском походе далеко не с лучшей стороны. Кабеса де Вака, участник экспедиции Нарváэса, занимал должность казначея; кроме того, он имел полномочия королевского прокурора будущей провинции Флориды.

* * *

О жизни автора «Кораблекрушений» до 1527 года мало что известно. Родился он в Эстремадуре предположительно в 1490 году. В 1511 году принял участие в экспедиции, которую король Фердинанд направил в Италию на помощь папе Юлию II (этот поход был одним из эпизодов так называемых итальянских войн, длившихся 65 лет: Испания и Франция, закончившие к концу XV века внутреннее объединение и превратившиеся в сильные централизованные монархии, вели ожесточенную вооруженную борьбу за политически раздробленную Италию). Кабеса де Вака был участником сражения при Равенне, где французская армия разгромила испанцев, некоторое время занимал пост военного коменданта Гаэты, маленького города недалеко от Неаполя. В 1513 году он вернулся в Испанию, в Севилью, и поступил на службу к герцогу Медине Сидония. В 1521 году отличился в сражении при Памплоне, где были разбиты французские войска, вторгшиеся в Наварру. Таким образом, к началу экспедиции Кабеса де Вака уже обладал

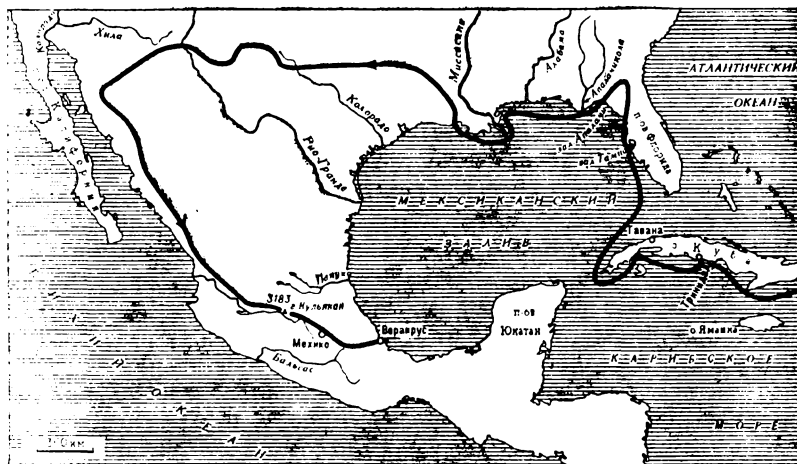
значительным военным и административным опытом и, возможно, именно поэтому был назначен на достаточно высокие должности. Во всяком случае ясно, что своим назначением он не был обязан Нарв  су, с которым у него с самого начала были натянутые отношения.

После ряда злоключений, довольно, впрочем, обычных для морских путешествий того времени, Нарв  с привел свои корабли во Флориду. Сразу же после высадки испанцев начинают преследовать неудачи. Анализируя все, что случилось с ними, можно выделить несколько главных причин, приведших к провалу всего предприятия. Первой причиной была неточность географических знаний. К началу экспедиции испанцы представляли земли, лежащие к северу от Мексики, в виде узкой полосы; на запад эта полоса тянулась примерно до меридиана Веракрус (при этом остается географической загадкой, как они согласовывали такое представление с тем, что им было известно о расположении Флориды относительно Кубы). На основании этих ошибочных представлений Нарв  сом было принято роковое решение идти сушей по направлению к мексиканскому поселению П  нуко, расстояние до которого вдоль побережья, по мнению лоцманов, составляло несколько десятков лиг — на самом деле оно равнялось 700 лигам (т. е. почти 4 тысячам километров!). Вторая причина заключалась в том, что, как только испанцы сошли на берег (в районе залива Тампа), их сразу же «поманил» желтый призрак: в индейской деревне они находят золотую погремушку, и Нарв  с, потеряв голову, бросается «в глубь земли» на поиски золота.

Индейцы, озабоченные лишь тем, чтобы избавиться от незваных пришельцев, а еще лучше направить их на земли своих врагов, указывают испанцам путь на северо-запад, как раз туда, где золота нет и в помине. Наконец, самому Нарв  су становится ясной бессмысленность похода, и испанцы, с трудом сдерживая натиск воинственных семинолов, теряя людей, пробиваются обратно к побережью. И здесь они сталкиваются с последствиями третьего стратегического просчета Нарв  са: кораблей нет, так как Нарв  с услад их в направлении П  нуко искать удобную гавань. В этом безвыходном положении, когда судьба людей зависела уже не от приказов начальника-авантюриста, но от них самих, испанцы проявили стойкость, выдержку, изобретательность: соорудив из подручных средств пять огромных парусных лодок, они поплыли вдоль побережья вслед за кораблями. Драматическое путешествие закончи-

лось гибелью большинства его участников. Погиб и Нарваэс, бросивший в тяжелую минуту своих людей на произвол судьбы¹.

Лодка Кабесы де Вака закончила свое плавание у небольшого островка (по-видимому, недалеко от залива Галвестон), которому испанцы дали весьма выразительное название — Злосчастья (Mal Hado). Отсюда в 1534 году и начинаются странствия Кабесы де Вака и его спутников. Трудно точно восстановить их маршрут, составляющий, по скромным подсчетам, 5500 километров. Ясно, однако, что они прошли по территории современных штатов Техас,

Нью-Мексико, Аризона, пересекли Рио-Гранде и дошли до верховьев реки Синалоа, где, по мнению советского исследователя И. П. Магидовича, они, «вероятно, не раз переправлялись западную Сьерра-Мадре и посещали долины рек, впадающих в Мексиканский залив»². В верховьях Синалоа

¹ Проанализировав описанные в «Кораблекрушениях» обстоятельства гибели Нарваэса, современный американский исследователь Клив Хелленбек пришел к выводу, что Нарваэс не был унесен в море, но попытался ночью убежать в лодке с лоцманом, бросив своих спутников (Cl. Hallenbeck. Alvar Nunes Cabeza de Vaca. The Journey and Route... N.Y.—L., 1971, p. 62). Подобное предположение не противоречит, в общем, тому представлению о моральных качествах Нарваэса, которые складываются на основании свидетельств современников и главным образом книги Кабесы де Вака.

² И. П. Магидович. История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962, стр. 97.

они наконец встретили отряд испанцев и были отправлены в селение Кульякан, а затем в Мехико.

Трудно идентифицировать и многочисленные индейские племена, среди которых жили путешественники (подробнее об этом см. в комментариях к этой книге). Примечательно, что сам Кабеса де Вака выучил шесть индейских языков. Столь же различны, как и языки племен, были степень их культурного развития, особенности социальной организации, верования и обычаи. Испанцы жили и среди примитивных собирателей, и среди бродячих охотников, и среди оседлых земледельцев юго-запада, культивировавших маис, достигших успехов в ткачестве и гончарстве, возводящих солидные жилища. Новый жизненный опыт Кабесы де Вака и его спутников был существенно обогащен и тем, что им самим пришлось пережить в индейском обществе всевозможные виды социальных трансформаций: они были и завоевателями, и жалкой кучкой потерпевших кораблекрушение людей, со слезами благодарности принимающих помощь и сочувствие индейцев, они были и домашними рабами. Кабеса де Вака, проявив энергию и находчивость, сумел стать бродячим купцом. Далее, по желанию индейцев испанцы превратились в знахарей и, наконец, в полуобожествляемых магов — «детей солнца». Еще более разительна та внутренняя трансформация, которую претерпел сам Кабеса де Вака: из, в лучшем случае, холодного наблюдателя он превратился в друга, а потом и в горячего защитника индейцев.

В последних главах своей книги Кабеса де Вака подробно рассказывает о своих столкновениях по этому поводу с капитаном Алькарасом — человеком губернатора Новой Галисии Нуньо де Гусмана. Кабеса де Вака делает все возможное, чтобы хоть как-то смягчить жестокости и произвол испанцев: он обращается к властям, он убеждает индейцев строить церкви и креститься, наивно полагая, что это предотвратит дальнейшее насилие. Разумеется, усилия Кабесы де Вака ничего не могли изменить в исторической судьбе индейцев. Однако живым людям, за которыми охотились как за дикими зверями, было далеко не безразлично, в каких конкретных формах протекал их контакт с пришельцами. В этом смысле Кабесе де Вака удалось добиться частных успехов: жестокость в обращении с индейцами была несколько умерена, а смелые протесты (в частности, первый, неопубликованный, отчет королю) способствовали смещению Гусмана.

Кабесу де Вака иногда называют светским двойником отца де Лас Касаса¹. Такое сравнение нельзя считать преувеличенным. Но важно подчеркнуть и существенное различие между ними: современник Кабесы де Вака, знаменитый «защитник индейцев», выдающийся историк-гуманист Бартоломе де Лас Касас был образованнейшим человеком своей эпохи, его гуманизм шел не только от сердца, он формировался и как научное мировоззрение в стенах одного из лучших в Европе Саламанкского университета, где в XVI веке активно разрабатывались передовые гуманистические идеи; что же касается Кабесы де Вака, то он, в сущности, был не слишком образованным человеком, он был простым воином; его гуманизм сложился на дымных стоянках индейцев, в голодных переходах, в суровой борьбе за выживание, он — результат его собственного жизненного опыта, следствие прямого взгляда на окружение, отказа от многих предрассудков, честной оценки своей жизни среди индейцев, где он много раз должен был бы погибнуть без их помощи. Бесспорно, исторически ограниченная, но тем не менее вполне очевидная внутренняя эволюция Кабесы де Вака придает высокий смысл его скитаниям. Именно в ней следует искать секрет обаяния этой незаурядной личности.

Автор «Кораблекрушений» был первооткрывателем в полном смысле этого слова: почти все, что он видел и описал, он видел и описал первым. Благодаря его пытливости, наблюдательности, цепкой памяти европейцы узнали о существовании земли континентальных масштабов к северу и северо-востоку от Мексики. Он первым описал бизона, опоссума, первым рассказал о многих обычаях индейцев, особенностях их семейной жизни, общественного уклада, первым дал довольно подробные сведения о природе юга и юго-запада Северной Америки. Но пожалуй, самое главное, в чем он оказался одним из первых, — это в «открытии» самих индейцев, в призыве к гуманному обращению с обитателями Нового Света.

* * *

Несколько слов о том, как сложилась дальнейшая судьба Кабесы де Вака. Назначенный аделантадо и губернатором Ла-Платы, он в 1540 году снаряжает на свои деньги три корабля (что обошлось в 8 тысяч дукатов — весьма

¹ J. Garcia Morales. Prólogo. В кн.: Alvar Nuñez Cabeza de Vaca. Naufragios. Madrid, 1945, p. 22.

значительная сумма по тем временам) и вновь, теперь уже из Кадиса, отплывает в Америку. Эту экспедицию испанские историки нередко называют «спасательной» (*Expedición de socorro*). Дело в том, что в Буэнос-Айресе, основанном Педро де Мендосой в 1537 году, а также в Асунсьоне, заложенном вскоре после этого, испанцы находились в чрезвычайно тяжелом положении: Буэнос-Айрес был разрушен, не прекращались, по вине самих же испанцев, столкновения с индейцами, среди завоевателей царили раздор и распри, сам Педро де Мендоса еще в 1537 году вернулся в Испанию.

Кабеса де Вака высадился с большим отрядом на острове Санта-Катарина, затем переправился на материк и в 1541—1542 годах совершил переход к Асунсьону. Он первым пересек южный выступ Бразильского нагорья и низменное междуречье Параны-Парагвая, мирно и без потерь довел свой отряд до цели. Деятельность Кабесы де Вака в Южной Америке заслуживает особого рассмотрения. Однако если попытаться коротко определить ее основное содержание, то оно сводилось к установлению мирных отношений с индейцами (при этом, правда, в случае необходимости губернатор не останавливался и перед военными действиями), к созданию безопасных коммуникаций между Асунсьоном и метрополией, к наведению порядка и установлению дисциплины среди самих испанцев. Последнее начинание, впрочем, так и не было доведено до конца: в 1544 году подчиненные ему отряды взбунтовались, арестовали Кабесу де Вака, заковали в цепи, как в свое время Колумба, и отправили в Испанию. Там бывший губернатор был заново арестован королевскими властями, на этот раз вместе со своими стражниками, затем освобожден «под доверие». Вскоре его дело рассматривалось в Совете по делам Индий. Кабеса де Вака был осужден (мотивы осуждения неизвестны) и сослан на восемь лет в Северную Африку. Однако еще до истечения этого срока он был помилован королем и вернулся в Испанию, где ему предложили пост судьи в Верховном суде Севильи. О последних годах жизни Кабесы де Вака почти ничего не известно, даже дата его смерти — 1564 год — не вполне достоверна.

* * *

«Кораблекрушениям» предшествовало два других отчета. Первый был написан Кабесой де Вака и его спутниками в Мексике и передан вице-королю. Этот отчет до сих пор

не обнаружен. Второй был составлен Кабесой де Вака, Кастильо и Дорантесом и передан Кабесой де Вака аудиенсии в Санто-Доминго. Оригинал второго отчета, по-видимому, не сохранился, но его изложение содержится во «Всеобщей и натуральной истории Индий» Гонсало Эрнандеса де Овьедо. «Кораблекрушения» — третий отчет в этой серии и первый персональный отчет Кабесы де Вака. При жизни автора он издавался дважды: в 1542 году и в 1555 году. В издании 1555 года Кабеса де Вака объединил «Кораблекрушения» со своей новой книгой «Комментарии аделантадо и губернатора Рио де ла Платы» (под общим названием «Отчет и комментарии»), в которой он рассказывал о своем пребывании в Южной Америке. Текст «Кораблекрушений» в этом томе несколько отличается от первоначальной версии. Однако, поскольку второе издание было прижизненным, именно его следует считать аутентичным. Настоящий русский перевод сделан по текстам, воспроизводящим издание 1555 года.

«Кораблекрушения» уже в XVI веке переводились на другие языки: в 1556 году — на итальянский, в 1572 — на английский. Полный русский перевод этой книги осуществляется впервые. В связи с этим необходимо сделать несколько замечаний о ее литературных особенностях.

XVI век был отмечен в Испании расцветом деловой прозы, посвященной истории открытия и завоевания Америки и содержащей разнообразные сведения о новом континенте. Деловая проза была представлена официальными отчетами, письмами, записками «бывалых людей» (достаточно напомнить о письмах и отчетах Колумба, Кортеса, Хименеса де Кесады, Педро де Вальдивия и др.), а также историческими хрониками (в частности, сочинениями Лопеса де Гомары, Берналя Диаса дель Кастильо, Бартоломе де Лас Касаса и других авторов). «Кораблекрушения», бесспорно, являются выдающимся образцом этой фактографической литературы. Нельзя, однако, не заметить и жанрового своеобразия книги Кабесы де Вака: формально являясь отчетом королю (что, кстати, налагало на автора вполне определенные обязательства в отношении точности сообщаемых сведений), она вместе с тем построена и по законам художественного произведения. Взаимодействие этих двух начал объясняет авторские принципы отбора и освещения фактов. С одной стороны, для «Кораблекрушений» характерны объективизированность повествования, датировка событий, изложение их в строгой, хронологической последователь-

ности, протокольное воспроизведение дискуссий и обсуждений, ссылки на свидетелей, в присутствии которых делались важные заявления или принимались ответственные решения,— словом, черты современной автору деловой прозы. Но с другой стороны, при рассказе о злоключениях оставшихся в живых членов экспедиции, при описании взаимоотношений испанцев с индейцами характер изложения существенно меняется: оно становится экспрессивным, эмоционально напряженным, на смену бесстрастному изложению приходит взволнованный рассказ, в котором отчетливо проявляется элемент личной оценки. Внимание автора задерживается на «микроскопических» фактах, едва ли уместных в хронике или отчете, но весьма важных для выполнения художественных задач книги. Таков, к примеру, эпизод (глава XXV), в котором рассказывается о пятидневных скитаниях автора с факелами в руках, таков и рассказ о несчастной индианке, подвергнутой жестокому наказанию за то, что она оплакивала смерть кого-то из близких (глава XXX). Жанрово-стилевая сложность «Кораблекрушений» еще более оттеняется явно публицистическим звучанием глав, посвященных защите индейцев.

Испанская академия включила Кабесу де Вака в число образцовых авторов. Действительно, «Кораблекрушения» написаны сильным и выразительным языком; при значительном стилистическом диапазоне он, однако, не выходит за рамки современной Кабесе де Вака деловой и разговорной речи, в нем нет и следа манерности или аффектированности. Вместе с тем язык Кабесы де Вака лишен той отработанности, нормированности, которая обнаруживается, например, в сочинениях Бартоломе де Лас Касаса. Вообще литературная техника Кабесы де Вака далека от совершенства: изложение не всегда логично разбито на главы, главы слишком неравноценны по объему, заголовки нередко соответствуют содержанию не данной, но предыдущей главы. Книга изобилует чрезвычайно длинными периодами, имеющими слабое внутреннее сцепление, утомительными повторами, громоздкими оборотами, сложными способами передачи диалогов посредством косвенной речи. Все это причудливо переплетается с сильной и точной манерой выражения, с лаконичностью и экспрессией, создавая неповторимое своеобразие книги; и одной из главных задач перевода было по возможности более точно и полно донести это своеобразие до русского читателя.

Ю. Ванников

ВАШЕ СВЯТОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ КАТОЛИЧЕСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО *¹ Сколько ни было на свете государей, никому из них не служили люди с таким великим тщанием, чистосердечной готовностью и охотой, как вашему величеству. Очевидно, что для этого есть особые причины, ведь не таковы люди, чтобы слепо и без всяких оснований поступать подобным образом. К тому же служат вашему величеству не только соотечественники, которых к этому обязывают вера и подданство, но и чужеземцы. Однако, если в рвении и в желании служить вам все между собой согласны и все равны, не взирая на блага, получаемые от службы, имеются между людьми и большие различия, зависящие не от них самих, но лишь от фортуны, то есть ни от кого. Ибо только по воле и разумению господню случается так, что одному служба удается даже лучше, чем он надеялся, у другого же ничего не выходит, и он не в силах доказать свои благие намерения ничем, кроме усердия. Но и усердие иногда остается скрытым, так как нет возможности проявить его.

О себе могу сказать, что во время путешествия, которое по велению вашего величества я совершил по материку², думал я, что если бы мои труды и служба принесли столь же очевидные плоды, как труды и служба моих предков³, то не было бы мне нужды говорить о них для того, чтобы меня причислили к людям, которые с полной верой и великим старанием несли службу вашему величеству, за что им и была оказана милость. Но так как ни мои советы, ни усердие не способствовали успешному завершению дела, коего требовала служба вашему величеству, и по грехам нашим положил господь так, что из всех флотилий, ходивших к тем землям, ни одна не встретилась со столькими опасностями и не окончилась так печально и злополучно.

* См. комментарии к тексту в конце книги.

как наша, то не остается мне лучшего способа исполнить свой долг, чем послать вашему величеству отчет в том, что за десять лет скитаний по многим и весьма удивительным землям, потерянный и нагой, смог узнать и увидеть: о провинциях и местах от них удаленных, о полезных растениях, там произрастающих, и о животных, что водятся в тех землях, о различных обычаях многих и весьма варварских народов, с которыми я общался и среди которых жил, а также о других достойных внимания вещах, которые мне удалось обнаружить и понять. Надеюсь, что этот отчет в какой-то мере удовлетворит ваше величество, ибо, хотя надежды выйти из тех земель было у меня очень мало, но много было во мне желания сохранить все виденное в памяти, дабы, если когда-нибудь пожелает господь наш бог, чтобы я оказался там, где я сейчас нахожусь, смог бы я представить свидетельства моего стремления служить вашему величеству.

Мой отчет обо всем увиденном, полагаю, покажет, как нелегко будет тем, кто вашим именем станет завоевывать те земли и одновременно нести их обитателям разумение истинной веры, истинного господина и необходимости службы вашему величеству.

Писал же я столь достоверно, что, как ни много в моем рассказе необычного и даже такого, во что некоторым людям трудно будет поверить, они могут, однако, безусловно доверять всему написанному и вполне полагаться на мою правдивость, так как я в своем рассказе скорее убавляю, чем добавляю, да и вполне достаточно того, что я писал его с целью предложить в виде отчета вашему величеству. К сему умоляю вас принять этот отчет как знак моей службы, ибо это единственное, что человек, вернувшийся нагим, смог принести с собой.

Глава I

В КОТОРОЙ СООБЩАЕТСЯ О ВРЕМЕНИ ОТПЛЫТИЯ ФЛОТИЛИИ И О ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ С НЕЙ УХОДИЛИ Семнадцатого дня месяца июня 1527 года¹ губернатор Пánфило де Нарвáэс² вышел из порта Сан-Лукар-де-Баррамеда³ с приказом вашего величества на завоевание провинций, расположенных на материке между рекой Лас-Пальмас⁴ и мысом Флорида, и с доверенностью на управление ими. Флотилия губернатора насчитывала пять кораблей, на которых находилось около шестисот человек. Офицерами флотилии (поскольку их следует упомянуть особо) были: Кабеса де Вака — казначей и старший альгвасил⁵; Алонсо Энрикес — интендант; Алонсо де Со-лís — фактор⁶ вашего величества и веедор⁷; шел с нами также некий монах ордена Святого Франсиска, по имени брат Хуан Суарес, комиссар⁸, и с ним еще четыре монаха того же ордена. Прибыли мы на остров Санто-Доминго⁹ и задержались там почти на сорок пять дней, пополняя запасы необходимого, прежде всего лошадей. Здесь наша флотилия лишилась более ста сорока человек, которые пожелали остаться на острове, поддавшись на посулы и заманчивые обещания тамошних людей. Затем мы вышли оттуда и прибыли в Сантьяго (порт, что на острове Куба), где за несколько дней, что там провели, губернатор добрал людей, оружие и лошадей.

Когда мы стояли в Сантьяго, один дворянин, по имени Васко Поркалье¹⁰, из селения Тринидад, находящегося на острове того же названия, предложил губернатору снабдить нас некоторыми припасами, а припасы были у него в Тринидаде, в ста лигах¹¹ от упомянутого порта Сантьяго. Губернатор отправился туда со своей флотилией; но когда мы дошли до порта Кабо-де-Санта-Крус, расположенного на половине пути, ему показалось, что лучше остановиться и подождать здесь, а за припасами послать только один ко-

лабль; поэтому он приказал, чтобы капитан Пантоха пошел на Тринидад на своем корабле и чтобы для большей безопасности я бы тоже пошел туда на своем корабле, сам же он остался с четырьмя кораблями, потому что на острове Санто-Доминго он купил еще один корабль.

Прибыв на Тринидад, капитан Пантоха в сопровождении Васко Поркалье направился в селение, отстоявшее от берега на расстоянии в одну лигу. Я же остался на воде с лоцманами, а лоцманы сказали, что надо со всей возможной поспешностью отплывать отсюда, потому что эта гавань очень плохая и в ней уже погибло много кораблей; и поскольку с нами приключилось там редкостное происшествие, я думаю, что не отклонюсь от цели моего рассказа, если напишу о нем. На другой день с самого утра появились предзнаменования плохой погоды, и вот пошел дождь, и на море поднялось такое волнение, что, хотя я позволил людям сойти на берег, многие из них, видя, что селение от берега далеко, а непогода уже разыгралась, не захотели терпеть дождь и холод и вернулись на корабль. Вдруг к кораблю подошла местная лодка, на которой мне привезли письмо от одного из жителей; он просил меня прибыть к нему и сообщал, что снабдит нас припасами, которые у него есть и которые окажутся для нас необходимыми; я отказался сойти, сказав, что не могу бросить корабли.

В полдень лодка вернулась с другим письмом, в котором меня настойчиво просили о том же и говорили, что на берегу для меня приготовлена лошадь, чтобы ехать на ней в селение. Я дал такой же ответ, как и в первый раз, говоря, что не оставляю корабли; но лоцманы и люди очень меня просили поехать и поторопить с доставкой припасов, чтобы их привезли, как можно скорее, и мы смогли бы уйти оттуда, ибо они весьма опасались, что корабли утонут, если мы задержимся там надолго. По этой причине я принял решение идти в селение, но прежде чем уйти, отдал лоцманам распоряжения и приказал: в случае, если поднимется южный ветер, из-за которого там обычно гибнут корабли, и они увидят, что становится опасно, пусть ставят корабли носом к ветру и спасают людей и лошадей. После этого я отправился на берег, и хотя я имел желание взять с собой несколько человек, чтобы они сопровождали меня, люди отказались идти, ссылаясь на сильный дождь, на холод, на то, что селение слишком далеко, и на то, что они на следующий день, то есть в воскресенье, собираются, если будет возможно, пойти слушать мессу.

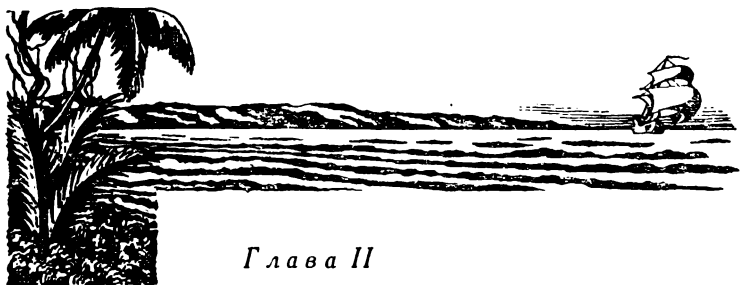
Через час после моего ухода в море началось сильное волнение, и северный ветер так покрепчал, что люди не могли ни уйти на берег в лодках, ни поставить корабли против ветра; с большим трудом борясь с волной и ветром, подхлынувшим в это время проливным дождем они держались весь тот день и воскресенье до ночи. К ночи же ненастье так разыгралось, что в селении была не меньшая буря, чем на море: в нем рухнули все дома и церкви, и мы могли передвигаться, только крепко сцепившись по шести или восьми человек, чтобы противостоять ветру, грозившему нас унести; деревья, среди которых мы проходили, были не менее опасны, чем дома, ибо ветер валил их на землю, и мы боялись, что они нас убьют. Всю ночь мы ходили среди бури, не находя нигде места, где хоть полчаса могли бы быть в безопасности.

А когда мы так ходили, то слышали всю ночь, особенно во второй ее половине, сильный грохот, громкие голоса и звуки бубенцов, флейт, барабанов и других инструментов, которые раздавались до самого утра, пока буря не стихла¹. В этих краях никогда еще не видели такого ужасного бедствия; я собрал свидетельства относительно этого и послал их вашему величеству.

В понедельник утром мы вышли к гавани и не нашли там кораблей, а увидели только буй на воде; и нам стало ясно, что корабли утонули. Мы ходили по берегу и искали, не найдется ли хоть что-нибудь от них; и так как ничего не нашли, то углубились в лес и, идя по нему, в четверти лиги от моря увидели лодку с одного корабля, повисшую на деревьях; в десяти лигах оттуда, на берегу, мы обнаружили двух человек с моего корабля и несколько крышек от коробов; люди были так изуродованы ударами о скалы, что их нельзя было узнать; еще там были один плащ и одно одеяло, разорванные в клочья, а, кроме этого, мы не нашли ни одной другой вещи. Погибли находившиеся на кораблях шестьдесят человек и двадцать лошадей. Уцелело около тридцати человек с обоих кораблей, это были те, кто сошел на берег в день прибытия.

Несколько дней нам пришлось провести в тяжелых трудах и лишениях, поскольку у жителей острова пропали все припасы, все продовольствие, а также часть скота; земля стала такой, что было страшно смотреть на нее: упавшие деревья, сгоревшие леса, без листьев и без травы. Так мы провели пять дней месяца ноября, и тут прибыл губернатор со своими кораблями; они тоже попали в сильную

бурю и спаслись только потому, что вовремя смогли укрыться в безопасном месте. Люди, пришедшие на кораблях, и те, кто находился на берегу, были столь напуганы этим происшествием, что боялись вновь идти в плавание зимой; они умоляли губернатора остаться на острове, и тот, принимая во внимание их желание и желание жителей острова, провел там зиму. Он передал мне всех людей и все корабли, чтобы я шел с ними в бухту Хагуа¹, что в двенадцати лигах оттуда. Там я и пребывал до двадцатого дня месяца февраля.

Глава II

КАК ГУБЕРНАТОР ПРИБЫЛ В БУХТУ ХАГУА И ПРИВЕЗ С СОБОЙ ЛОЦМАНА В это время прибыл туда губернатор на бриге и привез с собой лоцмана, по имени Мируэло; он взял лоцмана, так как тот говорил, что он один из лучших лоцманов всего северного побережья и что бывал на реке Лас-Пальмас и знает ее. Губернатор купил также еще один корабль на гаванском побережье и оставил его там с сорока людьми и двадцатью лошадьми, капитаном того корабля он назначил Альваро де Серду. Через два дня после прибытия губернатор вышел в море, и было с ним четыреста человек и восемьдесят лошадей на четырех каравеллах и на одном бриге. Лоцман, которого мы взяли с собой, повел корабли по мелководью, именуемому Канаррео, так что на второй день мы сели на мель, и в течение следующих пятнадцати дней кили наших кораблей то и дело оказывались сухими; но затем с юга пришла буря и нагнала столько воды, что мы, хотя и с большой опасностью, смогли выйти оттуда. Когда мы подходили к Гуанигуáнико, нас захватила другая буря, и мы в ней едва не погибли.

Около мыса Корриентес нас застала новая буря и задержала там на три дня; по прошествии этого времени мы обогнули мыс Святого Антония и шли при встречном вет-

ре, пока не оказались в двенадцати лигах от Гаваны; на следующий день, когда мы пытались войти в гавань, нас подхватил южный ветер и отнес в море; мы направились к Флориде и во вторник двенадцатого дня месяца апреля достигли земли и пошли вдоль берега Флориды. В святой четверг мы бросили якорь у входа в бухту¹, на берегу которой виднелись хижины индейцев.

Глава III

КАК МЫ ПРИБЫЛИ ВО ФЛОРИДУ В тот самый день интендант Алонсо Энрикес высадился на острове, расположенном в той же бухте, и позвал индейцев²; индейцы пришли и пробыли с ним долгое время. Он выменял у них рыбы и несколько кусков оленьего мяса. На следующий день, в святую пятницу, высадился на берег губернатор, взяв с собой столько людей, сколько могло вместиться во все наши лодки; когда мы приблизились к бою, или хижинам, где накануне видели индейцев, то нашли их пустыми и брошенными, так как индейцы еще ночью ушли на своих каноэ. Одна из этих хижин была такой просторной, что в ней могло бы поместиться более трехсот человек³; другие были поменьше. Там мы обнаружили среди сетей золотую погремушку.

На следующий день губернатор поднял флаг вашего величества и от вашего королевского имени принял во владение эту землю; он предъявил свои полномочия, и мы признали его губернатором, как приказало ваше величество. Мы в свою очередь предъявили ему свои полномочия, и он признал то, что в них значилось. Потом он приказал переправить на землю всех оставшихся людей и лошадей, которые у нас еще уцелели, а уцелело их не более сорока двух, потому что остальные погибли из-за бурь и долгого плаванья по морю; те же немногие, что остались, были так истощены, что мало теперь мы могли получить от них пользы.

На другой день индейцы из этой деревни пришли к нам и хотя они говорили с нами, мы не могли их понять, ибо их

язык был нам неведом; но они делали разные знаки и грозили, поэтому нам показалось, что они говорят, чтобы мы ушли с этой земли; с этим они нас оставили и, не чиня никаких помех, удалились.

Глава IV

КАК МЫ ВОШЛИ В ГЛУБЬ ЗЕМЛИ На следующий день губернатор принял решение отправиться в глубь земли, чтобы исследовать ее и посмотреть, что в ней есть. С ним пошли комиссар, веедор, я и сорок людей, из которых шестеро было на лошадях, теперь мало на что пригодных. Мы направились на север и шли до вечера, пока не достигли весьма большой бухты, которая, как нам показалось, глубоко вдавалась в землю¹; там мы остановились на ночь, а на следующий день вернулись туда, где были наши корабли и люди. Губернатор приказал, чтобы бриг шел вдоль берега и искал гавань, о которой Мируэло, лоцман, говорил, что знает ее; но тот уже заблудился и не знал, ни где мы находимся, ни где гавань; и тогда ему приказали, чтобы он, если не найдет гавани, шел в Гавану и искал бы корабль Альваро де ла Серды и, взяв припасов, возвращался бы за нами.

После ухода брига мы, кто ходил в глубь земли, снова отправились туда, захватив с собой еще несколько человек; пройдя четыре лиги берегом бухты, которую обнаружили раньше, мы взяли четырех индейцев² и показали им маис, чтобы посмотреть, знают ли они его, так как до сих пор он нам здесь не попадался. Индейцы сказали, что отведут нас туда, где есть маис; и вот они привели нас в свою деревню, находившуюся недалеко от этого места, в конце залива, и там показали нам немного незрелого маиса. Там же мы увидели много ларей, какими пользуются кастильские торговцы, и в каждом ларе лежало мертвое тело, и было каждое тело покрыто раскрашенными оленьими шкурами³.

Комиссар предположил, что это какой-то вид идолопоклонства, и сжег все лари с трупам. Еще мы нашли там куски пряжи, холста и плюмажи, которые, похоже, были из Новой Испании¹; мы нашли также золотые вещи и знаками спростили индейцев, откуда они их взяли. Они рассказали, что очень далеко от этого места есть земля, которая называется Аппалаче, и в ней много золота, и знаками дали нам понять, что там много всего того, что мы ищем. Услышав, что в Аппалаче много золота, мы взяли с собой этих индейцев проводниками и тронулись в путь. Пройдя десять или двенадцать лиг, мы вышли к другой деревне из пятнадцати домов, где было посеяно много маиса, который к этому времени уже созрел; был там и засохший маис. Пробыв в деревне два дня, мы вернулись туда, где оставались интендант, люди и корабли, и рассказали интенданту и лоцманам о том, что видели, и о сведениях, полученных от индейцев.

А на другой день, который был первое мая, губернатор отозвал в сторону комиссара, интенданта, веедора, меня и одного матроса, по имени Херонимо де Аланис, и, так нас собрав, сказал, что он хочет идти вперед в глубь земли², а корабли чтобы шли в это время вдоль берега, пока не достигнут гавани; ибо лоцманы думают и говорят, что если плыть по направлению к Лас-Пальмас, то гавань совсем близко отсюда; и после этого он просил нас сказать, каково наше мнение. Я ответил, что, по моему разумению, ни в коем случае нельзя оставлять корабли до того, как мы приведем их в населенное и безопасное место, а что касается лоцманов, то они совсем уже сбились, они не уверены в том, что говорят, и не знают хорошо, где мы находимся; и что, кроме того, наши лошади ни на что не годны, и в случае необходимости мы не сможем получить от них никакой пользы; и что помимо этого мы немые и безъязыкие и не сумеем поэтому ни хорошо объясниться с индейцами, ни узнать о стране то, что пожелаем, а ведь мы пойдем в землю, о которой не имеем никаких сведений, не зная, ни какова она, ни что в ней есть, ни каким народом населена, ни в какой ее части мы сами находимся; и что, сверх всего этого, нет у нас и припасов, чтобы идти неизвестно куда, ибо, судя по тому, что осталось на кораблях, мы сможем дать каждому человеку в запас для похода в глубь земли не больше чем фунт сухарей и фунт свиного сала; и что, как мне кажется, следует нам погрузиться на корабли и идти искать гавань и землю, более пригодную для поселе-

ния, ибо та земля, которую мы видели здесь, столь бедна и безлюдна, что подобной ей нет нигде в этой части света.

Комиссар же выразил противоположное мнение, сказав, что надо не садиться на корабли, но, наоборот, надо идти сушей, все время придерживаясь берега, и искать гавань, ибо ведь лоцманы сказали, что она находится не более чем в десяти или в пятнадцати лигах по пути от Пáнуко¹; и что невозможно, идя все время вдоль берега, не наткнуться на нее, потому что, по словам лоцманов, она вдается в глубь земли на двенадцать лиг; и что те, кто найдут ее первыми, пусть ждут там остальных, а что плыть всем на кораблях — значило бы искушать судьбу, ибо с тех пор, как мы отплыли от Кастилии, слишком много уже выпало на нашу долю трудов и бурь, слишком много мы потеряли кораблей и людей, пока добирались сюда; и что по этой причине он будет идти по суше вдоль берега, пока не выйдет к гавани, а корабли с другими людьми пусть тоже плывут вдоль берега, пока не достигнут того же места.

Все, кто были там, согласились с ним, кроме нотариуса, а нотариус сказал, что, прежде чем покидать корабли, надо бы отвести их в знакомое и безопасное место, хотя бы частично заселенное, и что только сделав это, можно входить в глубь земли и поступать дальше так, как каждый сочтет наилучшим.

Губернатор продолжал настаивать на своем мнении и на том, что к нему добавили другие. Я же, видя его решимость, потребовал именем вашего величества, чтобы он не бросал корабли, не приведя их в безопасное место, и попросил нотариуса, который был с нами, чтобы тот засвидетельствовал мое требование. Губернатор ответил, что он поступает в согласии с мнением большинства офицеров и комиссара, а что я не имею права требовать что-либо, и он попросил нотариуса засвидетельствовать, что, так как эта земля непригодна для заселения и не имеет гавани, он, губернатор, свернул лагерь, который уже был разбит, и пошел на поиски гавани и лучшей земли. Затем он приказал предупредить людей, которые должны были пойти с ним, чтобы они брали с собой все, что им нужно для похода.

После того как это распоряжение было отдано, он в присутствии всех, кто там находился, сказал мне, что поскольку я так противился и так боялся входить в глубь земли, то пусть я останусь и возьму командование над кораблями и над всеми людьми на кораблях, и пусть я разобью лагерь, если прибуду на место раньше, чем он.

Я отказался, но, когда все разошлись, губернатор сказал, что, как ему кажется, никому, кроме меня, нельзя доверить это, и снова передал мне, что просит взять под командование корабли и людей, которые на них остаются. Видя, что, несмотря на такую настойчивость, я продолжаю отказываться, он спросил меня, по какой причине я избегаю принять его предложение. На это я ответил, что не хочу брать на себя командование потому, что уверен и знаю, что ни он никогда больше не увидит кораблей, ни корабли его, а это ясно мне потому, что я вижу, как опрометчиво собираются они войти в ту землю. И хотя я еще больше, чем он или другие, желал бы испытать опасности и пройти через то, через что они пройдут, я просил, чтобы он не поручал мне корабли, ибо тем самым он даст возможность говорить, что поскольку я возражал против похода в глубь земли, то и остался из-за страха, и моя честь окажется под сомнением. Я же готов скорее рисковать своей жизнью, чем позволить усомниться в моей чести.

Губернатор, видя, что не сможет со мной договориться, стал просить других, чтобы они поговорили со мной об этом; и они меня также просили, но я им отвечал то же, что и ему; и тогда он назначил своим заместителем некоего алькальда, по имени Каравальо, чтобы тот остался на кораблях.

Глава V

КАК ГУБЕРНАТОР ОСТАВИЛ КОРАБЛИ В субботу, первого мая, в тот самый день, когда все это происходило, губернатор приказал выдать каждому, кто должен был идти в поход, два фунта сухарей и полфунта сала, и мы отправились в глубь земли. Всего нас шло триста человек, среди них были комиссар, брат Хуан де Палос, три клирика и офицеры. А всадников было сорок человек. И вот в течение пятнадцати дней мы шли с теми припасами, которые у нас были, и в пути не попало ничего, что можно

было бы употребить в пищу, кроме пальмит¹, весьма по-
кожих на андалузские. За это время мы не встретили ни
одного индейца, не видели ни одного дома, ни стоянки. На-
конец, мы подошли к реке², которую преодолели с боль-
шим трудом вплавь и на плотях: там мы задержались на
целый день, потому что течение было очень сильным.

Когда мы переправились на другой берег, навстречу
нам вышли двести индейцев, может быть немного больше
или меньше; губернатор выступил вперед и знаками начал
объясняться с ними, а они после этого знаками же дали нам
понять, чтобы мы уходили. Тогда мы захватили пять или
шесть индейцев, и они повели нас к своим домам, которые
находились в половине лиги от этого места; там мы увиде-
ли много маиса, который уже созрел, и возблагодарили гос-
пода нашего бога за то, что он помог нам в столь великой
нужде, ибо воистину мы были совсем неискушены в этом
новом для себя деле и страдали от усталости, а сверх того
были истощены голодом.

На третий день после нашего прихода в деревню казна-
чей, веедор, комиссар и я собрались вместе и просили гу-
бернатора, чтобы он послал людей найти море и узнать, нет
ли там гавани, потому что индейцы говорили, что море не
очень далеко от этого места. Губернатор ответил, что мы
напрасно беспокоимся и говорим об этом, ибо море очень
далеко; и так как я более остальных настаивал на нашем
мнении, он сказал мне, чтобы я отправился к морю и искал
бы там гавань и чтобы шел я пешком, взяв с собой сорок
человек.

На другой день я выступил с капитаном Алонсо дель
Кастильо и с сорока людьми из его отряда; мы шли до по-
лудня и вышли на морскую песчаную отмель, которая, как
нам показалось, очень глубоко вдавалась в землю; мы про-
шли по этой отмели около полутора лиг, и вода доходила
нам до середины бедра. Так мы шагали по раковинам, ко-
торые резали нам ноги и причиняли много забот, пока не
добрались до той же самой реки, через которую уже пере-
правлялись раньше и которая впадала в ту же самую бух-
ту; и так как мы не смогли преодолеть ее, ибо не имели для
этого подходящих средств, то вернулись в лагерь и расска-
зали губернатору обо всем, что видели, и о том, что надо
еще раз переправиться через реку в том месте, где мы ее
перешли в первый раз, чтобы тщательно обследовать бухту
и узнать, нет ли там подходящей гавани.

На другой день губернатор послал одного капитана, по

имени Валенсуэла, чтобы тот с шестнадцатью людьми и с шестью лошадьми переправился через реку, спустился вниз, достиг бы моря и выяснил, есть ли там гавань; названный капитан, после того как пробыл там два дня, вернулся и сказал, что он нашел бухту, что вся она имеет глубину до колена и не более и что там нет подходящей гавани. Еще он сказал, что видел пять или шесть каноэ с индейцами, переплывавшими залив, и что все они были разукрашены перьями.

Узнав все это, мы на следующий день тронулись в путь и пошли искать землю, о которой нам говорили раньше индейцы, называя ее Аппалаче. Проводниками мы вели с собой тех индейцев, которых взяли раньше.

Так мы шли до семнадцатого июня и за это время ни разу не видели индейцев, ибо они не осмеливались встретиться с нами. Но вот перед нами появился один знатный индеец, которого другой индеец нес на спине; знатный индеец был покрыт раскрашенной оленьей шкурой. Его сопровождало много людей; эти люди шли впереди, играя на тростниковых флейтах. Так он дошел до места, где был губернатор, и провел с ним целый час. Мы знаками дали ему понять, что идем в Аппалаче, а из его знаков поняли, что он враждует с жителями Аппалаче и будет нам помогать против них. Мы дали ему бусы, погремушки и другие подарки, и он в свою очередь дал губернатору шкуру, которой был покрыт. И вот он двинулся в путь, и мы пошли той же дорогой, следуя за ним.

В ту же ночь мы подошли к реке¹, очень глубокой и широкой и с очень сильным течением, и так как мы не решились переправляться через нее на плотках, то сделали лодку и в течение целого дня переправлялись на ней; и если бы индейцы замыслили причинить нам какое-нибудь зло, они могли бы легко воспрепятствовать нашей переправе, ибо переправа была очень трудной, даже несмотря на то, что индейцы нам помогали.

Один из всадников, по имени Хуан Веласкес, уроженец Куэльяра, не дожидаясь лодки, въехал в реку, и сильное течение снесло его с лошади; он схватился за узду, утонул сам и утопил лошадь. Индейцы того самого вождя, которого звали Дульчанчелин, нашли лошадь и показали, где мы сможем найти Хуана Веласкеса — ниже по течению реки. Мы пошли туда и, найдя его уже мертвым, были сильно опечалены, ибо до сих пор еще никто из нас не погиб. А лошадь его в тот же вечер для многих из нас составила ужин.

Двинувшись дальше, мы прибыли на другой день в деревню знатного индейца, там он дал нам маиса. Ночью, когда мы ходили за водой, в одного из наших людей стреляли из лука, но, на его счастье, стрелы пролетели мимо.

На следующий день мы вышли оттуда, при этом не появился ни один из туземцев, потому что все они убежали; но когда мы шли своим путем, показались индейцы, возвращавшиеся с войны, и хотя мы их звали, они не захотели ни подойти, ни подождать нас; вместо этого они отступили, а потом двинулись нашей дорогой, следуя за нами. Губернатор оставил у дороги в засаде нескольких всадников, которые, когда проходили индейцы, выскочили из засады и схватили троих или четверых из них, и мы взяли их с собой проводниками на дальнейший путь. Эти индейцы повели нас по земле, приятной для глаз, но трудной для ног. На ней росли огромные леса, а деревья были необыкновенной высоты¹, но много этих деревьев упало и лежало на земле, загромождая нам путь², так что мы не могли идти прямо, были вынуждены все время кружить и продвигались с большим трудом. Из тех деревьев, что не упали, многие были расщеплены сверху донизу молниями. Деревья часто падают в этой земле, где всегда есть грозы и сильные бури.

Таким образом, мы шли до дня Святого Хуана³, а на следующий день нашим взглядам открылось селение Аппалаче⁴. Индейцы Аппалаче не заметили нашего прихода. И мы возблагодарили господу, видя себя так близко от этой земли и думая, что было правдой все, что нам о ней рассказывали, и веря, что здесь придет конец всем нашим трудностям. Мы были измучены плохой и тяжелой дорогой, а также и голодом; ибо, хотя несколько раз нам встретился маис, чаще мы проходили по шести или восьми лиг, не находя его. Многие из нас страдали не только от усталости и голода, но и от того, что спины были изъязвлены оружием, которое несли на себе, при этом я не говорю уже о других вещах, случившихся с нами. Но, когда мы оказались, наконец, там, куда так стремились, и где, судя по рассказам, было столько всяческих припасов и золота, нам показалось, что усталость и заботы уходят от нас.

Глава VI

КАК МЫ ПРИШЛИ В АППАЛАЧЕ Дойдя до того места, откуда была видна деревня Аппалаче, губернатор приказал мне взять десять всадников и пятьдесят пехотинцев и войти в деревню. Вместе с нами отправился туда и введор.

Войдя в деревню, мы увидели только женщин и детей, мужчин в это время в ней не было. Но вскоре они прибежали, напали на нас, стреляя из луков и убили лошадь введора. Наконец, они оставили нас и убежали.

В деревне мы нашли много спелого маиса. Был там и сухой маис. Мы нашли также оленьи шкуры и несколько довольно плохих полотняных покрывал; женщины используют их, чтобы прикрывать определенные части своего тела. Было там еще много ступок, в которых толкут маис.

Деревня состояла из сорока маленьких низких домов, поставленных в укрытых местах для защиты от бурь, постоянно свирепствующих в той земле. Дома были сделаны из соломы, а вся деревня окружена очень густым лесом с огромными деревьями и множеством маленьких озер. Повсюду там столько громадных упавших деревьев, что все загромождено ими, и по этой причине проходить через эти места можно только с большим трудом и опасностями.

Глава VII

О ТОМ, КАКОВА ЭТА ЗЕМЛЯ Начиная от места, где мы высадились, и до этой деревни земля там, включая зем-

лю Аппалаче, большей частью ровная, почва — песчаная и из твердых пород. По всей земле встречаются огромные деревья; там много светлых лесов, в них растут ореховые и лавровые деревья и еще деревья, которые называются ликвидамбрами, а также кедр, можжевельное дерево, дуб и падуб, сосна и низкие пальмиты такой же породы, как в Кастилии. По всей стране разбросаны большие и малые озера, некоторые из них труднопроходимы, частично из-за большой глубины, частично из-за того, что завалены упавшими деревьями. Дно у озер песчаное, а озера, которые мы видели в Аппалаче, гораздо больше тех, что нам встретились по пути. В этой земле много полей, засеянных маисом, и дома разбросаны по полям так же, как в Хельвесе¹.

Из животных нам встретились следующие: олени трех видов, кролики и зайцы, львы² и медведи и другие дикие звери. Мы видели также одно животное, которое носит своих детенышей в сумке, расположенной у него на животе; и детеныши все время сидят в сумке, пока не научатся сами искать себе пищу; а если случается им встретить человека, когда они ищут еду, то мать не убегает, пока не соберет их всех в свою сумку³.

Земля в тех краях очень холодная, в ней много хороших пастбищ для скота, много различных пород птиц: диких гусей, уток, селезней, королевских уток, мухоловов, куропаток, цапель и серых цапель; мы видели там также разных соколов, ястребов, коршунов и других птиц.

Через два часа после того, как мы вошли в Аппалаче, индейцы, которые раньше убежали оттуда, вернулись к нам с миром, прося отдать им их женщин и детей, и мы их отдали. Но губернатор задержал при себе одного касика, что вызвало среди индейцев возмущение. И вот на следующий день они вернулись с войной и с такой быстротой и отвагой напали на нас, что им удалось поджечь дома, где мы находились; но, как только мы вышли, они убежали и скрылись среди ближайших озер. А так как вокруг было много озер и полей, заросших маисом, мы не могли причинить им иного вреда, кроме того, что убили одного человека. На следующий день пришли индейцы из другого народа, жившего в другой стороне⁴. Они напали на нас так же, как и первые, и у них тоже погиб один человек.

Мы пробыли в деревне двадцать пять дней, совершили за это время три похода по той земле и нашли ее малозаселенной и труднодоступной из-за лесов, озер и тяжелых переправ. Мы спросили касика, которого задержали при

себе, а также других индейцев, которые были соседями и врагами здешних: какова тут земля, население, каков народ, какие припасы, а также и обо всем прочем. Каждый из них нам ответил, что самое большое селение на этой земле — это Аппалаче и что чем дальше вглубь, тем меньше там людей и тем они беднее, что вся земля слабо заселена и обитатели ее живут далеко друг от друга, и что в том направлении находятся большие озера, густые леса, обширные пустыни и совсем не заселенные места.

Затем мы расспросили их о земле, которая расположена к югу: какие там народы и какие припасы. Они ответили, что в той стороне, в направлении к морю, в девяти днях пути отсюда, живет народ, по имени ауте¹, что у индейцев ауте много маиса, а также фасоли и тыкв, что, живя близко от моря, они имеют и рыбу и что ауте друзья их народов.

Тогда мы приняли во внимание скудость этой земли и неблагоприятные сведения о ее населении и обо всем прочем, приняли во внимание, что индейцы вели с нами непрерывную войну, ранив наших людей и лошадей по дороге к воде, постоянно нападая на нас, при этом сами они оставались в безопасности, прячась среди озер; приняли во внимание и то, что мы не могли нанести индейцам никакого урона, ибо, когда мы входили в озера, они осыпали нас стрелами и даже убили одного сеньора из Тескуко, по имени дон Педро, которого вел с собой комиссар; и, приняв все это во внимание, мы решили уйти оттуда и искать море и народ ауте, о котором нам рассказали. И вот мы вышли из этой земли через двадцать пять дней после того, как пришли в нее.

В первый день мы проходили через озера и переправы, не встретив ни одного индейца, но на второй день подошли к озеру с очень плохой переправой: вода там доходила до груди, и в воде было много упавших деревьев. Когда мы уже дошли до середины озера, на нас напало множество индейцев; одни из них прятались до этого за деревьями, чтобы мы их не увидели, другие же засели в упавших деревьях; они начали осыпать нас стрелами и ранили много людей и лошадей, а пока мы выбирались из озера, захватили проводника, которого мы вели с собой. После того как мы вышли из озера, индейцы пошли вслед за нами, желая помешать нашему походу; они действовали так, что мы не могли ни уйти от них, ни ударить по ним со всей решительностью и всей силой своего оружия, потому что они скры-

вались в озерах и, стреляя оттуда, ранили наших людей и лошадей.

Видя это, губернатор приказал всадникам, чтобы те сошли с лошадей и ударили по индейцам пешими. Контадор тоже спешился, и вот они напали на индейцев, а потом все снова сошлись к одному озеру, и таким образом мы овладели переправой. В этой стычке несколько наших людей было ранено, так что не помогло и хорошее вооружение. Некоторые наши люди клялись, что видели в этот день два дуба, каждый толщиной с бедро в нижней его части, и оба эти дуба были пронзены насквозь стрелами индейцев; и это совсем не удивительно для тех, кто знает, с какой силой и сноровкой пускают индейцы стрелы; ибо сам я видел одну стрелу, которая вошла в ствол тополя на целую четверть¹.

Все индейцы, которых мы встречали здесь, начиная от Флориды, вооружены луками, все они были рослыми и ходили нагими, так что издалека казались великанами. Индейцы этого народа² на редкость хорошо сложены, очень сухощавы и обладают большой силой и ловкостью. Луки, которыми они пользуются, толщиной с руку, а длиной в одиннадцать или двенадцать пядей³, стрела летит из них с такой точностью, что всегда попадает в цель.

Пройдя лигу после этой переправы, мы вышли к другой, такой же плохой, но более длинной: она тянулась на поллиги, что делало ее еще труднее. Эту переправу мы прошли спокойно, без стычек с индейцами, ибо они уже израсходовали запасы стрел и теперь не осмеливались напасть на нас.

На следующий день, когда мы проходили другую такую же плохую переправу, я заметил следы людей, которые шли впереди нас, и дал знать о них губернатору, шедшему сзади; поэтому, хотя индейцы напали на нас, они не смогли причинить нам никакого ущерба: мы были готовы к нападению. Индейцы продолжали идти вслед за нами и после переправы, по ровному месту. Тогда мы развернулись и ударили по ним с двух сторон и убили двух человек; у нас были ранены двое или трое, я тоже получил рану. Поскольку индейцы успели добраться до леса, мы не смогли ни причинить им урона, ни нанести большого ущерба.

Так мы шли восемь дней, и после этой переправы индейцы больше не нападали на нас вплоть до того случая, о котором я сейчас расскажу. Мы отошли от переправы на одну лигу и двигались своим путем, когда индейцы, неза-

метно подкравшиися к нам, ударили с тылу. Но тут закричал слуга одного идальго, шедший с нами; этого юношу звали Авельянеда. Авельянеда побежал назад на помощь тем, кто там находился, и индейцы попали в него стрелой, которая прошла с краю панциря и тяжело его ранила, пронзив насквозь всю шею. Он вскоре умер, и мы несли его тело до Ауте¹. Путь от Аппалаче до селения Ауте занял у нас девять дней.

Когда мы прибыли в Ауте, то увидели, что весь народ оттуда ушел, дома сожжены, а маис, тыква и фасоль, которых там было в изобилии, уже созрели. Мы отдыхали два дня, а по прошествии этого времени губернатор просил меня отправиться на поиски моря, поскольку индейцы говорили, что оно расположено совсем близко от этого места. Мы уже знали, в какой стороне его надо искать, ибо по дороге сюда видели большую реку, которую называли рекой Магдалены².

На следующий день, исполняя приказ губернатора, я взял с собой семь всадников и пятьдесят пехотинцев и вместе с комиссаром, капитаном Кастильо и Андресом Дорантесом отправился на поиски моря; мы шли весь день и на вечерней заре вышли к бухте или к морскому заливу³; там было много раковин, что очень обрадовало наших людей; и мы возблагодарили господа бога за то, что он привел нас к морю.

Утром следующего дня я послал двадцать человек обследовать местность и узнать очертания берега. Люди вернулись на другой день вечером и сказали, что берег изрезан бухтами, которые глубоко вдаются в глубь земли и мешают узнать то, что нам нужно, другой же берег залива очень далеко.

Получив эти сведения и приняв во внимание неудобные очертания берега и отсутствие подручных средств, без которых его невозможно было обследовать, я решил вернуться к губернатору. Когда мы вернулись, то нашли губернатора и многих других людей больными; прошедшая ночь была для них очень тяжелой, потому что на них, больных, напали индейцы; во время стычки была убита одна лошадь. Я дал отчет обо всем, что было сделано, и о плохом расположении берега. Этот день мы провели в Ауте.

Глава VIII

КАК МЫ УШЛИ ИЗ АУТЕ На следующее утро мы покинули Ауте и шли весь день, пока не прибыли туда, где я уже побывал. Переход был очень трудным, так как не хватало лошадей, чтобы везти больных, и мы не знали, что нам с ними делать, к тому же каждый день заболсвали все новые люди. Больно и жалко было видеть, в какой беде и нужде мы оказались. Придя на место, мы поняли, что дальше идти невозможно, потому что идти было некуда, а если бы и было куда, мы все равно не смогли бы двигаться: большая часть людей ослабела от болезней, так что мало осталось таких, которые еще были годны на что-нибудь.

Далее я не буду рассказывать об этом подробно, потому что каждый способен представить себе, что можно испытать в такой необычной и злосчастной земле, где ничего нельзя было сделать: нельзя было выбраться из нее, но нельзя было и оставаться. Однако мы не теряли веру в господа нашего бога, нашу самую надежную опору.

Случилась здесь с нами и другая вещь, еще более ухудшившая положение: большая часть всадников начала тайно уходить, полагая найти в этом спасение для себя и бросая губернатора и больных, которые совсем обессилели. Но среди всадников было много идалго и порядочных людей, и они не захотели, чтобы все это произошло без ведома губернатора и офицеров вашего величества; мы стали стыдить их за такое намерение, за то, что они хотели оставить в беде своего капитана и всех, кто был болен и потерял силы, и особенно за то, что они собирались бросить службу вашему величеству. Тогда они согласились остаться и согласились, что мы должны сообща разделять все, что выпадет на нашу долю, и никто никого не должен покидать.

Узнав о случившемся, губернатор призвал к себе всех и каждого, прося высказать свои мнения об этой злополучной земле и о том, как найти какой-нибудь способ выбрать-

ся отсюда, потому что было непонятно, как это сделать: ведь третья часть наших людей была больна и число больных увеличивалось с каждым часом, так что было вполне возможным, что вскоре все окажутся больными; оставшись же здесь, мы не могли ждать ничего иного, кроме смерти, которая была бы еще более тяжелой оттого, что мы умираем подобным образом. Приняв во внимание эти и другие неблагоприятные обстоятельства и перебрав различные способы, мы решили взяться за крайне трудное дело, а именно строить корабли, на которых смогли бы уйти отсюда.

Всем нам это дело казалось невыполнимым, потому что мы не умели строить кораблей и не имели ни инструментов, ни железа, ни горна, ни пакли, ни смолы, ни оснастки — словом, у нас не было ни нужных вещей, ни подходящих людей, и, главное, нам нечего было бы есть в то время, пока корабли строятся, и нечем было бы накормить даже тех, кто будет занят их постройкой. Взвесив все это, мы решили, что нужно более спокойно и неторопливо все продумать, и на этот день обсуждение закончилось и все разошлись, вверяя себя господу нашему богу и моля его вывести нас отсюда любым путем, какой он сочтет наилучшим.

И пожелал господь так¹, что на другой день пришел один человек из отряда и сказал, что он смог бы из нескольких жердей и оленьих шкур сделать кузнечные меха; мы же находились в таком положении, что для нас была хороша любая вещь, которая имела хоть малую видимость подходящего средства для спасения, и поэтому сказали ему, чтобы он принимался за работу. Мы решили из наших шпор, стремян, арбалетов и других железных вещей делать гвозди, пилы, топоры и прочие инструменты, в которых имели столь большую нужду; чтобы запастись пищей на время работы, постановили, что все, кто еще в силах ходить, предпримут четыре похода в Ауте, те же, кто останутся здесь, на третий день убьют одну лошадь и распределят ее между больными и людьми, занятыми постройкой лодок.

В походах приняли участие кто мог из людей и лошади, которые могли двигаться; нам удалось принести четыреста фанег² маиса, хотя дело и не обошлось без стычек с индейцами; мы распорядились собрать побольше коры и шерсти пальмит: ее скручивали и вытягивали волокна, чтобы использовать их вместо пакли для наших лодок.

Когда начинали строить лодки, у нас в отряде был только один плотник, но мы проявили такое прилежание, что с четвертого дня месяца августа по двадцатое дня месяца

сентября закончили пять лодок, каждая из которых была длиной в двадцать два локтя и была проконопачена паклей из пальмит. Лодки просмолили варом, его приготовил из сосновой живицы один грек, по имени дон Теодоро; из тех же волокон пальмит и из лошадиных хвостов и грив сплели канаты и снасти, из рубашек сделали паруса, а из можжевельного дерева, что там росло, весла, которые, как мы думали, будут нам необходимы. И такова была эта земля, куда по грехам нашим мы попали, что лишь с большим трудом удалось найти на ней камни для якорей и для того, чтобы придать остойчивость нашим лодкам, ибо нигде вокруг не было видно ни единого. Мы также содрали целиком кожи с лошадиных ног и выдубили их, чтобы сделать бурдюки для пресной воды.

В это же время произошло следующее событие: дважды, когда наши люди собирали морские ракушки в небольших заливах и бухтах, на них нападали индейцы; на виду лагеря они убили у нас десять человек, и мы не смогли им помочь: люди были насквозь пронзены стрелами, хорошее боевое снаряжение не защитило их от стрел, которые индейцы пускали с большим искусством и с большой силой, о чем я уже говорил раньше.

Согласно утверждениям наших лоцманов, от бухты, названной нами бухтой Креста¹, и до этого места мы прошли двести восемьдесят лиг, может быть немного больше или меньше. На всей этой земле мы не видели гор и ничего о них не слышали.

До того, как мы смогли погрузиться на лодки, избежав смерти от рук индейцев, у нас умерло от болезней и голода более сорока человек. Двадцать второго дня месяца сентября мы съели последнюю лошадь и разместились на лодках в следующем порядке: в первую сел губернатор с сорока девятью людьми, во вторую — казначей и комиссар, тоже с сорока девятью людьми, в третью — капитан Алонсо дель Кастильо и Андрес Дорантес с сорока восемью людьми, в четвертую — капитан Тельес и Пеньялоса с сорока шестью людьми, в последнюю лодку сели веедор и я с сорока девятью людьми². После того как припасы и одежду перенесли в лодки, они погрузились в воду почти до краев, и, кроме того, мы были так стеснены, что не могли даже пошевелиться; но столь велика была наша нужда, что мы отважились плыть в подобных лодках и даже выйти на них в опасное море, и при всем этом никто из нас не имел никакого представления о мореходном искусстве.

Глава IX

КАК МЫ ВЫШЛИ ИЗ ЗАЛИВА ЛОШАДЕЙ Тот залив, из которого вышли, мы называли заливом Лошадей¹. Семь дней мы плавали по бухтам в лодках, сидящих в воде до самой верхней обшивки, но не видели на берегах ничего заслуживающего внимания, а потом подошли к острову², расположенному недалеко от земли. Моя лодка шла первой, и с нее мы увидели, что к нам плывут пять каноэ с индейцами. Увидя нас, индейцы покинули свои каноэ, а мы их подобрали. Другие наши лодки прошли в это время вперед и обнаружили на острове несколько индейских домов; там мы нашли много сушеной рыбы, гольца, что при нашей нужде было большим подспорьем.

Затем мы отправились дальше и через две лиги прошли очень узким проливом между островом и землей; проливу дали имя Святого Мигеля, так как это было в его день.

Выйдя из пролива, мы пристали к берегу и, разобрав индейские каноэ, которые я захватил, нарастили борта у наших лодок, так что они теперь возвышались над водой на две пяди. После этого мы вновь поплыли вдоль берега по направлению к Рио-де-Пальмас, с каждым днем все больше страдая от голода и жажды: припасов у нас было очень мало, да и те подходили к концу, а вода уже кончилась, потому что бурдюки, сделанные из лошадиных ног, загнили и больше ни на что не годились.

Несколько раз мы входили в узкие заливы и бухты, которые глубоко вдавались в землю; все они оказались мелкими и опасными. Мы ходили по этим заливам тридцать дней и иногда встречали там индейских рыбаков, людей очень бедных и жалких.

К концу этих тридцати дней, когда жажда стала уже нестерпимой, мы, плывя ночью вдоль берега, заметили каноэ и надеялись, что оно приблизится к нам; однако индейцы, несмотря на то что мы их окликали, не захотели

ни подойти к нам, ни подождать нас. Так как дело происходило ночью, мы не стали преследовать их и продолжали идти своим путем, а когда рассвело, увидели маленький остров и подошли к нему, чтобы узнать, нет ли там воды. Но поиски наши были тщетными, воды на нем не было.

Когда мы, вытащив лодки на берег, ходили по острову, нас захватила сильная буря, поэтому мы задержались там на шесть дней, не осмеливаясь выйти в море. Мы пять дней ничего не пили и жажда стала такой непереносимой, что вынудила нас пить соленую воду; однако некоторые оказались при этом очень неосторожны, и у нас умерло сразу пять человек.

Я рассказываю обо всем этом кратко, потому что думаю, нет надобности в подробном описании наших невзгод и лишений; ведь каждый, приняв во внимание, где мы находились и сколь мало было у нас надежды на спасение, легко может представить, что должно было происходить. И вот, видя, что жажда наша все растет, а соленая вода нас убивает, мы решили не дожидаться неизбежной смерти на земле, но верить свои души господу нашему богу и, презрев опасность, выйти в море. Так мы и сделали и пошли в том направлении, где, когда плыли к острову, видели ночью каное. В этот день нас столько раз заливало водой и разметывало в разные стороны, что казалось, никто не сможет избежать смерти. Однако смиростивился господь наш бог, не оставляющий людей и в самых тяжелых лишениях, и мы уже при заходе солнца обогнули один мыс и оказались в месте, укрытом от волн и ветра¹.

Навстречу нам вышло множество каное; индейцы с каное что-то нам сказали, но не стали нас ждать и повернули обратно. Они были хорошо расположены к нам и не имели при себе ни луков, ни стрел. Мы следовали за ними до самых их домов, которые находились недалеко оттуда, у края воды. Там сошли на землю и увидели перед домами много кувшинов с водой и печеную рыбу; их касик предложил все это губернатору, а его самого повел в свой дом. Дома этих индейцев были из циновок, и нам показалось, что они сделаны не как временные, а как постоянные жилища.

Когда мы вошли в дом касика, он дал нам много рыбы, а мы дали ему маиса, который принесли с собой; этот маис они тут же съели и попросили еще, и мы дали им еще, а губернатор сделал касику много подарков. В полночь же индейцы неожиданно напали на нас и на больных, лежавших на берегу, и на дом касика, где находился губернатор, и ра-

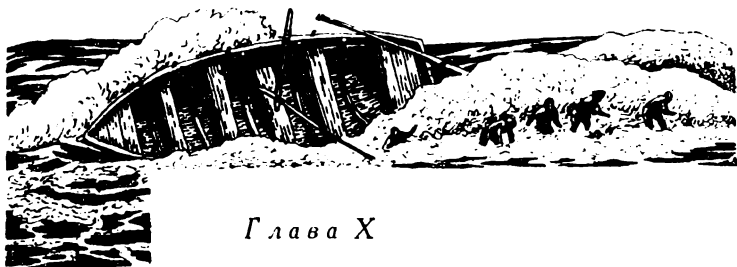
нили губернатора камнем в лицо. Те из нас, кто были в доме, схватили касика, но с помощью индейцев, стоявших рядом, касик сумел вырваться, оставив в руках наших людей накидку из куньего меха, равного которому, я думаю, не найти нигде в мире. Этот мех имел запах амбры и мускуса столь сильный, что он был слышен на большом расстоянии¹; в тех краях нам встречались и другие меха, но ни один из них не походил на этот.

Видя, что губернатор ранен, наши люди, находившиеся поблизости, взяли его в лодку. Мы распорядились, чтобы все наши люди вернулись в лодки и находились там с губернатором, а сами силою в пятьдесят человек остались на берегу охранять их от индейцев, которые в течение этой ночи еще трижды нападали на нас; натиск их был таков, что мы каждый раз вынуждены были отступать на расстояние брошенного камня. Среди нас не осталось никого, кто не получил бы рану, я тоже был ранен в лицо; и если бы у индейцев было больше стрел, они, несомненно, причинили бы нам гораздо больший ущерб. При последнем нападении капитаны Тельес, Дорантес и Пеньялоса с пятнадцатью людьми ударили по индейцам с тыла и принудили их бежать, после чего они оставили нас в покое.

Утром следующего дня я разломал у индейцев более тридцати каноэ, и мы использовали их для защиты от северного ветра, из-за которого мы весь день вынуждены были оставаться там, страдая от холода и не осмеливаясь выйти в море, поскольку там была сильная буря.

Когда буря кончилась, мы снова погрузились в лодки и плыли на них в течение трех дней; и так как мы взяли с собой мало воды, ибо у нас не было посуды, чтобы везти ее с собой, то мы снова начали страдать от жажды. По пути зашли в лагуну и увидели там несколько каноэ. Мы позвали тех индейцев, и они поплыли к нам; губернатор, к чьей лодке они подошли, попросил у них воды; они обещали ему воды, но с тем, чтобы им дали, в чем ее привезти. Один христианин, грек, по имени Доротео Теодоро (о котором я упоминал выше), сказал, что он хотел бы пойти с ними; губернатор и остальные всячески стремились отговорить его, но ничего не смогли поделать, потому что он хотел обязательно идти с индейцами. Так он и отправился с ними, взяв с собой одного негра, индейцы же тоже оставили нам двух человек заложниками. Ночью индейцы вернулись и привезли много сосудов, но без воды, а христиан, которых взяли с собой, не привезли; остававшиеся же у нас залож-

никами, переговорив с ними, хотели броситься в воду, однако наши люди, бывшие с ними в лодке, их задержали. Индейцы на каноэ уплыли от нас, и мы остались растерянные и опечаленные потерей двух христиан¹.

Глава X

О ТОМ, КАК ИНДЕЙЦЫ УЧИНИЛИ СТЫЧКУ С НАМИ Когда наступило утро, индейцы подплыли к нам на многих каноэ и стали просить, чтобы мы отпустили тех двух заложников, которых мы задержали у себя. Губернатор сказал, что он их выдаст, если индейцы привезут двух наших христиан, которых они взяли с собой. Среди индейцев на каноэ были пять или шесть касиков, и нам показалось, что они лучше сложены, держатся с большим достоинством и имеют большую власть, чем все те, кого мы там до сих пор видели, хотя эти касики и не были такими рослыми, как индейцы, о которых мы рассказывали раньше. Касики носили распущенные и очень длинные волосы, покрытые накидками из куньего меха, вроде того, что мы видели раньше, и некоторые из этих накидок имели необычный вид: на них были банты, искусно сделанные из какого-то рыжего меха, и они нам очень понравились. Индейцы просили нас, чтобы мы пошли с ними, и тогда-де они отдадут нам христиан и снабдят нас водой и другими припасами. Но при этом они все время наезжали на нас своими каноэ, стремясь отрезать выход из лагуны; и вот из-за этого, а также из-за того, что выходить на берег было для нас очень опасно, мы отошли в море и там оставались с индейцами до полудня. И так как они не хотели вернуть нам христиан, а мы по этой причине не возвращали им заложников, они начали метать в нас дротики и камни из пращей и грозились пустить стрелы, хотя мы видели у них всего три или четыре лука.

Во время этой стычки ветер посвежел. Индейцы вернулись к себе и оставили нас; мы же поплыли дальше иплы-

ли весь день до самой вечерней зари, когда моя лодка, шедшая первой, приблизилась к месту, где земля сильно выдвигалась в море. С другой стороны этого мыса виднелась очень большая река¹, а в конце мыса был островок, у которого я приказал бросить якорь, чтобы подождать других лодки. Губернатор не захотел подойти к нам; он вошел в бухту со множеством островков неподалеку от нас, там мы и собрались все вместе. Пресную воду брали прямо из моря так как река растекалась по его поверхности². Мы сошли на остров, чтобы поджарить немного маиса — уже два дня мы ели его сырым, но поскольку мы не нашли там дров, те решили войти в реку, находившуюся за мысом на расстоянии одной лиги от нас. Однако, идя туда, мы встретили очень сильное течение; оно не давало приблизиться к устью и относило нас от земли; мы продолжали упорно грести, стараясь дойти до берега.

В это время ветер, который дул с севера, так усилился, что нас вынесло в море, и мы не в силах были что-нибудь сделать. И вот мы оказались в пол-лиге от берега, полузатопленные, и не могли достать дна на глубине тридцати морских саженей³; возможно, это было из-за сильного течения, но нам не удалось проверить это. Так мы плыли еще два дня, пытаюсь пристать к земле, а по прошествии двух дней, незадолго перед восходом солнца, увидели на берегу множество дымов. Напрягая силы, мы подошли к берегу на три морские сажени, но, поскольку была еще ночь, не решились сойти на землю, ибо, рассмотрев там дымы, подумали, что нас может подстергать какая-нибудь опасность, а мы из-за темноты не сможем вовремя заметить и предотвратить ее; и поэтому мы решили подождать до утра.

Когда рассвело, оказалось, что все лодки потеряли друг друга из виду; я очутился в тридцати морских саженях от берега и продолжил путешествие. Вечером я увидел две лодки и направился к ним; та, к которой я подошел первой, оказалась лодкой губернатора. Он спросил меня, что, по моему мнению, нам надо делать. Я сказал, что нам надо бы догнать ту лодку, которая шла впереди, и ни в коем случае не оставлять ее одну, а когда мы соберемся тремя лодками вместе, надо продолжить наш путь, куда господь бог пожелает нас привести. Губернатор ответил, что это нельзя сделать, потому что та лодка идет очень далеко от берега, а он хочет сойти на сушу, и что если я хочу сойти с ним, то пусть прикажу своим людям взяться за весла и грести, ибо только силой своих рук мы сможем приблизить-

ся к земле. Это ему посоветовал капитан Пантоха, который шел в его лодке; еще капитан Пантоха сказал, что если в тот же день мы не пристанем к земле, то не сможем пристать к ней и в следующие шесть дней, а этого времени будет достаточно, чтобы умереть с голоду.

Исполняя волю губернатора, я взялся за весло, то же самое сделали все, кто находился в моей лодке. Мы гребли почти до самого захода солнца, но так как люди, которые шли с губернатором, были здоровее и сильнее всех, кто был на других лодках, мы не могли ни держаться около них, ни следовать за ними. Видя это, я попросил губернатора, чтобы они кинули нам конец со своей лодки, ибо мы были не в силах идти за ними, он же ответил, что они и одни едва ли смогут достичь земли этой ночью. Я сказал ему, что так как имею мало надежды, что мы сможем идти за ним и выполнить то, что он приказал, то пусть он отдаст приказ, что мне делать в этом случае. Он мне ответил, что сейчас не время отдавать приказы, поэтому пусть каждый спасает жизнь как может, и что он сам намерен поступить подобным образом. Сказав так, он отплыл от нас на своей лодке, а я, не имея возможности следовать за ним, пошел к другой лодке, которая держалась мористее и дожидалась меня. Подплыв к ней, я увидел, что это была лодка капитанов Пеньялосы и Тельеса. И вот мы плыли вместе четыре дня, съедая каждый день по строгой мере горсть маиса.

По прошествии этих четырех дней нас захватила буря, во время которой вторая лодка пропала, и только по великому милосердию божью мы сами не утонули, таково было ненастье: все это происходило зимой, было очень холодно, и мы уже долго страдали от голода и от ударов, которые нам наносило море, поэтому на следующий день люди начали падать в обморок, так что к концу дня все, кто были в моей лодке, уже лежали друг на друге полумертвые, и только пять человек еще оставались на ногах. Когда же наступила ночь, осталось только двое, кто мог управлять лодкой — я и боцман, и в два часа ночи боцман сказал мне, чтобы я взял лодку на себя, ибо он был в таком состоянии, что думал, что умрет этой же ночью; тогда я взял руль, а в середине ночи подошел посмотреть, не умер ли боцман, но он мне сказал, что ему лучше и что он будет править лодкой до утра. И поистине в этот час хотелось мне самому быть мертвым, чтобы только не видеть такие муки моих людей.

После того как боцман взял управление лодкой, я хотел было отдохнуть немного, но не смог; никогда еще сон не

был так далек от меня, как в эту ночь. Уже перед рассветом мне почудилось, что я слышу гул прибоя, какой бывает при низком берегу, потому что волны обрушиваются на такой берег с сильным грохотом; в испуге я позвал боцмана, и тот мне сказал, что мы, наверное, недалеко от земли. Бросили лот. Оказалось, что глубина под нами — шесть морских саженьей¹. Боцман сказал, что нам надо взять мористее и дожидаться, пока рассветет; я схватил весло и начал грести от берега, который, как мы увидели, был в лиге от нас, и тут нас повернуло кормой к морю и понесло к земле. Недалеко от берега большая волна подхватила лодку и так ее бросила, что она выскочила из воды на целую эррадуру², и от сильного удара почти все люди, лежавшие в ней без чувств, пришли в себя. Увидев рядом землю, они стали вываливаться из лодки и на четвереньках выбираться на сушу. Выйдя с трудом на берег, мы развели огонь, поджарили немного маиса, который у нас сохранился и нашли воду, оставшуюся там от прошедших дождей; тепло от костра привело людей в себя и придало им немного сил. А было все это в шестой день ноября.

Глава XI

О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО МЕЖДУ ЛОПЕ ДЕ ОВЬЕДО И НЕСКОЛЬКИМИ ИНДЕЙЦАМИ После того как люди поели, я сказал Лопе де Овьедо, который был крепче остальных и сохранил больше сил, чтобы он пошел к деревьям, что росли недалеко от нас, и, взобравшись на одно из них, разведаль бы землю, на которой мы оказались, и постарался бы узнать о ней что-нибудь. Он так и сделал и выяснил, что мы находимся на острове³; еще он заметил, что земля здесь разрыхлена, словно по ней обычно ходит скот, и поэтому ему показалось, что она принадлежит христианам, о чем он нам и сообщил.

Я приказал, чтобы он вернулся обратно и разведal все с еще большей тщательностью и посмотрел, нет ли вокруг каких-нибудь дорог, по которым мы могли бы пойти, и чтобы при этом он не слишком от нас удалялся, ибо здесь могло быть опасно.

Он снова ушел и, обнаружив тропу, прошел по ней поллиги, и увидел несколько индейских хижин, которые стояли пустыми, потому что индейцы были в поле; он взял там один горшок, маленькую собачку, немного рыбы и повернул обратно; нам же показалось, что его долго нет, и я послал двух человек на поиски, чтобы они узнали, не случилось ли с ним что-нибудь; пройдя немного, они увидели его и увидели также трех индейцев с луками и стрелами, которые шли за ним и звали его, а он тоже знаками звал их за собой. Так он подошел к нашим людям, а индейцы остановились немного сзади и уселись на землю; и за полчаса сбежалось несколько сот других индейцев со стрелами; не знаю, были ли эти индейцы на самом деле большими или нет, но у страха глаза велики, и нам они тогда показались огромными¹.

Индейцы остановились недалеко от нас, около тех трех наших людей. Нам нечего было и думать о том, чтобы защищаться, потому что среди нас едва ли нашлось бы шесть человек, способных подняться с земли. Веедор и я вышли к индейцам и позвали их; они подошли к нам; и мы приложили все усилия к тому, чтобы умиротворить их и наладить с ними отношения. Мы дали им бусы и погремушки, и каждый из них дал мне по одной стреле, что было знаком дружбы. Индейцы жестами объяснили, что утром придут снова и принесут нам еды, ибо сейчас у них ее не было.

Глава XII

КАК ИНДЕЙЦЫ ПРИНЕСЛИ НАМ ЕДУ На следующий день сразу после восхода солнца индейцы, как и обе-

щали, пришли к нам и принесли много рыбы и коренья, которые они едят и которые были похожи на орехи, одни размером чуть побольше, другие — поменьше¹; большую часть этих кореньев они с немалым трудом достают из-под воды. Вечером они пришли снова и принесли еще больше рыбы и тех же кореньев, а также привели своих женщин и детей, чтобы они на нас посмотрели; мы щедро одарили их всех погремушками и бусами, и в следующие дни они опять навещали нас, принося с собой то же, что и в первый раз.

Посчитав, что у нас теперь достаточно рыбы, кореньев, воды и других припасов, мы решили вновь погрузиться в лодку и идти дальше своим путем. И вот мы вытащили лодку из песка, куда ее затянуло, и нам пришлось раздеться догола и тяжело потрудиться, чтобы стащить ее в воду, ибо были мы тогда таковы, что и более легкие работы давались нам с большим трудом. Когда же, наконец, мы сели в лодку и отошли от берега на два арбалетных выстрела, нас так сильно ударило волной, что все промокли с ног до головы; а поскольку мы были голыми и стоял сильный холод, весла выпали из рук и следующий удар волны перевернул лодку. Веедор и еще два человека уцепились за нее, думая спастись таким образом, но вышло все напротив: лодка накрыла их сверху и они утонули. Море, которое в этом месте было очень бурным, закрутило всех остальных в волнах и одним махом вынесло нас, полузадохнувшихся, на берег; не хватало только тех трех, что попали под лодку.

Все, кто спасся, остались совсем голыми, будто только что родились; мы потеряли все, что у нас было, и хотя это имущество мало что стоило, но для нас тогда оно значило очень много. И так как стоял ноябрь, и было очень холодно, и мы были настолько истощены, что легко можно было пересчитать все наши кости, то поистине являли мы собой подлинный образ смерти. О себе самом могу сказать, что начиная с месяца мая не ел я ничего другого, кроме жареного майса, да еще ел рыбу не более десяти раз, а тех лошадей, которых убивали во время постройки лодки, не пришло мне попробовать ни разу. Я рассказываю так подробно об этих обстоятельствах для того, чтобы каждый мог понять, в каком положении мы находились.

И в дополнение ко всему, что произошло с нами, подул северный ветер, так что все уже были совсем на краю гибели. Но смиростивился над нами наш господь, и мы, копаясь в головешках от костра, который разводили тут раньше, на-

шли огонь и разожгли огромный костер. И обратились мы к господу нашему богу, прося у него милосердия и прощения грехов и проливая обильные слезы, и каждый оплакивал не только себя самого, но более всего других, видя их в такой беде. А когда село солнце, индейцы, не знавшие, что мы пытались уплыть, снова пришли к нам и принесли еды; но, увидев нас столь непохожими на тех, какими мы были накануне, и в столь странном виде, они ужаснулись и повернули назад. Я пошел за ними и позвал их, и они вернулись, очень испуганные. Я объяснил знаками, что у нас пошла ко дну лодка и с нею утонуло три человека; и тут в их присутствии умерло еще два человека, и все мы, кто еще оставался в живых, были на пути к смерти.

Индейцы, узнав о неудаче, которая нас постигла, и о нашем бедственном положении, сели с нами, и от горя и жалости, что им привелось увидеть нас в подобном несчастье, все они разрыдались. Они плакали от всего сердца и так сильно, что их можно было слышать издалека, и длилось это более получаса; а то, что эти люди, такие неразумные, дикие и грубые, так из-за нас сокрушались, заставило меня и всех нас страдать еще больше и еще глубже понять и почувствовать наше горе.

Когда плач утих, я обратился к христианам и сказал, что они, если хотят, могут просить индейцев, чтобы те взяли их по своим домам; но некоторые из наших людей, побывавшие раньше в Новой Испании, ответили, что не следует просить об этом, ибо если индейцы возьмут нас по домам, то они потом принесут нас в жертву своим идолам. Однако, поскольку не было никакого иного спасения и поскольку любой другой путь еще скорее и вернее привел бы нас к смерти, я не стал обращать внимания на эти разговоры и первый попросил индейцев отвести нас в свои дома; индейцы показали, что сделают это с большим удовольствием, но чтобы мы немного подождали, а затем они выполнят нашу просьбу. После этого тридцать человек из них нагрузились дровами и пошли в свои дома, которые находились довольно далеко от этого места, а мы с остальными ждали их почти до ночи, когда они вернулись, взяли нас и быстро повели к себе. Поскольку был сильный холод и индейцы опасались, чтобы кто-нибудь из нас не умер в пути и не упал бы в обморок, они развели на дороге через равные промежутки четыре или пять больших костров, и у каждого из этих костров мы обогревались. Когда индейцы видели, что мы согрелись и собрались с силами, они вели

нас к следующему и с такой быстротой, что у нас подкашивались ноги. Таким образом мы дошли до их домов и там увидели, что для нас приготовлен отдельный дом и в нем разведен сильный огонь.

Спустя час после нашего прихода индейцы начали плясать и устроили большой праздник, который продолжался всю ночь. Нам этот праздник не доставил никакого удовольствия, и мы не могли уснуть, ожидая, когда нас начнут приносить в жертву, но утром индейцы снова дали нам рыбу и съедобные коренья и так хорошо с нами обращались, что мы немного успокоились и стали меньше опасаться жертвоприношения.

Глава XIII

КАК МЫ УЗНАЛИ О ДРУГИХ ХРИСТИАНАХ В тот же самый день я увидел у индейца один из наших подарков, но обратил внимание, что эта вещь была не из тех, что мы раздавали здешним индейцам; я спросил, откуда они ее взяли, и они показали знаками, что им дали ее другие люди, похожие на нас, и что эти люди находятся сзади по побережью¹, то есть в той стороне, откуда мы пришли.

Узнав это, я послал туда двух христиан и двух индейцев, которые должны были показать им дорогу; и совсем недалеко от нас они столкнулись с теми христианами, которые тоже шли искать нас, потому что индейцы, оставшиеся там, рассказали им о нас. Были эти христиане капитаны Андрес Дорантес и Алонсо дель Кастильо со всеми людьми из своей лодки.

Придя к нам, они ужаснулись, увидев, какими мы стали, и очень сокрушались от того, что им нечего было нам дать, ибо не имели они другой одежды, кроме той, что была на них надета. Они остались с нами и рассказали, как пятого дня того же самого месяца их лодка наскочила на скалу в полутора лигах от этого места и как они спаслись сами и

спасли все свои вещи. Мы вместе решили, что надо вновь приготовить их лодку для плавания и что все, кто смогут и пожелают, продолжат на ней свой путь, другие же останутся здесь, пока не выздоровеют, а потом, когда смогут, пойдут вдоль берега, не теряя надежды, что бог выведет и нас и их на христианскую землю. И как мы решили, так и поступили, но прежде чем спустили лодку на воду, умер Тавера, кабальеро из нашего отряда, а лодка, на которую мы рассчитывали, оказалась уже ни на что не годной; она не могла даже держаться на воде и затонула сразу, как только ее спустили. А поскольку мы были такими, как я уже рассказывал, и большинство из нас осталось нагими, и погода была совершенно неподходящей, чтобы идти пешком и переплывать реки и заливы, и не было у нас ни необходимых припасов, ни возможности достать их, решились мы на то, что подсказывала нам нужда, а именно: зимовать в этом месте. И решили мы также, что четыре человека из числа самых крепких пойдут в Пáнуко, который, как мы думали, находится недалеко от нас, и да поможет им господь наш бог дойти туда; там они сообщат, что мы остались на этом острове, и расскажут от наших бед и лишениях.

А были эти четверо очень хорошими пловцами, одного звали Альваро Фернандес, он был португалец, плотник и матрос, другого звали Мендес, третьего — Фигероа, он родом из Толедо, четвертого — Астудильо, родом из Сафры. Они взяли с собой одного индейца с этого острова.

Глава XIV

КАК УШЛИ ЧЕТВЕРО ХРИСТИАН Через несколько дней после того, как ушли эти четверо христиан, начались сильные холода и бури, поэтому индейцы не могли больше доставать съедобные коренья и не приносили ничего из зарослей тростника, где ловили рыбу; дома же плохо укрывали от ветра, и люди начали умирать, а пятеро христиан, которые жили в хижине на берегу, дошли до последней крайности и съели друг друга, так что остался только один, который, поскольку он был один, никого больше не мог

съесть. Имена этих людей: Сьерра, Дьего Лопес, Корраль Паласьос, Гонсало Руис.

После этого случая индейцы сильно изменились. Они были очень возбуждены; несомненно, если бы они увидели раньше, что там происходит, они убили бы этих людей и все мы оказались бы в тяжелом положении. И вот за короткое время из восьмидесяти человек, прибывших туда на двух лодках, в живых осталось только пятнадцать; а после того как поумирала большая часть наших людей, на индейцев напала какая-то болезнь желудка, из-за чего половина из них умерла. Тогда они стали подозревать, что мы насылаем на них смерть. Уверовав в это, они договорились между собой убить всех нас, кто еще оставался в живых. Когда они уже собирались исполнить свой замысел, индеец, который держал меня при себе, сказал им, что не следует думать, будто это мы их убиваем, ибо если бы мы обладали такой властью, то легко могли бы избежать смерти стольких наших людей, а ведь они видели, как наши люди умирали и мы не могли спасти их; и что, к тому же, нас осталось очень мало, и от нас им не будет никакого вреда, ни ущерба, поэтому лучше всего оставить нас в покое. На наше счастье, другие индейцы вняли его словам и последовали его совету, и таким образом он предотвратил наше убийство. А остров этот мы называли островом Злосчастья.

Индейцы, жившие на острове, были высокими, хорошо сложенными; они не имели иного оружия, кроме луков и стрел, но этим оружием они пользовались весьма искусно. Мужчины там протыкают себе сосок на груди, а некоторые и оба, а в отверстие они вставляют тростник длиной в две с половиной пяди и толщиной в два пальца; протыкают они также и нижнюю губу и вставляют в нее тростинку толщиной в полпальца. Женщины у них много работают. Жилища на этом острове строятся на время с октября по конец февраля. В пищу используются уже упомянутые мной корни, которые достают из-под воды в ноябре и декабре. В это время рыбы у индейцев нет и они едят тростник, а после этого времени едят корни. В конце февраля индейцы в поисках пищи уходят в другие места, потому что корни начинают прорастать и становятся несъедобными.

Нигде в мире нет людей, которые сильнее бы любили своих детей и больше бы заботились о них, чем индейцы; когда случается, что у кого-нибудь умирает сын, его оплакивают родители, родственники и весь народ¹. Оплакивают его ровно год, и происходит это так: каждое утро перед

рассветом начинают плакать родители, а за ними все остальные, и то же повторяется в полдень и с наступлением ночи; когда же пройдет год, те, кто оплакивал умершего, устраивают по нему панихиду и смывают с себя черную краску, которой были покрыты все это время. Точно так же индейцы оплакивают каждого покойника, за исключением стариков, на которых они обращают мало внимания, говоря, что их время прошло, что от них нет никакой пользы и они только занимают место и отнимают еду у детей. Обычно своих мертвых индейцы хоронят, но если среди них есть знахари, то мертвых сжигают, а пока огонь горит, устраивается большой праздник и все пляшут; из костей они делают порошок, и, когда пройдет год, во время панихиды все пускают себе кровь, а родственникам покойного дают выпить порошок из костей, разведенный в воде.

Каждому разрешается иметь только одну жену, но знахари пользуются большей свободой, у них может быть две или три жены; а между женами царит мир и согласие. Когда чья-нибудь дочь выходит замуж, тот, кто берет ее в жены отдает ей все, что убьет на охоте или поймает на рыбной ловле, а она относит это в дом своего отца, не смея ни взять, ни съесть что-нибудь из добычи; а из дома отца она приносит еду своему мужу. Ни отец и ни мать не могут входить в дом ее мужа, а муж не может входить в дом тестя, или в дома шуринов; и если он случайно встретится где-нибудь с ними, то они обходят друг друга на расстояние полета стрелы, при этом все опускают головы и не отрывают взгляд от земли; ибо им не положено ни смотреть друг на друга, ни разговаривать друг с другом. Женщины тоже не могут свободно общаться и разговаривать со свекрами и родственниками мужа; этот обычай распространен от острова более чем на пятьдесят лиг в глубь материка¹.

Существует там еще такой обычай, что, когда у кого-нибудь умрет ребенок или брат, те, кто жили с ним, три месяца не ищут себе еды и об их пропитании заботятся родственники и соседи. И так как в то время, что мы там жили, умерло много индейцев, то в большинстве домов был жестокий голод, ибо люди сохраняли этот обычай и придерживались своих обрядов; те же, кто обеспечивали их пищей, хотя и старались, почти ничего не могли принести, потому что погода стояла очень плохая. По этой причине те индейцы, у которых я находился, покинули остров и на нескольких каноэ переправились на материк; там есть бухты, в которых водится очень много ракушек, и индейцы три ме-

сяца в году не едят никакой другой пищи, кроме этих ракушек, и пьют очень плохую воду. В дровах у них большой недостаток, зато в комарах явный избыток. Дома они делают из циновок и ставят на кучу раковин, спят на этих же раковинах, подстелив шкуры, но в случае чего обходятся и без шкур. И так мы жили с ними до конца апреля, а в конце апреля пошли на берег моря, где в течение месяца ели ягоды ежевики, и весь этот месяц у индейцев длился праздник и они исполняли свои арейто¹.

Глава XV

О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО С НАМИ НА ОСТРОВЕ ЗЛОСЧАСТЬЯ Индейцы этого острова, о котором я рассказываю, захотели сделать нас знахарями; при этом они не спрашивали о наших титулах и не устраивали никаких испытаний, потому что сами они лечат недуги, дуя на больного, и дуновением и руками изгоняют болезни; и вот нам приказали делать то же самое, чтобы этим приносить хоть какую-то пользу. Мы очень смеялись, говоря, что все это вздор и что мы не умеем лечить; но нам перестали давать есть, пока мы не согласились делать то, что приказано. Видя наше упорство, один индеец сказал мне, что я не прав, когда говорю, будто не смогу научиться тому, что умеют индейцы, ибо камни и полевые растения имеют целебную силу; еще он сказал, что может прогонять боль и исцелять, кладя на живот горячие камни. Мы же с нашим опытом и знаниями имеем, конечно, еще большую силу и способность к этому. Наконец, мы были вынуждены согласиться стать знахарями и лечить их, не опасаясь, что нас будут обвинять, если что-нибудь выйдет не так.

Способ, которым лечатся индейцы, таков: когда они заболевают, то зовут знахаря, а после того, как он их вылечит, отдают ему не только все, что у них есть, но даже собирают для него разные вещи у своих родственников. Само

же лечение состоит в том, что знахарь делает небольшой надрез в том месте, где ощущается боль, и сосет кожу вокруг надреза. Делают они также прижигания огнем, что считается среди них очень полезным; я тоже его испробовал, и на меня оно подействовало хорошо¹, а после прижигания они дуют на больное место и думают, что этим выгоняют болезнь. Способ, которым мы их лечили, был такой: мы сотворяли над ними крестное знамение, дули, читали «Отче наш» и «Деву Марию» и от всего сердца молили господа нашего бога, чтобы он дал им здоровья и наставил их хорошо обращаться с нами. Услышал наши молитвы господь и в милосердии своем сделал так, что все индейцы, за которых мы молились, сотворив над ними крестное знамение, говорили, что они поправились и чувствуют себя хорошо. И по этой причине индейцы хорошо с нами обходились, отдавали нам свою еду, а еще давали шкуры и многие другие вещи². Голод же был там такой сильный, что много раз я по три дня оставался без всякой пищи, так же голодали и индейцы, и мне казалось, что невозможно более жить подобной жизнью, хотя потом пришлось пережить еще больший голод и большие лишения, о чем я расскажу ниже.

Индейцы, у которых находились Алонсо дель Кастильо, Андрес Дорантес и другие наши люди, оставшиеся в живых, принадлежали другому роду и говорили на другом языке³; эти индейцы ушли на материк кормиться устрицами и оставались там до первого дня месяца апреля, а затем вернулись на остров, который находился от того места, куда они ходили, в двух лигах по самой широкой части пролива; а остров имел две лиги в ширину и пять лиг в длину.

Все люди на этой земле ходят голыми, только женщины прикрывают некоторые части своего тела шерстью, которая растет на стволах деревьев⁴. Девушки носят оленьи шкуры. Все, что эти люди имеют, они строго делят между собой. У них нет сеньоров. Все, кто принадлежат одному роду, держатся вместе. По языку они делятся на две части: одни называются капоками, другие — анами. Имеется у них такой обычай: когда люди знакомы и время от времени навещают друг друга, то прежде чем начать говорить, они полчаса сидят и плачут, а затем тот, к кому пришел гость, поднимается первым и отдает ему все, что у него есть, а гость это принимает и спустя некоторое время уходит со всем добром; иногда, приняв подношение, гости уходят, не сказав ни слова. Имеются у них и другие странные обычаи, но я уже рассказал о самых важных и примечательных.

Глава XVI

КАК ХРИСТИАНЕ УШЛИ С ОСТРОВА ЗЛОСЧА-
СТЬЯ После того как Дорантес и Кастильо вернулись на остров, они собрали вместе всех христиан, которые жили разбросанно, и оказалось их только четырнадцать человек. Сам я, как уже говорил, жил в это время в другом месте, на материке, куда меня увели мои индейцы, и там на меня напала такая тяжелая болезнь, что если до сих пор я сохранял хоть слабую надежду выжить, то теперь лишился и ее. Узнав об этом, христиане дали одному индейцу кунью накидку, которая, как я рассказывал, досталась нам от касика, и попросили этого индейца привести их ко мне. Пошло их двенадцать человек, потому что двое так ослабли, что их не решились взять с собой. Вот имена тех, кто тогда пошел: Алонсо дель Кастильо, Андрес Дорантес и Дьего Дорантес, Вальдивьесо, Эстрада, Тостадо, Чавес, Гутьеррес, клирик Эстурнано, Дьего де Уэльва, Бенитес и негр Эстебанико. И как только они вышли на материк, то встретили еще одного из наших людей, по имени Франсиско де Леон, и все тринадцать пошли вдоль берега. Индейцы предупредили меня о том, что они идут, и о том, что на острове остались Иеронимо де Аланис и Лопе де Овьедо.

Моя болезнь не позволила мне ни увидеть их, ни пойти за ними¹. Я вынужден был остаться среди этих индейцев острова больше чем на год; и из-за тяжелой работы, которую они заставляли меня делать, а также из-за плохого обращения со мной я решил бежать от них и идти к индейцам чарруко, жившим в лесах на материке; больше я не мог вынести такой жизни, которая была у меня среди местных индейцев, так как, помимо других тяжелых работ, я должен был доставать съедобные корни, росшие в земле под водой среди тростника. От этой работы мои пальцы были настолько стерты, что начинали кровоточить от прикосновения к любой травинке, а тростники разрывали мое тело, так как многие из них были сломанными², я же вынужден

был продираться через них в той одежде, которая, как я рассказывал выше, у меня осталась¹.

Из-за всего этого я и решился перейти к другим индейцам, и у них мне было немного легче. Там я заделался торговцем и стремился выполнять свое дело наилучшим образом, поэтому индейцы давали мне есть, хорошо со мной обращались и просили меня ходить в разные места за тем, что им было нужно, ибо сами они из-за постоянной войны не могли свободно ходить по земле и заниматься торговлей. Я же с моими товарами ходил в глубь земли и по побережью на сорок или пятьдесят лиг.

Главным моим товаром были морские улитки, их мякоть, а также раковины, которыми индейцы срезают плоды, похожие на фасоль, и которыми они лечатся и пользуются во время плясок и на праздниках, а эти раковины ценятся у них превыше всего; носил я также морские камни и другие вещи. И вот с этими товарами я приходил в глубь земли² и, обменяв их там, возвращался со шкурами и с охрой, которой индейцы натираются и раскрашивают себе лица и волосы, и с кремнями, из которых они делают наконечники для стрел, с крахмалом и с твердыми стеблями тростника, чтобы его готовить, а также с кистями, сделанными из оленьего волоса; их индейцы раскрашивают в разные цвета. Такое занятие мне вполне подходило, ибо благодаря ему я имел возможность идти, куда пожелаю, и не был никому ничем обязан, не был рабом, и повсюду, куда бы я ни приходил, со мной хорошо обращались и кормили меня из уважения к моей торговле; но самое главное было то, что, занимаясь этим делом, я узнавал, куда мне надо будет идти дальше. Среди индейцев я стал очень известным, они радовались, когда меня видели, и я приносил им то, в чем они нуждались; те же, кто меня не знали, слышали обо мне, желали меня увидеть и искали случая к этому.

Было бы слишком долго рассказывать о невзгодах, которые я перенес в это время, таких, как голод и холод, опасности и бури, нередко заставлявшие меня в пути, одного, так что лишь благодаря великому милосердию господя нашего бога я смог остаться в живых; и по этой причине я не занимался торговлей зимой, ибо в это время индейцы сидели по своим лачугам и хижинам, не осмеливаясь выйти наружу, беспомощные и беззащитные, и на них нельзя было рассчитывать.

Прошло почти шесть лет, как я жил на этой земле, одинокий и нагой, как почти все люди там ходили. А причиной

моей столь долгой задержки был оставшийся на острове христианин, по имени Лопе де Овьедо, которого я хотел взять с собой. Его товарищ де Аланис умер вскоре после того, как с острова ушли Алонсо де Кастильо и Андрес Дорантес с остальными людьми; я каждый год переправлялся на остров и умолял Лопе де Овьедо как можно скорее выбраться оттуда и отправиться вместе со мной на поиски христиан, но он всякий раз задерживал меня, говоря, что мы пойдем в следующем году.

Наконец, по прошествии некоторого времени я все-таки вытащил его оттуда, переправил через пролив и четыре реки, что были на том побережье, ибо сам он не умел плавать, и мы с несколькими индейцами двинулись вперед и вышли к заливу, который имел лигу в ширину и был повсюду глубоким; судя по всему, это был залив Святого Духа¹. А на другом берегу мы увидели нескольких индейцев; они пришли к нам и сказали, что еще дальше за заливом живут три человека, похожие на нас, и называли нам их имена. Когда же мы спросили об остальных наших людях, индейцы ответили, что все они умерли от голода и холода и что индейцы, жившие дальше, ради забавы убили Дьего Дорантеса, Вальдивьесо и Дьего де Уэльву за то, что они переходили из одного дома в другой, а соседи тех индейцев, среди которых сейчас находился капитан Дорантес, убили Мендеса и Эскивеля только потому, что видели такой сон². Мы спросили о том, как живут оставшиеся христиане; индейцы сказали нам, что с ними обращаются очень плохо, потому что люди, среди которых они живут, большие бездельники и грубияны, они пинают христиан, дают им оплеухи, бьют палками — вот какова их жизнь.

Мы хотели, чтобы нам рассказали о земле, что лежит впереди, есть ли там какая-нибудь пища; они ответили, что в той земле очень редкое население и мало еды, а люди там умирают от холода, не имея ни шкур, ни иного, чем можно прикрыться. И еще они добавили, что если мы хотим увидеть наших людей, то должны знать, что индейцы, среди которых они живут, через два дня придут есть орехи на берег реки в место, находящееся в лиге отсюда. Мы по себе знали, что все, рассказанное нам о плохом обращении с христианами, было правдой, ибо и моему товарищу, когда он жил среди индейцев, доставались оплеухи и палочные удары, да и меня не миновала эта участь: и в меня бросали комья грязи, и мне, как и другим нашим людям, пристав-

ляли каждый день стрелы к сердцу, говоря, что убьют так же, как убили других наших товарищей.

И вот, испугавшись всего этого, мой напарник Лопе де Овьедо сказал, что жочет вернуться обратно с женщинами тех индейцев, с которыми мы переправились через залив и которые остались немного позади. Я решительно возражал против этого и приводил разные доводы, чтобы его задержать, но так и не смог его отговорить, и он ушел назад, а я остался один с индейцами, пришедшими с другой стороны залива; они назывались кевенами, а те, с которыми ушел Лопе де Овьедо, назывались дегуанами.

Глава XVII

КАК ПРИШЛИ ИНДЕЙЦЫ И ПРИВЕЛИ С СОБОЙ АНДРЕСА ДОРАНТЕСА, КАСТИЛЬО И ЭСТЕБАНИКО Через два дня после того, как ушел Лопе де Овьедо, индейцы, среди которых жили Алонсо дель Кастильо и Андрес Дорантес, пришли как раз на то самое место, о котором нам сказали; они пришли за орехами. Орехи едят, размалывая их ядра, и питаются ими два месяца в году; в эти два месяца индейцы не едят ничего другого, хотя орехи бывают у них не каждый год, потому что в один год на них есть урожай, а в другой год нет; орехи эти такой же величины, как в Галисии, а деревья, на которых они растут, весьма большие и их очень много¹.

Один индеец известил меня, что христиане уже пришли и посоветовал, если я хочу их увидеть, уйти и спрятаться пока на лесной опушке, которую он мне покажет; а так как он со своими родственниками должен будет пойти и встретиться с пришедшими индейцами, то они в нужное время возьмут меня с собой и отведут туда, где находятся христиане. Я доверился им и решил все так и сделать, ибо те, кто пришли, говорили на языке, отличном от языка моих индейцев; выполняя уговор, эти люди на другой день зашли за мной в указанное место и взяли меня с собой. Когда мы

уже подходили туда, где остановился Андрес Дорантес, он вышел навстречу посмотреть, кто к нему идет, потому что ему тоже сказали, что пришел какой-то христианин; и когда он меня увидел, то очень испугался, ибо вот уже много дней меня считали умершим, так ему говорили индейцы. Возблагодарили мы господа бога за нашу встречу, и был этот день одним из самых счастливых в нашей жизни. Когда мы вместе пришли к Кастильо, меня стали спрашивать, куда я иду. Я сказал, что имею намерение выйти в христианскую землю и ищу к ней дорогу. Андрес Дорантес ответил, что он сам в течение многих дней просил Кастильо и Эстебанико идти дальше, но те не решались, потому что не умели плавать и очень боялись рек и заливов, через которые придется переправляться и которых так много в этой земле. Однако поскольку господь наш бог сохранил меня среди стольких трудов и болезней и привел, наконец, к моим товарищам, то и решились они бежать вместе со мной, но с тем, чтобы я переправил их через реки и заливы, если будут они на нашем пути. При этом наши люди просили меня, чтобы я ни в коем случае не дал индейцам понять или догадаться, что собираюсь идти дальше, потому что тогда индейцы меня убьют; поэтому мне надо было остаться с ними на шесть месяцев, ибо через шесть месяцев наступит время, когда индейцы уйдут в другую землю есть туны¹.

Туны — это плоды, размером с яйцо, алого и черного цвета и очень вкусные. Индейцы едят их три месяца в году и в это время не едят ничего другого. А когда они собирают туны, к ним приходят другие индейцы с расположенных дальше земель и приносят с собой для торговли и обмена луки, и когда эти дальние индейцы будут возвращаться к себе, мы убежим от наших индейцев и пойдем с пришельцами. С этим условием я там и остался, и мне дали рабом одного индейца, у которого жил Дорантес; а был тот индеец кривой, и жена его тоже была одноглазой, и сын был кривой, и еще один индеец, который жил с ними; таким образом, все они были кривые. Эти индейцы назывались мариамами, а Кастильо жил с другими, с их соседями, которые назывались игуасами².

Наши люди мне рассказали, что, уйдя с острова Злосчастья, они нашли на берегу моря лодку, в которой плыли казначей и монахи; и что, когда они переправлялись через реки, а рек было четыре и все с очень сильным течением, их лодки подхватило и вынесло в море, где утонуло четыре

человека; и что потом они шли дальше вперед, пока не переправились через залив, а переправились они через него с большим трудом; и что, пройдя дальше пятнадцать лиг, наткнулись на другой; и что когда они туда шли, то за шестьдесят лиг пути у них умерло два человека, а все остальные тоже были на пороге смерти; и что во время всего пути не было у них иной еды, кроме каменной травы¹ и раков. Придя к этому последнему заливу, они встретили там индейцев, которые ели ежевику; увидев христиан, индейцы ушли оттуда в другой конец залива; а когда христиане искали способа переправиться через залив, к ним вышли один индеец и один христианин, и в пришедшем они узнали Фигероа, одного из тех четырех людей, что были посланы вперед с острова Злосчастья. Фигероа рассказал, как он со своими товарищами дошел до этого места и что здесь умерли два христианина и один индеец, все трое от холода и голода, так как они пришли сюда в самую суровую погоду; и что его с Мендесом захватили индейцы, но Мендес спустя некоторое время убежал и по самой лучшей дороге, которую мог найти, пошел в Пануко, а индейцы пошли за ним и убили его; и что, будучи с этими индейцами, он, Фигероа, узнал от них, что среди мариамов находится христианин, пришедший с другой стороны, а нашли этого христианина индейцы, по имени кевены; и что этот христианин был Эрнандо де Эскивель, родом из Бадахоса, шедший в отряде комиссара; и что от Эскивеля он, Фигероа, узнал о судьбе, постигшей губернатора, казначея и остальных. Эскивель ему рассказал, что казначей и монахи потеряли свою лодку, когда находились между двумя реками; потом они шли вдоль берега, и к ним подошла лодка губернатора, люди которого были на суше; губернатор поплыл на лодке вперед и достиг большого залива; оттуда он вернулся назад, взял своих людей и перевез их на другой берег; затем он вернулся за казначеем, монахами и остальными, и когда они причалили, губернатор назначил капитана Пантоху, которого он вел с собой, своим заместителем вместо казначея, бывшего до этого его заместителем; губернатор остался в своей лодке и не захотел этой ночью сойти на берег, и остались с ним также шкипер и один больной паж, и не было на лодке ни воды, ни еды; а в полночь поднялся такой сильный северный ветер, что лодку унесло в море и никто этого не увидел, на лодке же не было якоря, только один камень вместо него. С тех пор они ничего больше не слышали о губернаторе. После всего этого люди, оставшиеся на земле,

пошли вдоль берега, и так как вода преграждала им путь, они с большим трудом соорудили плоты и на плотях переправились на другой берег; идя дальше вперед, они вышли к лесу, стоявшему у самой воды, и встретили там индейцев; индейцы же, видя их приближение, погрузили свои дома в каноэ и уплыли с того берега; а христиане, видя, какая стоит погода, потому что было это в месяце ноябре, остановились в том лесу, ибо нашли в нем воду, раков и морских улиток, и там от холода и голода начали один за другим умирать. А сверх всего этого Пантоха, который остался за главного, плохо с ними обращался, и Сотомайор, брат Васко Поркалье с острова Кубы, пришедший с флотилией как маэстре де кампо¹, не смог больше терпеть этого, схватился с Пантохой и нанес ему удар палкой, от которого Пантоха умер; и так они все там погибали; оставшиеся в живых вырезали из их трупов куски мяса и вялили их; последним умер Сотомайор, и Эскивель завялил его мясо и держался на нем до первого марта, когда один индеец из тех, кто оттуда убежали, вернулся посмотреть, все ли уже умерли, и увел Эскивеля с собой; и когда Эскивель жил в подчинении у этого индейца, он, Фигероа, с ним говорил и узнал от него все то, о чем мы рассказали, и просил Эскивеля придти к нему, чтобы вместе идти в Пáнуко; но Эскивель отказался, сказав, будто ему известно от монахов, что Пáнуко остался позади, а Фигероа отправился на побережье, где он уже привык жить.

Глава XVIII

О СВЕДЕНИЯХ, КОТОРЫЕ СООБЩИЛ ЭСКИВЕЛЬ
Этот рассказ Фигероа основывался на сведениях, которые ему сообщил Эскивель; и вот, переходя из уст в уста, рассказ достиг и меня, и из него я смог узнать о конце, постигшем всю нашу флотилию, и о том, что случилось с каждым из наших людей в отдельности.

И Фигероа сказал еще: если христиане пройдут дальше, они возможно встретят Эскивеля, потому что ему, Фигероа, известно, что Эскивель убежал от индейца, у которого он жил, к соседним индейцам, по имени мариамы. И, как я уже говорил, он, и другой христианин, астуриец, хотели идти к индейцам, жившим впереди, но так как индейцы, у которых они находились, догадались об этом, то они напали на христиан, сильно били их палками, раздели астурийца и проткнули ему руку стрелой. Наконец эти индейцы убежали, и христиане остались с другими, согласившимися взять их к себе рабами. И хотя христиане служили им, индейцы обращались с ними так плохо, как никогда не обращаются ни с рабами, ни с какими другими людьми, как бы ни сложилась их судьба; ибо индейцы не довольствовались тем, что били всех шестерых христиан и руками и палками и развлечения ради вырвали им бороды, они убили троих христиан только за то, что те перешли из одного дома в другой. Этими тремя были, как я уже говорил выше, Дьего Дорантес, Вальдивьесо и Дьего де Уэльва. А троих других, оставшихся живыми, ожидала такая же участь. И вот, чтобы избавиться от этих страданий, Андрес Дорантес убежал к мариамам, а те ему рассказали, что раньше у них был Эскивель и что, будучи у них, он хотел бежать, так как одной женщине приснилось, что он убьет ее сына, и тогда они пошли за Эскивелем и убили его; и они показали Андресу Дорантесу шпагу Эскивеля, его четки, книгу и другие вещи.

Индейцы убили Эскивеля, потому что имеют такой обычай убивать из-за снов; они убивают из-за снов даже своих собственных сыновей, а дочерей, если у них родятся дочери, они бросают на съедение собакам. Причина, по которой они так поступают, состоит, по их словам, в том, что все другие индейцы этой земли их враги и у них с ними постоянная война; поэтому, если их дочери будут выходить замуж, враги так размножатся, что подчинят их себе и сделают своими рабами; из-за этого они и предпочитают убивать своих дочерей, чтобы те не рожали им врагов.

Мы спросили их, почему они не женятся между собой. И они нам ответили, что было бы отвратительно жениться на своих родственниках и что лучше убивать дочерей, чем отдавать их в жены родственникам¹. Такой же обычай существует и у соседних индейцев, называющих себя игуасами, но все другие индейцы той земли его не придерживаются. А когда эти индейцы хотят жениться, то покупают жен-

щин у своих врагов; плата, которую каждый дает за свою женщину, это самый лучший лук, что у него есть, и две стрелы; а у кого нет лука, тот отдает сеть шириной до сажени и такой же длины. Они убивают своих сыновей и покупают чужих; брак у них длится до тех пор, пока они им довольны. и достаточно самой ничтожной причины, чтобы они его расторгли. Дорантес побыл с этими индейцами несколько дней и убежал. Кастильо и Эстебанико прошли по суше к игуасам. Все эти индейцы пользуются луками, они хорошо сложены, хотя и не такие рослые, как те, кого мы встретили раньше; они тоже прокалывают себе сосок на груди и губу.

Главное их питание составляют корни двух или трех видов, и они ищут их по всей земле; корни эти очень плохие, и люди, которые их едят, от них пухнут. Перед тем как есть корни, их высушивают в течение двух дней, но многие все равно остаются горькими; к тому же собирать их очень трудно. Но так велик голод у индейцев в тех землях, что без корней они не могут обойтись и в поисках их проходят две или три лиги. Иногда они убивают несколько оленей, временами ловят рыбу; но это случается так редко, а голод среди них так силен, что едят они и пауков, и муравьиные яйца, и червяков, и разных ящериц, и змей, даже ядовитых, укус которых смертелен для человека; едят они и землю, и дерево, и все, что у них есть, даже олений навоз и еще другое, о чем я не буду рассказывать; но думаю, однако, что если бы в этой земле были камни, то и их бы индейцы, наверное, ели. Они сохраняют кости и другие остатки от рыб и змей, которых едят, а потом их смалывают и едят полученную муку.

Мужчины у них не работают и не носят тяжестей, их носят женщины и старики. Они не так любят своих детей, как те индейцы, о которых я говорил выше. Среди них встречаются такие, которые грешат против естества. Женщины очень работающие, они делают все работы и за сутки отдыхают не больше шести часов днем, ночь же проводят около своих очагов, высушивая съедобные корни; а как только рассветет, они начинают копать, носить дрова и воду в свои дома и выполнять все другие хозяйственные работы, в которых есть необходимость. Большинство из них страшные воры, потому что, хотя у них все хорошо между собой поделено, стоит кому-нибудь на миг отвернуться, как его же сын или отец тащит у него все, что может. Они также большие лгуны и пьяницы, пьют же они какой-то напи-

ток. Еще они очень опытные бегуны и могут с утра до вечера без усталости и без отдыха бежать за оленем; и таким способом они убивают много оленей, а иногда и берут их живыми. Дома у них сделаны из циновки, натянутых на четыре связанных шеста; каждые два или три дня они их взваливают на спину и в поисках пищи переходят на другое место¹. Они ничего не сеют из того, что могло бы быть им полезно; народ они очень веселый, какой бы ни был у них сильный голод, они не прекращают из-за него ни своих плясок, ни праздников, ни своих арейто.

Лучшая пора у них — когда они едят туны, потому что тогда они не голодают и проводят все время в плясках; а едят они туны и днем и ночью, и все это время они их открывают, выжимают и кладут сушить, а затем, когда туны высохнут, их складывают в большие плетеные корзины, как винные ягоды, и там их хранят, а потом, когда идут куда-нибудь, едят их по дороге; шкурки же от тун они мелют и делают из них порошок. Много раз, когда мы были с ними и случилось нам голодать по три или четыре дня, так как нечего было есть, они, желая развеселить нас, говорили, чтобы мы не горевали, ибо скоро будут туны, и все мы будем вдосталь есть их и пить их сок, и животы у нас станут большими, и будем мы радоваться и веселиться, и голод пройдет совсем; а от того времени, как они нам это говорили, и до времени, когда туны поспевают для еды, проходило пять или шесть месяцев; и вот мы должны были ждать целых шесть месяцев, и когда наступало, наконец, время, шли есть туны.

В той земле очень много комаров; комары эти трех видов, они очень злые и вредные, и весь конец лета они нам сильно досаждали. Для защиты от них мы разводили вокруг места, где останавливались, костры из гнилых и сырых дров, чтобы они плохо горели, но давали бы много дыма; и эта защита приносила нам много новых забот, потому что каждую ночь мы не могли спать, ибо плакали от дыма, разъедавшего глаза, и, кроме того, от жара множества костров; тогда мы уходили спать на берег, но если иногда нам и удавалось заснуть, индейцы будили нас палками, чтобы мы возвращались поддерживать огонь.

Индейцы, живущие в глубине земли, используют против комаров еще более невыносимый способ, чем тот, о котором я рассказал: они ходят с горящими головнями в руках и поджигают вокруг все поля и рощи, чтобы комары улетели; а кроме того, этим же огнем они выгоняют из земли

ящериц, которых пестом едят; таким же способом они обычно убивают и оленей, окружая их огнем; еще они используют этот способ для того, чтобы лишить животных пастбища. Когда нужда заставляет индейцев идти искать новые места, они всегда располагаются со своими домами только там, где есть вода и дрова. В день, когда они приходят на новое место, они убивают оленей и других животных, каких удастся, и тратят все дрова и всю воду на приготовление еды и на костры, которые разводят для защиты от комаров, и ждут другого дня, чтобы запастись еще чем-нибудь на дорогу; а когда они уходят, они бывают так искусаны комарами, что похоже, будто у них болезнь святого Лазаря¹. Так они спасаются от голода два или три раза в году, и так как я сам испытал все это, то могу засвидетельствовать, что с этим страданием не сравнится ничто на свете.

На той земле есть много оленей² и других животных и птиц, о которых я уже говорил раньше. Водятся там и коровы³, я видел их три раза и пробовал их мясо; по величине они показались мне такими же, как коровы в Испании; рога у них маленькие, похожие на бараньи, шерсть очень длинная, густая, как у мериноса, грубая, бурого или черного цвета; мяса же у них больше, чем у наших коров, и на вкус оно мне показалось лучше. Из маленьких коров индейцы делают накидки, которыми прикрываются, а из больших изготавливают обувь и круглые щиты. Эти коровы приходят откуда-то с севера и доходят до самого побережья Флориды: а когда они идут, то растягиваются по всей той земле на четыреста с лишним лиг; и по всему этому пути, по долинам, где они проходят, к ним выходят люди, живущие в этих местах⁴, кормятся ими и оставляют на земле огромное количество шкур.

Глава XIX

КАК НАС РАЗЪЕДИНИЛИ ИНДЕЙЦЫ Когда прошли шесть месяцев и настало время приводить в исполнение

то, о чем мы договорились с христианами, индейцы отправились за тунами; место это находилось в тридцати лигах оттуда, где мы жили раньше. И вот, когда мы уже были готовы бежать, индейцы, у которых мы жили, поссорились между собой из-за одной женщины; они дрались из-за нее кулаками и палками, изувечили друг друга и так друг на друга разозлились, что собрали свои дома и разошлись в разные стороны; поэтому и вышло так, что мы, христиане, бывшие там, тоже вынуждены были разделиться и до самого следующего года нам никак не удавалось собраться всем вместе. Жизнь моя в это время была очень тяжелой как из-за сильного голода, так и из-за плохого обращения индейцев: оно было таким, что три раза я вынужден был бежать от моих хозяев, они же пускались за мной в погоню и собирались убить меня; но не оставил меня в своем милосердии господь наш бог и пожелал укрыть и спасти от них, и, когда опять наступило время для сбора тун, мы снова встретились в том же самом месте.

Раньше, когда мы уже договорились бежать и назначили день, и в тот самый день индейцы нас разъединили, так что мы должны были разойтись каждый в свою сторону, я сказал своим товарищам, что буду ждать их в тунах до полнолуния, а было это в первый день сентября, в первый день луны; и я предупредил, что если к этому времени они не придут, как мы договорились, то я их оставляю и уйду один; и так мы разошлись в разные стороны, каждый пошел со своими индейцами. Я был со своими до тринадцатого дня луны и решил, когда наступит полнолуние, бежать к другим индейцам, а на тринадцатый день того месяца ко мне пришли Андрес Дорантес и Эстебанико. Они рассказали о том, что оставили Кастильо с другими индейцами, которых звали анагадами и которые жили недалеко отсюда, и о том, как они перед этим заблудились и через какие трудности им пришлось пройти. На следующий день наши индейцы двинулись туда, где был Кастильо; они собирались объединиться с индейцами, у которых он жил, и стать друзьями, потому что до сих пор между ними была война; и таким образом мы обрели Кастильо. Все это время, что мы ели туны, нас мучила жажда и чтобы утолить ее, мы пили туновый сок и выжимали его в яму, сделанную в земле, а после того, как яма становилась полной, пили его оттуда, пока не насыщались.

Сок этот сладкий, цветом похож на виноградный сироп, льют же его в земляные ямы из-за неимения других сосу-

дов. Туны бывают разных видов и некоторые из них очень хорошие, хотя на мой вкус все туны были хороши, так как голод никогда не оставлял мне времени ни на то, чтобы выбирать, ни на то, чтобы думать, какие из них лучше. Люди пьют там обычно дождевую воду, собравшуюся в каком-нибудь месте, ибо, хотя в той земле есть реки, индейцы, не живя долго в одном месте, никогда почти не имеют знакомой воды. По всей той земле много обширных и прекрасных лугов, много хороших пастбищ для скота; и я думаю, что земля там оказалась бы очень плодородной, если бы она была возделана и населена разумными людьми. За все время, что мы были в этой земле, мы не видели там гор.

Тамошние индейцы нам рассказали, что камоны, которые жили впереди и заселяли землю до самого побережья, убили всех людей, пришедших на лодке Пеньялосы и Тельеса, и что были те люди так истощены, что даже не сопротивлялись, когда их убивали; и вот со всеми ними было покончено. Индейцы показали нам их оружие и одежду и сказали, что их разбитая лодка находится там же, впереди. Это была пятая пропавшая лодка; о лодке губернатора, как ее унесло в море, я уже рассказал; лодку казначея и монахов видели выброшенной на берег, и Эскивель сообщил о судьбе людей с этой лодки; а о тех двух лодках, на которых шли Кастильо, я и Дорантес и которые затонули около острова Злосчастья, я тоже уже рассказывал.

Глава XX

О ТОМ, КАК МЫ БЕЖАЛИ Два дня спустя после прихода на новое место мы бежали, надеясь на то, что, хотя уже наступила осень и туны кончились, мы сможем пройти большую часть земли, питаясь плодами, которые еще оставались в полях.

В первый же день побега, идя своим путем, полные страха, что индейцы будут нас преследовать, мы увидели несколько дымов и двинулись в этом направлении, а к вечеру, подходя к тому месту, встретили индейца; он, заметив, что

мы идем к нему, убежал, не захотев нас подождать, и мы послали за ним негра; индеец, увидев, что негр идет один, остановился и подождал его. Негр сказал, что мы ищем людей, которые развели костры с дымом. Индеец ответил, что дома этих людей находятся недалеко отсюда и что он проводит нас к ним; и вот мы пошли за ним, а он побежал вперед предупредить о нашем приходе. Эти дома мы увидели уже при заходе солнца и когда приблизились к ним на расстояние двух аркебузных выстрелов, нас встретили четыре индейца и приняли очень хорошо. Мы сказали на языке мареамов, что шли к ним, а они показали, что очень нам рады, и повели в свои дома; Дорантеса и негра поместили в дом одного знахаря, а меня и Кастильо — в дом другого знахаря.

У этих индейцев был другой язык, и они назывались ававарами; это они приносили луки и торговали с индейцами, у которых мы жили раньше; и хотя ававары принадлежали к другому народу и говорили на другом языке, они понимали язык тех индейцев.

А пришли ававары со своими домами на место, где мы их встретили, в тот же самый день. Потом они предложили нам много тун, ибо они уже раньше слышали о нас, знали о том, как мы лечим, и о том, какие чудеса сотворил с нами наш господь, потому что, даже если бы не было иных, не чудом ли было то, что он указал нам путь в столь пустынной земле и вывел нас на людей в таком месте, где они долго не бывали, и спас нас от стольких опасностей, и не допустил, чтобы нас убили, и поддержал нас в голоде, и расположил сердца этих людей обходиться с нами так хорошо, как они с нами обходились, о чем мы расскажем ниже.

Глава XXI

О ТОМ, КАК МЫ ВЫЛЕЧИЛИ НЕСКОЛЬКИХ ИНДЕЙЦЕВ В ту самую ночь, когда мы туда прибыли, не-

сколько индейцев пришли к Кастильо и сказали, что они очень страдают от головной боли, и просили, чтобы он их вылечил; и как только Кастильо сотворил над ними крестное знамение и призвал на них милость божью, они тут же сказали, что болезнь их оставила; они разошлись по своим домам и принесли много тун и кусок оленьего мяса, а мы даже не знали, что это такое. А так как молва об этом случае распространилась среди индейцев, то тем же вечером пришло много других больных и каждый принес с собой кусок оленины; и столько их было, что мы не знали, куда складывать мясо. Возблагодарили мы господа бога, ибо с каждым днем возрастали его милосердие и благорасположение.

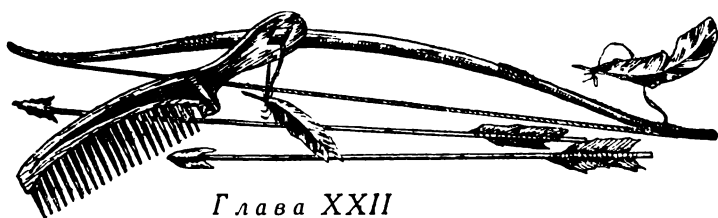
Закончив лечение, индейцы устроили праздник; они плясали и исполняли свои арейто до самого восхода солнца; всего же длился этот праздник три дня¹, а когда он закончился, мы спросили у индейцев о земле, которая лежала впереди, о том, какие там живут народы и какую пищу там можно найти. Они ответили, что по всей той земле растет много тун, но что в это время их уже нет, и людей там нет никаких, так как после сбора тун все разошлось по своим домам, и что земля та очень холодная, а достать в ней шкуры, чтобы прикрыться, очень трудно. И поскольку уже начиналась зима и наступили холода, мы, узнав об этом, решили перезимовать с индейцами.

Спустя пять дней после нашего прихода индейцы отправились искать туны в новое место, где жили другие народы, говорящие на других языках. Через шесть дней пути, во время которого мы сильно голодали, ибо по дороге не было ни тун, ни каких-либо иных плодов, мы вышли к реке, поставили там дома и начали искать на деревьях плоды, похожие на чечевицу; собирая их, я задержался немного в одном месте; за это время все ушли, и я остался один, а поскольку там нет никаких дорог, то я заблудился.

Весь вечер я разыскивал ушедших; благо, что пожелал господь, чтобы я наткнулся на горящее дерево и провел ту холодную ночь у огня; утром я собрал дров, сделал два факела и снова пошел на поиски. Таким образом ходил я пять дней, нагруженный дровами, потому что, если бы огонь кончился у меня в таком месте, где не было дров, а таких мест там было очень много, мне пришлось бы раздобывать другие факелы, чтобы не остаться без огня, ибо не имел я никакой иной защиты от холода, так как был ничем не прикрыт и ходил в чем мать родила. По ночам, чтобы

укрыться от холода, я уходил в лесные заросли, неподалеку от реки, и оставался в них до восхода солнца; там я делал в земле яму, клал в нее ветки, сорванные с росших вокруг деревьев, добавлял хворост и сушняк, раскладывал вокруг этой ямы крестом четыре костра, и сам всю ночь бодрствовал и время от времени поправлял их; из длинной соломы, которой там было много, я делал несколько связок и накрывался ими в яме; так я спасался от ночного холода. В одну из ночей огонь попал на солому, укрывавшую меня в яме, я же в это время уснул, и солома так запылала, что, хотя я сразу выпрыгнул из ямы, в моих волосах осталась отметина этой опасности, в которой я так неожиданно оказался; за все это время я не имел во рту ни крошки, и ни разу мне не попалось ничего съедобного; ноги мои были босы и кровоточили так, что я потерял немало крови. На мое счастье за все это время не было северного ветра, а если бы он был, то никоим образом не удалось бы мне тогда выжить.

По прошествии пяти дней я вышел на берег одной реки и встретил там наших индейцев; индейцы и христиане уже почитали меня погибшим, они думали, что меня ужала ядовитая змея. Все очень обрадовались, увидев меня живым, особенно христиане; они рассказали, что все это время их мучил голод и они искали пищу, и по этой причине они не остались разыскивать меня. Они дали мне туны, которые у них были, а на следующий день мы ушли оттуда и нашли такое место, где было много тун и где каждый смог утолить свой голод; и мы возблагодарили господа нашего бога за то, что он никогда не оставлял нас своей помощью.

Глава XXII

КАК НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ К НАМ ПРИНЕСЛИ ДРУГИХ БОЛЬНЫХ Утром следующего дня к нам пришло много индейцев; они принесли с собой пятерых больных, параличных и в очень плохом состоянии; индейцы хотели, чтобы их лечил Кастильо, и каждый больной предложил ему свой лук и стрелы. Кастильо принял подноше-

ния, при заходе солнца сотворил над ними крестное знамение и препоручил их души божьему попечению; и мы от всего сердца молили бога, чтобы он послал болящим здоровья, ибо ведь известно было ему, что это единственный способ заставить индейцев нам помочь и избавить нас, наконец, от столь жалкой жизни; и был господь так милосерд, что едва наступило утро, как все больные почувствовали себя совершенно здоровыми и такими крепкими, будто никогда и не болели. Этот случай привел индейцев в великое восхищение, а нас побудил возблагодарить господя нашего бога, позволил нам еще глубже постичь его доброту и укрепиться в надежде, что он не оставит нас и выведет из этого места туда, где мы сможем послужить ему; о себе самом могу сказать, что я всегда уповал на его милосердие и верил, что он вызволит меня из плена, и в этом я всегда убеждал и моих товарищей.

Когда эти индейцы ушли и увели с собой исцеленных, мы отправились к другим, которые в это время ели туны. Звали их кутальчами¹ и малиаконами, они говорили на другом языке; вместе с ними были еще индейцы, по имени коайи и сусолы, а также индейцы из другой земли, по имени атайи; последние враждовали с сусолами, и каждый день они пускали друг в друга стрелы. Так как везде только и говорили о чудесах, которые сотворил господь наш бог нашими руками, то отовсюду шли к нам жаждущие исцеления; и вот через два дня пришли несколько индейцев сусолов и попросили Кастильо, чтобы он отправился с ними и вылечил бы одного раненого и нескольких больных, и при этом они сказали, что один из больных совсем плох и уже умирает. Кастильо же был очень робким лекарем, особенно когда ему приходилось лечить тяжелые и опасные болезни, к тому же он думал, что по грехам своим не может каждый раз добиваться исцеления. Тогда индейцы сказали мне, чтобы я шел с ними, ибо я им очень нравлюсь и они помнят, как я лечил их во время сбора орехов, а было это после того, как я встретился с христианами.

И вот мне пришлось пойти к ним, а со мной пошли также Дорантес и Эстебанико. Когда мы подошли к хижинам тех индейцев, я увидел, что больной, которого мы шли лечить, умер, ибо все вокруг плакали, а его дом уже был разрушен: у индейцев это означает, что хозяин умер. Подойдя ближе, я обнаружил, что глаза его закатились и у него совсем нет пульса; судя по всем признакам, он был мертв, то же самое сказал и Дорантес. Я снял с него циновку, ко-

торой он был прикрыт, и всеми силами души молил господа бога, чтобы он даровал здоровья ему и всем другим, кто в этом нуждался; после этого я перекрестил его и много раз подул на него; индейцы отдали мне его лук и корзину с молотыми тунами и повели меня лечить других больных, которые были без сознания от болезни, и дали мне еще две корзины тун, а я отдал их нашим индейцам, пришедшим вместе со мной. Сделав все, что нужно, мы вернулись на свою стоянку, а наши индейцы, которым я дал туны, остались там; ночью же они вернулись к своим домам и рассказали, что тот мертвый, которого я лечил в их присутствии, встал совершенно здоровым, гулял, ел, разговаривал с ними¹ и что все остальные больные, которых я врачевал, тоже выздоровели и очень радуются этому.

Это событие привело всех в восхищение и в ужас; по всей земле не говорили больше ни о чем другом; все, до кого доходила молва об этом случае, приходили к нам, прося, чтобы мы перекрестили их детей или чтобы мы их лечили; а когда кутальчичи, с которыми мы жили, собрались уходить в свою землю, они перед уходом отдали нам все свои туны, собранные на дороге, не оставив себе ни одной, а также дали нам свои кремни, длиной в полторы пяди, которыми пользуются как ножами и которые представляют для них большую ценность. Они просили, чтобы мы не забывали о них и молили бога ниспослать им благополучия, и мы обещали им это; с тем они и ушли и, отдав нам все лучшее, что имели, были самыми счастливыми людьми на свете. Мы же остались с другими индейцами, ававарами, и пробыли с ними еще восемь месяцев, а время мы считали по луне.

Все это время к нам отовсюду приходили индейцы и говорили, что воистину мы сыновья Солнца. Дорантес и негр до сих пор еще не занимались лечением, но из-за того, что нас со всех сторон осаждали просьбами, все мы стали врачами, хотя я лечил более решительно и смело, чем остальные; и ни разу не было еще случая, чтобы тот, кого мы лечили, не выздоровел бы; индейцы же уверовали, что всякий, кого мы лечим, обязательно исцелится, и поэтому они считали, что никто у них не умрет, пока мы будем с ними.

Эти и другие индейцы рассказывали нам об одном очень странном событии, которое произошло шестнадцать лет назад, так мы поняли из их подсчета; будто бы в то время ходил по их земле человек, которого они звали Злом, был он невелик телом, имел бороду, лицо же его не

удавалось ясно рассмотреть; когда он подходил к чьему-нибудь дому, все начинали дрожать и волосы у всех вставали дыбом, а у дверей дома возникал горящий факел; затем тот человек входил в дом, брал, кого хотел, и очень острым и большим кремнем, шириною в пядь и длиной в две пяди, делал по три глубоких разреза ниже груди, просовывал в эти разрезы руку и вытаскивал у них кишки, и от каждой кишки отрезал кусок примерно в одну пядь, и эти отрезанные куски бросал в огонь; потом он делал три разреза на одной руке, а другую руку клал на кровоточащую рану, а затем выдергивал разрезанную руку из сустава, но немного погодя снова ставил ее на место и говорил индейцам, что они опять здоровы; много раз он появлялся во время плясок, иногда в образе женщины, иногда в образе мужчины; иногда, если у него возникало такое желание, он брал дом и поднимал его вверх, а потом с сильным стуком падал с этим домом на землю. Индейцы рассказали также, что много раз давали ему есть, но он никогда ничего не ел; и что они его спрашивали, откуда он пришел и где находится его дом, он же показывал им щель в земле и говорил, что его дом там, внизу¹.

Мы очень смеялись и шутили над этими рассказами индейцев, а они, увидев, что мы им не верим, привели к нам многих людей, к которым приходил тот человек, и мы увидели на них следы от разрезов, как раз такие, о которых нам говорили, и сделанные именно в тех местах. Тогда мы сказали им, что это какой-то демон, и как можно понятнее постарались объяснить, что если бы они веровали в господ нашего бога и были бы христианами, как мы, то им был бы не страшен никакой демон, да и сам он не осмелился бы прийти к ним и делать то, что он, по их словам, делал; и мы их уверили, что, пока мы с ними, он больше не решится показаться на их земле. Это очень обрадовало индейцев, и они стали бояться гораздо меньше. Они же рассказали нам, что они видели астурийца и Фигероа среди других индейцев, живших впереди по побережью.

Индейцы не знают счета времени ни по солнцу, ни по луне, не знают они ни года, ни месяца, большей частью они определяют и различают время по тому, когда созревают плоды, когда исчезает рыба, когда появляются звезды, которые они очень хорошо знают и в которых искусно разбираются. С нами они всегда обращались очень хорошо, хотя нам приходилось самим выкапывать себе пищу и приносить дрова и воду. Их жилища и еда были такими

же, как у индейцев, у которых мы жили раньше, хотя эти больше голодали, ибо им не доставало ни маиса, ни желудей, ни орехов. Мы ходили там голые, как и они, а ночью накрывались оленьими шкурами. Из восьми месяцев, что мы прожили с ними, шесть были очень голодными, потому что не хватало рыбы. А к концу этого времени, когда туны уже начали созреть, мы тайно¹ ушли от этих индейцев к другим, которых звали малиаконами. Маликоны жили впереди, в одном дне пути от нас. Сначала к ним пошли я и негр; через три дня я послал негра за Кастильо и Дорантесом; и когда те пришли, мы присоединились к индейцам, которые шли есть ягоды с одного дерева, дававшего им пищу в течение десяти или одиннадцати дней, пока созревали туны. Там мы присоединились к другим индейцам, по имени абрады. А были абрады больными, истощенными и такими опухшими, что мы немало удивились. Те же, с которыми мы пришли, вернулись обратно; когда мы им сказали, что хотели бы остаться с абрадами, они показали, что очень жалеют об этом. И вот мы остановились в поле, недалеко от домов абрадов; абрады, увидев нас, переговаривали между собой, потом взяли каждого из нас за руку и развели по своим домам. С этими индейцами мы голодали еще больше, чем с другими: за день съедали не больше двух пригоршней тех плодов, которые там собирали. Плоды же эти были еще зелеными, и в них было столько сока, что у нас горели рты, а так как воды там не хватало, то из-за этой пищи нас мучила сильная жажда; голод наш был так силен, что мы купили у индейцев двух собак², отдав за них несколько сетей и другие вещи, а также шкуру, которой я прикрывался.

Я уже рассказывал, что мы ходили по той земле голыми, но так как мы не имели к этому привычки, то, подобно змеям, два раза в году меняли кожу; от солнца и воздуха на спине и на груди у нас появились лишай, доставлявшие нам жестокие страдания, ибо нам приходилось носить на себе большие тяжести; а веревки, которыми мы эти тяжести обвязывали, растирали нам руки, вся земля вокруг была там суровой, а лес таким, что нередко, когда мы ходили в него за дровами, шипы и колючки раздирали нам все тело, так что мы под конец истекали кровью. Часто я терял столько крови, заготавливая дрова, что потом не мог ни нести их на спине, ни тащить волоком. А когда бывало мне так тяжело, то утешался я тем, что думал о страстях нашего искупителя Иисуса Христа, о том, что пролил он свою кровь и за меня;

и я размышляла о том, насколько горше были муки от терний, что язвили его, нежели от шипов, что кололи меня.

Я торговал с индейцами гребнями, которые сам делал для них, луками, стрелами, сетями. Изготавливали мы и циновки, очень нужные индейцам; хотя индейцы и сами умели их делать, но они не хотели заниматься ничем посторонним, когда искали себе еду, ибо, если в это время они делали что-нибудь другое, им приходилось сильно голодать. Иногда мне давали скоблить и мять кожи; дни, когда я скоблил кожи, были для меня самыми счастливыми, потому что я скоблил их из всех сил, а соскребыши съедал, и этого мне хватало на два или три дня. Случалось, что эти индейцы, так же как и те, у которых мы жили раньше, давали нам кусок мяса, и мы съедали его сырым, потому что если бы мы начали его жарить, то первый же индеец, оказавшийся рядом, мог взять его у нас и съесть; мы считали, что не стоит испытывать судьбу, к тому же мы не очень горевали от того, что ели мясо сырым — оно шло у нас не хуже, чем жареное. Такова была жизнь, которую мы там вели, и так мало еды мы могли получить в обмен на товары, сделанные нашими же руками.

Глава XXIII

О ТОМ, КАК МЫ ОТПРАВИЛИСЬ ДАЛЬШЕ ПОСЛЕ ТОГО, КАК СЪЕЛИ СОБАК После того как мы съели собак, нам показалось, что у нас прибавилось сил и мы сможем двигаться дальше; препоручили мы себя попечению господа нашего бога с тем, чтобы он направил наш путь, и простились с индейцами, которые показали нам дорогу к другим индейцам, жившим недалеко от этого места и говорившим на их языке.

В дороге нас застал дождь. Весь день мы шли под дождем и, кроме того, сбились с пути, и заблудились в большом

лесу; там мы насобирали много листьев туны, соорудили очаг и всю ночь высушивали их на огне; мы развели такой сильный огонь, что утром листья уже можно было есть; подкрепившись и препоручив себя милости господу, мы вновь тронулись в путь и нашли дорогу, которую потеряли накануне.

Пройдя лес, мы увидели дома и направились к ним; там мы встретили двух женщин и юношей, которые, заметив нас, испугались, убежали и позвали мужчин, ходивших по лесу; те пришли, остановились за деревьями и смотрели на нас отсюда; мы их позвали, и они приблизились с большой опаской; мы с ними заговорили, и они сказали, что у них сильный голод, что их дома находятся недалеко от этого места и что они отведут нас к себе. В ту же ночь мы пришли в их поселение, состоящее из пятидесяти домов; индейцы, увидев нас, ужаснулись и всячески выказывали свой страх; после того как мы их немного успокоили, они стали трогать руками наши тела и лица, а потом проводили этими руками по своим лицам и телам, и мы остались на эту ночь с ними. Когда же настало утро, они привели к нам своих больных и просили сотворить над ними крестное знамение. Они отдали нам всю пищу, которая у них была, а именно листья туны и жареные зеленые плоды туны, а за то хорошее обращение, которое мы от них имели, и за то, что они по собственной воле и желанию дали нам все, что у них было, и радовались этому, хотя сами остались без еды, предложив всю ее нам, за все это мы пробыли с ними еще несколько дней. За это время мы встретили там других индейцев, из тех, что жили впереди. Когда они собрались уходить к себе, мы сказали первым индейцам, что тоже хотим уйти. Они очень жалели об этом и настойчиво просили нас остаться. В конце концов мы простились с ними и ушли, они же плакали при нашем уходе, так сильно они сокрушались, что мы их покидаем.

Глава XXIV

ОБ ОБЫЧАЯХ ИНДЕЙЦЕВ ТОЙ ЗЕМЛИ От самого острова Злосчастья и по всей той земле у индейцев, которых мы там видели, есть обычай не спать со своими женами начиная с того дня, когда те почувствуют себя беременными, и до тех пор, пока ребенку не исполнится два года; а дети там сосут материнскую грудь до двенадцати лет, то есть до возраста, когда они сами могут искать себе пищу. Мы спрашивали индейцев, по какой причине они растят детей так; они же отвечали, что из-за сильного голода, который бывает в их земле, ибо часто, как мы сами могли видеть, им приходится оставаться без еды два, три, а то и четыре дня подряд; по этой причине они и дают детям материнское молоко, иначе те бы умерли от голода, и даже те, кому удалось бы выжить, выросли бы очень хрупкими и малосильными. Когда на кого-нибудь нападает вдруг болезнь, индейцы оставляют больного умирать в поле, если он не их сын, да и все остальные, кто не может идти с ними, тоже остаются; но если заболевший их сын или их брат, то они берут его с собой и несут на спине.

Все индейцы имеют обычай бросать своих жен, если между ними нет согласия, и они женятся снова на ком захотят; так обстоит дело у бездетных; те же, у кого есть дети, остаются со своими женами и не оставляют их.

Если в какой-нибудь деревне завязывается спор или начинается ссора, то те, кто поссорились, бьют друг друга кулаками и палками до полного изнеможения и тогда расходятся; иногда их разнимают женщины, становясь между ними, мужчины же никогда не разнимают. Но как бы не были индейцы озлоблены, они никогда не хватаются за лук и стрелы; а после ссоры и драки они забирают свои дома и своих жен и уходят жить в поле, отдельно от остальных, пока не пройдет их злоба; когда же их злоба проходит, они без всякого гнева возвращаются в деревню и снова становятся друзьями, будто между ними ничего и не было, и им

не нужно, чтобы кто-нибудь их мирил, это происходит у них само собой. Если же те, кто поссорились, не женаты, то они уходят из своей деревни к другим индейцам, и те, даже если они их враги, хорошо принимают их, рады им и делятся с ними всем, что имеют, так что, когда гнев этих людей проходит, они возвращаются в свою деревню богатыми.

Все индейцы — воины, и они так изошрились сторожить врагов, будто выросли в Италии, в непрерывной войне. Когда они находятся в таком месте, где на них могут напасть враги, то ставят дома на опушке леса, у самой его густой и непроходимой части, а сами спят во рву, который роют тоже около леса, в стороне от дома. Ров они прикрывают хворостом, оставляя только узкие бойницы, и они так хорошо там скрыты, что их совсем не видно; они протаптывают узкую тропинку в глубь леса и устраивают там на ночлег женщин и детей. А когда наступает ночь, они разводят в домах огонь, чтобы соглядаты, если они окажутся близко, думали, что все ночуют в домах, и перед утренней зарей они еще раз возвращаются туда, чтобы подложить дрова в огонь; если же враги проникают в дома, то те, кто находился во рву, подкрадываются к ним и, оставаясь невидимыми, наносят им большой урон. Если поблизости нет леса, где можно укрыться и сделать засаду, индейцы располагаются на равнине, в месте, которое кажется наиболее подходящим, также устраивают поблизости рвы, прикрывают их хворостом и оставляют в нем узкие бойницы, через которые пускают стрелы во врагов, и все эти приготовления они делают к ночи.

Когда я был с агуенами, к ним незаметно подкрались враги и в полночь напали на них, трех человек убили и многих ранили, так что агуенам пришлось бежать из своих домов в лес; а после того как они узнали, что враги ушли, они вернулись к своим домам, собрали все брошенные там стрелы и, так скрытно, как только могли, двинулись вслед за врагами и той же ночью, оставаясь незамеченными, вышли к их домам и на ранней заре напали на них, пять человек убили, многих ранили, остальные враги бежали, бросив дома, луки и все хозяйство. А спустя небольшое время пришли женщины кевенов и помирили их, хотя нередко именно женщины бывают причиной войны. Среди всех индейцев заведено так, что когда враждуют какие-нибудь люди, которые не принадлежат к одной семье¹, то они убивают друг друга по ночам из засады и проявляют друг к другу большую жестокость.

Глава XXV.

О ТОМ, КАК ПРОВОРНЫ ИНДЕЙЦЫ В ОБРАЩЕНИИ С ОРУЖИЕМ Индейцы самые проворные в обращении с оружием люди, каких мне когда-нибудь приходилось видеть; если они опасаются врагов, то бодрствуют всю ночь, имея при себе лук с дюжиной стрел; а тот, кто спит, проверяет во сне свой лук, и если он не натянут, то натягивает его должным образом. Много раз за ночь они выходят из домов наружу, низко припадая к земле, так что их совсем не видно, осматривают и обследуют все вокруг, и если что-нибудь заметят, то в один миг все оказываются в поле со своими луками и стрелами и остаются там до утра, перебегая с места на место туда, где есть враги или где, как им кажется, враги могут оказаться. И только когда наступает день, они ослабляют луки и держат их так, пока не выходят на охоту. Тетивы луков делаются у них из оленьих жил.

Сражаются они низко пригнувшись к земле, и когда пускают друг в друга стрелы, не перестают говорить и прыгают с места на место, уклоняясь от вражеских стрел, так что даже аркебузы и арбалеты причиняют им мало ущерба; более того, индейцы смеются над аркебузами и арбалетами, потому что это оружие оказалось бесполезным против них на открытых местах, где они держатся врассыпную; это оружие хорошо только в теснинах, в местах, ограниченных водой. Из остального сильнее всего на индейцев действуют лошади, которых они все без исключения боятся. Тот, кто вынужден будет воевать с индейцами, должен быть очень осторожен, чтобы они не почувствовали в нем слабости или алчности к их имуществу; и пока будет продолжаться война, с ними следует обращаться весьма жестоко, ибо если они догадаются о страхе или алчности противника, то сумеют выбрать удобный случай, чтобы воспользоваться этим страхом и отомстить. Если во время войны у индейцев ис-

сякнет запас стрел, то они расходятся каждый в свою сторону, при этом одни не преследуют других, даже если значительно превосходят их числом; таков у них обычай. Довольно часто стрелы пронзают их насквозь, но они не умирают от ран, если только у них не задеты кишки или сердце, и выздоравливают очень быстро.

Видят и слышат они очень хорошо и вообще, я думаю, превосходят остротою чувств всех остальных людей на земле. Они сильно страдают от голода, жажды и холода, даже те из них, которые привыкли к этому больше, чем остальные. Я хотел рассказать обо всем этом не только потому, что люди желают знать об обычаях и занятиях других людей, но и для того, чтобы те, кто когда-нибудь сюда придут и встретятся с индейцами, знали бы заранее об их обычаях и уловках, что в подобных случаях бывает весьма полезным.

Глава XXVI

О НАРОДАХ И ЯЗЫКАХ Я хочу рассказать также о всех языках и народах той земли, начиная от острова Злосчастья. На острове Злосчастья есть два языка: тех, кто говорят на одном из них, зовут коаками, других зовут анами. На материке против острова живут индейцы, которые зовутся чорруко, а имя это происходит от названия лесов, в которых они обитают. Дальше, вперед по морскому побережью, живут индейцы, по имени догены, а напротив них, в глубине материка, другие — меника. Еще дальше по берегу обитают кевены, а напротив них — мариамы. На псбережье за кевенами живут гуайконы, а напротив них, в глубине материка, игуасы. Дальше обитают другие индейцы, по имени атайи, а за ними — акубады, а за ними в этом же направлении еще многие и многие другие. Дальше по побережью живут китолы, напротив них, в глубине материка, ававары. Рядом с ававарами обитают малиоконь и кутальчичи, и еще другие, которых зовут сусолами, а также комы, а еще дальше по побережью живут индейцы, которых мы

называли игами¹. Все эти индейцы имеют жилища, живут деревнями и говорят на различных языках. Когда они хотят, чтобы кто-нибудь посмотрел на них или подошел, то обращаются так: хо. И так же они подзывают собак.

По всей той земле индейцы одурманиваются дымом², и за это они отдают все, что у них есть. Опьяняют они себя и питьем, которое изготовляют из листьев деревьев, таких, как, например, дуб. Они кладут листья в сосуды и раскалывают их на огне, а затем, когда листья достаточно прокалятся, наполняют сосуды водой и опять ставят на огонь; когда вода закипит два раза, ее выливают в пустой кувшин, охлаждают в половинке калабасы³, и когда образуется много пены, то пьют этот напиток таким горячим, какой только можно вытерпеть; а после того как они выливают питье из сосудов и перед тем, как начать его пить, они громко выкрикивают: кто хочет пить? И если какая-нибудь женщина слышит этот крик, она замирает на месте, не смея пошевелиться, даже если она несла что-нибудь тяжелое; если же кто-нибудь из женщин сделает в это время хоть одно движение, ее ругают, бьют палкой и с великой злобой выливают воду, приготовленную для питья, и даже ту, которая уже была выпита, вновь извергают из себя, что они делают с большой ловкостью и без всякого страдания.

Индейцы нам разъяснили смысл этого обычая, сказав, что, если в тот миг, когда они собираются пить напиток и подают голос, женщина пошевелится, в их тело вместе с питьем войдет зло и спустя некоторое время причинит им смерть и что все время, пока готовится питье, сосуд надо держать закрытым, а если он окажется открытым и в это время мимо пройдет какая-нибудь женщина, то напиток уже не пьют, но выливают; сам же напиток желтого цвета, пьют его три дня, в это время ничего не едят и каждый выпивает его по полторы арробы⁴.

Каждый месяц, когда у женщин наступают их дни, они собирают еду только для самих себя, потому что никто не станет есть пищу, которую женщина приносит в такое время. Когда я там был, то видел среди индейцев разную чертовщину, так, я видел мужчину, женатого на другом мужчине, а были они оба подобны женщинам: бессильные, занимались женскими делами и одевались как женщины, они бросили лук и носили тяжести; мы видели среди индейцев немало таких женоподобных, как те, о которых я только что рассказал; все они крепче других мужчин телом, выше ростом и переносят большие тяжести.

Глава XXVII

О ТОМ, КАК МЫ ШЛИ ДАЛЬШЕ И КАК НАС ХОРОШО ПРИНИМАЛИ После того как мы ушли от тех индейцев, которые оплакивали наш уход, мы с другими индейцами двинулись к ним домой; они приняли нас очень хорошо, привели своих детей, чтобы мы возложили на них руки, дали нам много мескисовой муки¹. Мескисы — это плоды, похожие на плоды рожкового дерева. Когда мескисы еще растут на дереве, они очень горькие, едят же их с землей, с ней они становятся сладкими и вкусными. А готовят их так: делают в земле яму, глубина ее может быть любой, насыпают в нее плоды и палкой, толщиной с бедро и еще две руки, начинают толочь их, пока не растолкут очень мелко вместе с той землей, которая смешивается с ними в яме; потом приносят новые пригоршни плодов, кладут их в яму и снова начинают толочь. Полученную смесь кладут в плетеную корзину, обмазанную глиной, и заливают водой так, чтобы покрыть ее с верхом, а затем тот, кто толоч, пробует ее, и если ему кажется, что она недостаточно сладкая, то он просит еще земли, добавляет ее и делает так до тех пор, пока она не станет сладкой; тогда все садятся вокруг и каждый протягивает руку и берет столько, сколько может, вынимает зернышки и кожуру и кладет их на шкуру; тот, кто готовит напиток, собирает эту кожуру и зерна и кладет их в кувшин, заливает водой, как в первый раз, снова выжимает сок и воду, а кожуру и косточки опять складывают на шкуры; и так повторяют пять или шесть раз с каждой порцией толченых плодов. Все, кто участвуют в таком пиршестве, которое считается великим праздником, выпивают столько воды с землей, что у них раздуваются животы. Такой великий праздник индейцы устроили и для нас, и все время, что мы там были, они исполняли свои пляски и арейто. А ночью, когда мы спали, сон каждого

из нас охраняло по шесть человек, чтобы никто не потревожил нас до восхода солнца.

Когда мы собрались уходить, пришло несколько женщин от тех индейцев, которые жили дальше, впереди. Узнав от них, где находятся их дома, мы двинулись в том направлении, хотя нас умоляли остаться еще на один день, говоря, что до других индейцев далеко и к ним нет дороги, и что женщины, которые пришли усталыми, немного отдохнут и на следующий день пойдут обратно и возьмут нас с собой. Однако мы простились и тронулись в путь, а немного погодя женщины, которые к ним пришли, а также несколько женщин из этой деревни пошли за нами; но так как на этой земле не было дороги, то скоро мы потеряли их из виду. Мы прошли четыре лиги и вышли к одному месту, чтобы попить воды, и встретили там этих женщин, которые шли за нами, и они нам рассказали, с каким трудом они нас догнали. Дальше мы пошли вместе с ними, и они были у нас за проводников. Когда наступил вечер, мы переправились через реку, она была такой же ширины, как река в Севилье¹, и очень быстрая, вода в ней доходила нам до груди.

На восходе солнца мы вышли к индейской деревне, состоящей из ста домов; и прежде чем мы вошли в нее, все население высыпало нам навстречу: индейцы неистово кричали, громко хлопали себя ладонями по бедрам, они несли с собой выдолбленные калабасы, наполненные внутри камнями, которые употребляют только в самые большие праздники и берут в руки лишь тогда, когда собираются плясать или лечить, а иначе никто не осмеливается даже притронуться к ним; говорят, что эти калабасы имеют целебную силу и что они небесного происхождения, ибо на этой земле они не произрастают и индейцы не знают, где они растут, они знают только, что их приносит река, когда начнется разлив.

Каждый из индейцев хотел коснуться нас раньше, чем другие, начался беспорядок и смятение, и нас так сдавливали, что мы едва не задохнулись; а потом индейцы подняли нас и, не давая коснуться ногами земли, понесли в свои дома, при этом так нас стиснули, что мы поспешили укрыться в отведенных для нас домах и ни за что не соглашались на то, чтобы этой ночью вокруг нас устраивали праздник. Они же всю ночь провели в плясках и арейто, а утром следующего дня к нам пришел весь народ этой деревни, прося, чтобы мы возложили на них руки и перекрестили бы их, как делали это с другими индейцами там, где были раньше.

И после того как мы все это исполнили, они дали много стрел женщинам другого народа, которые пришли сюда вместе с их женщинами.

На другой день мы вышли оттуда и все население деревни пошло с нами, а когда мы пришли к другим индейцам, те встретили нас очень хорошо; они дали нам все, что у них было, даже оленей, убитых в этот день. У этих индейцев мы столкнулись с новым обычаем: у тех, кто приходил к нам лечиться, они брали лук и стрелы, а также обувь и бусы, если таковые имелись; взяв эти вещи, они отдавали их нам, чтобы мы лечили пришедших; те, кого мы лечили, уходили довольные, говоря, что совсем выздоровели.

Затем мы покинули этих индейцев и пришли к другим. Нас опять встретили очень хорошо и привели своих больных, а после того как мы сотворили над ними крестное знамение, больные сказали, что стали здоровыми; те же, кто не выздоровел, верил, что мы сможем их потом вылечить и, слушая других, говоривших, что мы их исцелили, так веселились и плясали, что не давали нам уснуть.

Глава XXVIII

ЕЩЕ ОБ ОДНОМ НОВОМ ОБЫЧАЕ Уйдя от этих индейцев, мы пришли в селение, где было много домов. Начиная с этого места мы столкнулись с новым обычаем: нас приняли очень хорошо, но наши провожатые весьма плохо обошлись с индейцами, к которым мы пришли; они брали их имущество, грабили дома, не оставляя ни одной вещи. Мы очень жалели, видя столь плохое обращение с теми, кто так хорошо нас принял, и к тому же опасались, что это может вызвать возмущение и ссору. Но так как у нас не было возможности что-нибудь сделать и мы не решались наказать тех, кто так поступал, то мы вынуждены были терпеть все это, пока у нас не будет достаточно власти сре-

ди индейцев. Индейцы же, потерявшие имущество, видя наше огорчение, сами нас утешали и просили не принимать это близко к сердцу; они говорили, что так рады встрече с нами, что им не жаль никакого добра и что потом они возместят потерянное имущество за счет других, очень богатых индейцев.

На всем этом пути у нас возникали большие трудности из-за того, что нас сопровождало много народу, и мы, как ни пытались, не могли скрыться от них; к нам все время подходили люди, поэтому вокруг нас была постоянная суета и толкотня; индейцы так настойчиво старались прогнаться к нам и коснуться нас, что мы не могли отделаться от них в течение трех часов. На другой день к нам пришло все население деревни, и большая часть из них имела бельмо на глазу, а некоторые были совсем слепы из-за бельма, так что мы даже ужаснулись. Индейцы эти хорошо сложены, приятны в обращении, они самые белокожие из всех, кого мы до сих пор там встречали.

Здесь мы впервые увидели горы; нам показалось, что они тянутся отсюда к Северному морю; а по сведениям, полученным от индейцев, мы считали, что место, куда мы вышли, находится в пятнадцати лигах от моря.

Отсюда мы пошли по направлению к горам, о которых я сказал, и индейцы повели нас туда, где жили их родственники: они хотели вести нас только по тем местам, где живут родственники, и не желали, чтобы враги видели нас, так как думали, что этим они облагодетельствовали бы своих врагов. Когда мы пришли, индейцы, сопровождавшие нас, ограбили других; а так как другие уже знали этот обычай, то они, едва завидев нас, спрятали некоторые вещи; потом же, после того как приняли нас с большой радостью и устроили праздник, они сами достали спрятанные вещи, пришли и подарили их нам; а это были бусы, охра и несколько серебряных вещей. Мы, следуя обычаю, отдали их индейцам, пришедшим с нами, и после этого начался праздник и пляски, и индейцы послали за людьми из другой деревни, отстоявшей недалеко отсюда, чтобы те тоже пришли к нам; и к вечеру собрались все и принесли нам бусы и луки, и другие вещи, которые мы тоже разделили с индейцами.

На следующий день, когда мы собрались в путь, все индейцы захотели проводить нас до своих друзей, живших у самых гор; они говорили, что там много домов, много народу и там нам поднесут много вещей; но так как те индей-

ды были в стороне от нашей дороги, мы не захотели идти к ним и пошли по равнине, близко от гор, которые, как мы думали, находились недалеко от берега.

Все люди, жившие по берегу, были очень плохими, и мы почли за лучшее держаться подальше от побережья, потому что те, кто жили вдали от моря, были лучше устроены и гораздо лучше обращались с нами, а, кроме того, мы были уверены, что, чем дальше от моря, тем земля более заселена, и мы найдем больше пищи. И еще мы выбрали этот путь потому, что, идя не по берегу, мы могли лучше ознакомиться со страной, и в случае, если бы господь наш бог явил нам свое благорасположение и вывел бы оттуда кого-нибудь из нас, и привел бы его в христианскую землю, то чтобы смог он сделать сообщение об этой земле и дать о ней сведения.

Когда индейцы увидели, что мы решили идти не туда, куда они хотели нас сопровождать, они сказали, что в той стороне, куда мы собираемся идти, нет ни людей, ни тун, ни какой-либо иной пищи, и попросили нас остаться на месте еще на один день, что мы и сделали. Тогда они послали двух человек в том направлении, куда мы собирались идти, чтобы разузнать, нет ли там людей, а на другой день мы сами отправились в путь и с нами пошло много индейцев, а также женщин, нагруженных водой; и наша власть над индейцами была так велика, что никто из них не осмеливался пить без нашего разрешения.

Пройдя две лиги, мы встретили тех двух человек, которые были высланы вперед посмотреть, нет ли на нашем пути людей, и они сказали, что никого не нашли; это привело в уныние индейцев, и они вновь стали уговаривать нас идти по горам. Мы не соглашались на это, и они, видя, что такова наша воля, с грустью простились с нами и вернулись вниз по реке к своим домам, а мы пошли вверх по реке и спустя недолгое время встретили двух женщин с ношей.

Завидя нас, женщины остановились, сняли с себя ношу и отдали ее нам; была же это маисовая мука. Женщины сказали, что дальше по этой реке мы найдем дома и много тун, и такой же муки. И вот мы простились с ними, ибо они направлялись к индейцам, у которых мы были перед этим, и двинулись дальше, и шли до захода солнца, и пришли в деревню, насчитывавшую двадцать домов; а жители встретили нас с плачем и скорбью, так как знали, что, куда бы мы ни пришли, те, кто нас сопровождают, грабят и растаски-

вают все, что попадется им под руку; однако увидев, что мы одни, они перестали бояться и дали нам тун, но больше не дали ничего.

Мы остались у них на ночь, а под утро те индейцы, которые ушли от нас накануне, напали на их дома, и так как они застали этих индейцев врасплох, то отняли у них все, и никто ничего не успел спрятать. Ограбленные сильно сокрушались и плакали; а грабители, чтобы утешить их, говорили, что мы дети Солнца и что мы можем исцелять больных и убивать, и другие еще большие небылицы, которые они очень хорошо умеют придумывать, когда им это выгодно; и еще они сказали этим индейцам, чтобы они проводили нас со всем почтением и ни в коем случае нас бы не разгневали, чтобы отдавали нам все, что у них есть, и позаботились бы доставить нас дальше до того места, где будет много людей, и чтобы они, когда доведут нас туда, грабили бы тех людей и отняли у них все имущество, ибо таков есть обычай.

Глава XXIX

О ТОМ, КАК ИНДЕЙЦЫ ГРАБИЛИ ДРУГ ДРУГА

Объяснив и растолковав все, что надо делать, индейцы, напавшие ночью, ушли; те же, с которыми мы остались, помня все, что им было сказано, начали обращаться с нами с таким же страхом и почтением, как и другие. Они шли с нами три дня и привели нас в место, где было много людей; и еще до того, как мы туда прибыли, они предупредили тех людей, как нас надо встречать, и рассказали им все, чему их научили другие индейцы, и многое добавили от себя, ибо все индейцы большие любители всяких рассказов и большие выдумщики, особенно если могут получить от своих выдумок какую-нибудь выгоду.

Когда мы приблизились к домам, все вышли нам навстречу и приняли нас с удовольствием и с радостью, а два

их знахаря дали нам две калабасы, и мы с тех пор начали носить их с собой; это еще больше усилило нашу власть, ибо индейцы придавали таким калабасам большое значение. Сопровождавшие нас индейцы также грабили дома, но поскольку домов было много, а грабителей мало, то они не могли унести все, что забирали, и больше половины выбросили. От этого места и до склона гор мы прошли более пятидесяти лиг и вышли к домам, которых было около сорока. Среди прочих вещей, что нам там подарили, у Андреса Дорантеса оказалась большая медная погремушка; на ней было изображено лицо, и индейцы нам показали, что у них много таких изображений, и сказали, что получили их от своих соседей. А мы спросили, откуда их взяли соседи, индейцы же ответили, что их принесли с севера, где их очень много и они высоко ценятся. Мы же поняли, что откуда бы они ни были, в том месте существует плавка и литье металла. На следующий день мы тронулись в путь и пересекли горную цепь шириной в шесть лиг, состоявшую из железной руды, а ночью подошли к домам, расположенным на берегу очень красивой реки; жители вышли нам навстречу, неся своих детей на спинах, и поднесли нам много мешочков с раковинами и толченой сурьмой, которой они натирают себе лица, и дали нам также много бус и накидок из коровьих шкур; и всех, кто пришел с нами, они тоже оделили своим имуществом.

Эти индейцы питались тунами и сосновыми семенами; на той земле растут маленькие сосны, а их шишки похожи на небольшие яйца, но семена у них лучше, чем у кастильских сосен, потому что их кожура очень тонкая; когда эти семена еще зеленые, их мелют, делают из муки круглые лепешки и так едят; если же семена сухие, то их мелют с кожурой и едят муку.

Индейцы, вышедшие нам навстречу, едва коснувшись нас, бегом вернулись в свои дома, а потом снова прибежали к нам. Так они все время бегали туда и обратно и принесли нам множество вещей на дорогу. Потом ко мне привели одного человека и сказали, что он много времени тому назад был ранен стрелой в правую часть спины и что наконечник стрелы остался у него над сердцем; а сам индеец говорил, что это причиняет ему большое страдание и он все время чувствует себя больным. Я его потрогал и нащупал наконечник стрелы; я понял, что она застряла в хряще. Тогда ножом, который у меня был, я вскрыл ему грудь до этого места и нашел там застрявший наконечник; но его

было очень трудно извлечь; я сделал разрез еще больше, подцепил наконечник кончиком ножа и с большим трудом извлек его оттуда; наконечник оказался очень длинным. Потом, используя свои познания в медицине, я оленьей костью зашил в два стежка рану, но она все равно продолжала кровоточить; и я остановил кровь, приложив к ране ворс шкуры. А когда я извлек наконечник стрелы, индейцы попросили его у меня, и я им его отдал; и пришел весь народ посмотреть на этот наконечник, и передавали его из рук в руки, и отправили его в глубь земли, чтобы его могли увидеть все, кто там живут; и по этому поводу индейцы устроили большой праздник и пляски, как они всегда это делают. На следующий день я снял швы индейцу, и он был совсем здоров, а от раны, которую я ему сделал, остался шрам не больше, чем складка на ладони; и он сказал, что больше не чувствует ни боли, ни страдания. Это лечение очень нас возвысило и вызвало к нам такое доверие и уважение по всей земле, какое только могли и умели проявлять индейцы.

Мы показали им погребушку, которую несли с собой, и они сказали, что в том месте, откуда ее принесли, в земле есть много брусков такого материала¹ и что он высоко ценится; еще они сказали, что жители сооружают там постоянные дома, и поэтому мы решили, что это у Южного моря², ибо мы все время получали сведения о том, что оно богаче Северного. С тем мы и отправились дальше и благополучно прошли столько разных земель и столько различных языков, что не хватает памяти рассказать о всех них, и всю дорогу одни индейцы грабили других, при этом, как грабители, так и ограбленные, оставались вполне довольными. Нас сопровождало в пути столько народу, что это приносило нам больше неудобств, чем пользы.

Когда мы проходили по долинам, каждый индеец держал в руке толстую палку длиной в три пяди, и все они шли в ряд; и если откуда-нибудь выскакивал заяц (которых там много), то они окружали его и так начинали колотить палками, что было даже удивительно; и таким образом они заставляли его бегать от одного к другому, что, на мой взгляд, было самой красивой охотой, какую только можно вообразить, ибо много раз зайцы прыгали им прямо в руки³, и когда мы останавливались на ночлег, то иногда бывало, что каждый приносил по восемь или по девять пойманных зайцев. Тех же, кто шли с луками, мы обычно даже не видели, потому что они углублялись в горы в поисках

олений; а ночью, когда они возвращались, то приносили каждому из нас по пяти или шести оленей, а также разных птиц и перепелок. Вообще все, что индейцы находили или убивали, они клали перед нами, не осмеливаясь взять себе что-нибудь без нашего разрешения, даже если умирали с голоду, ибо такой они положили себе обычай после того, как начали ходить с нами; и над всякой пищей, прежде чем они ее ели, мы должны были сотворить крестное знамение. Женщины несли с собой множество циновок, из которых они делали нам дома, отдельно для каждого из нас. От всего, что нам приносили, мы брали половину, а остальное отдавали вождю, который шел с нами, приказывая ему разделить это среди всех. Получив свою часть, каждый приходил к нам, чтобы мы подули на нее и перекрестили, иначе же они не осмеливались есть; а много раз мы вели с собой три или четыре тысячи человек, и поэтому тяжок был наш труд, ведь для каждого из них мы должны были подуть и перекрестить то, что он собирался есть и пить; а также и для многого другого, что они собирались делать, они приходили просить нашего разрешения, из чего можно видеть, сколько мы имели беспокойства. Женщины приносили нам туны, пауков и червяков — все, что у них было, ибо, если они даже умирали с голоду, они не могли съесть ничего, что не было бы получено от нас.

Идя с этими индейцами, мы переправились через большую реку, которая текла с севера, прошли тридцать лиг по равнине и встретили много людей, пришедших издалека. Эти люди вышли на дорогу, по которой мы должны были пройти, и приняли нас так же, как раньше принимали другие индейцы.

Глава XXX

О ТОМ, КАК ИЗМЕНИЛСЯ ОБЫЧАЙ ПРИНИМАТЬ НАС Начиная с этой встречи обычай принимать нас изменился, ибо люди, шедшие с нами, не грабили больше тех,

кто выходил нас встречать; теперь индейцы, войдя в свои дома, сами предлагали нам все, что имели, включая и дома, и самих себя; мы же все отдавали вождям, чтобы они делили это между всеми людьми. И всегда те, кто терял имущество, шли за нами дальше, туда, где было много людей, чтобы возместить свои потери; и они говорили следующим индейцам, чтобы те береглись нас и не вздумали бы спрятать от нас какую-нибудь вещь, ибо невозможно, чтобы мы про то не узнали и сразу же не убили бы их за это, так как о спрятанных вещах нам говорит само солнце. И страх среди тех индейцев бывал так велик, что в первые дни они только дрожали и не осмеливались ни заговорить, ни поднять глаза.

Эти индейцы вели нас пятьдесят лиг по безлюдным и суровым горам, и были те горы такие безжизненные, что в них не водилось никакой дичи, и мы из-за этого сильно страдали от голода. В конце этого пути мы вышли к реке, вода в ней доходила нам до груди. Начиная от этого места многие люди, шедшие с нами, начали болеть от сильного голода и тягот пути, ибо горы, по которым мы шли, были очень обрывистыми и труднопроходимыми.

Наконец нас провели через горы и вывели в долину, куда уже пришли издалека другие индейцы; нас встретили так же, как встречали раньше, и дали столько всякого добра, что те, кто шли с нами, не смогли взять его с собой и были вынуждены оставить половину. И мы сказали людям, которые принесли нам все это, чтобы они взяли свои вещи и унесли бы их, иначе все здесь пропадет; индейцы же отвечали, что ни в коем случае не сделают этого, ибо не в их обычае, подарив какую-нибудь вещь, забирать ее обратно; и действительно, они не взяли ничего и оставили все пропадать. Мы сказали этим индейцам, что хотели бы идти на заход солнца, они же ответили, что в той стороне надо идти очень долго, чтобы добраться до людей; мы распорядились послать туда несколько человек и предупредить о нашем приходе, они же всячески уклонялись от этого, ибо люди, которые живут в тех местах, их враги, а они не хотели, чтобы мы шли к их врагам; но они не посмели нас послушаться и послали двух женщин, одну из своего народа и другую пленницу, захваченную у того народа, к которому мы собирались идти. А послали они женщин потому, что женщины могут вести переговоры даже в том случае, если идет война.

Мы пошли за женщинами и остановились в месте, где

условились дожидаться их; там мы прождали пять дней, но женщины все не возвращались, и индейцы сказали, что они, наверное, не смогли найти тех людей. Тогда мы попросили провести нас на север, а индейцы отвечали так же, как и раньше, что в той стороне очень далеко идти до людей и что там нет ни еды, ни воды. Несмотря на все это, мы твердо стояли на своем и говорили, что желаем идти туда; они же пытались уклониться от этого любым способом. Мы рассердились на них, и ночью я отделился от них и ушел спать в поле. Индейцы же всю ночь провели в страхе и без сна, а потом говорили со мной и сказали, что очень напуганы, и просили нас оставить свой гнев и обещали вести нас туда, куда мы хотим, даже если бы им пришлось умереть по дороге.

И тут произошла весьма странная вещь: в то время как мы продолжали делать вид, что все еще сердимся на них, и они по этой причине не переставали пребывать в страхе, вдруг в этот же самый день многие из них заболели, а на следующий день восемь человек умерло. Когда об этом происшествии стало известно, по всей земле распространился такой ужас, что индейцы при виде нас, казалось, готовы были умереть от страха. Они умоляли нас, чтобы мы перестали на них гневаться и хотеть их смерти, ибо были уверены, что мы одним своим желанием насылаем на них смерть. На самом же деле мы от всей души жалели о том, что случилось, ибо не только не хотели, чтобы они умирали, но, более того, опасались, что они все умрут или разбегутся от страха и оставят нас одних и что так же поступят все другие индейцы, живущие впереди по нашему пути. И мы стали молить господа нашего бога, чтобы он помог им; и действительно, все, кто были больными, начали выздоравливать.

В это время нас поразило одно обстоятельство, а именно: родители, братья и жены тех, кто умирал, видя их при смерти, сильно горевали, но после их смерти не выражали никаких чувств, не плакали, не говорили друг с другом и не решались приблизиться к мертвым, даже когда мы приказывали предать их земле. За те пятнадцать дней, что мы с ними были, мы не видели ни разу, чтобы они разговаривали друг с другом или смеялись, или оплакивали кого-нибудь; более того, когда одна женщина начала плакать, ее отвели подальше и от плеч и до бедер порезали острыми зубами крысы. Встретившись с такой жестокостью и негодуя против нее, я спрашивал, зачем они так делают; они

же отвечали, что наказывают эту женщину за то, что она плакала передо мной. Страх, которым были охвачены эти индейцы, они передавали и другим людям, приходившим в это время к нам, и советовали им отдавать нам все, что у них есть, ибо они знали, что мы ничего не возьмем себе и все вернем обратно. Эти индейцы были самыми послушными из всех, кого мы встречали в той земле, они отличались мягким характером и были хорошо к нам расположены.

После того как больные выздоровели, а произошло это на третий день нашего пребывания в том месте, пришли женщины, которые были высланы вперед, и сказали, что встретили очень мало людей, потому что все ушли за коровами, ибо как раз наступило время, когда люди уходят за коровами. Тогда мы приказали тем, кто болел, оставаться, а тем, кто был здоровым, идти с нами, а двум пришедшим женщинам мы приказали через два дня пути взять с собой двоих наших людей и пойти с ними к другим индейцам и вывести их на дорогу для встречи с нами. Когда все эти распоряжения были отданы, утром следующего дня мы с самыми крепкими людьми тронулись в путь и через три дневных перехода остановились, а на следующий день пошли вперед Алонсо Кастильо и негр Эстебанико, взяв проводниками тех же двух женщин; и та из них, что была пленницей, повела их к реке, протекавшей между гор; там находилась деревня, где жил ее отец. Здесь, впервые на этой земле, мы увидели дома, которые действительно походили на дома и были сделаны соответствующим образом. Кастильо и Эстебанико вошли в деревню, и после того как они переговорили с индейцами, Кастильо на четвертый день вернулся туда, где мы его дожидались, и привел с собой пять или шесть индейцев; он рассказал, что в той деревне построены постоянные дома, что индейцы там едят фасоль и тыкву и что он видел у них маис. Ничто в мире не могло обрадовать нас больше, чем эти известия, и мы воздали бесчисленные благодарности господу нашему богу. Кастильо сказал также, что негр со всем населением деревни выйдет встречать нас на дороге, недалеко от того места. Узнав об этом, мы, не мешкая, тронулись в путь и, пройдя полторы лиги, увидели негра и людей, вышедших встречать нас. Они дали нам фасоль и тыквы для еды, а также тыквы для того, чтобы носить в них воду, и еще накидки из коровьих шкур и многое другое.

Так как пришедшие индейцы и те, что шли с нами, были врагами и не понимали друг друга, то мы отдали тем, ко-

которые сопровождали нас, все, что получили, но не стали их брать с собой дальше, а сами пошли с местными индейцами. Через шесть лиг, когда уже наступала ночь, мы прибыли в их деревню, где они устроили для нас большой праздник. Там мы пробыли один день, а на следующий день пошли дальше и пришли в другую деревню, где также были постоянные дома; там мы ели то же, что и накануне. Начиная отсюда мы столкнулись с новым обычаем: узнав о нашем приходе, эти индейцы не выходили встречать нас на дороге, как это раньше делали другие, но, дожидаясь у себя дома, готовили для нас свои жилища; принимали они нас сидя, повернувшись лицом к стене, опустив голову, завесив глаза волосами и сложив все свое добро посреди дома. Теперь нам стали давать много накидок из шкур, и вообще индейцы отдавали нам все, что у них было.

Здесь люди превосходили телесным сложением всех, кого мы видели раньше; они более ловкие и умелые, понимали нас лучше, чем другие, и лучше отвечали на наши вопросы; мы их называли «коровьи люди», потому что большая часть коров умирает недалеко от этого места и потому что эти индейцы уходят вверх по реке на пятьдесят лиг и там убивают много коров. Ходят эти люди совершенно голыми, как те, которых мы встретили первыми; женщины прикрываются оленьими шкурами, а также и некоторые мужчины, особенно старые и негодные для войны. Земля там густо населена. Мы спросили их, почему они не сеют маис; они ответили, что не сеют его, чтобы не потерять то, что посеяно, ибо два года подряд у них не хватало воды и была такая засуха, что весь их маис погубили кроты, и поэтому они не решаются снова сеять маис, пока не пойдет сильный дождь; и они просили нас, чтобы мы сказали небу о дожде и молили бы его о нем, и мы обещали им сделать это.

Мы хотели также узнать, откуда они взяли тот маис, что у них есть, и они ответили, что взяли его в той стороне, где садится солнце, а там он растет по всей земле, но что ближе всего можно найти маис в той стороне, куда ведет дорога. Мы спросили их, как лучше всего туда пройти и попросили рассказать нам о дороге, ибо они сами не хотели идти туда; они ответили, что дорога идет на север вверх по реке и что за семнадцать дней пути мы не найдем там никакой еды, кроме плодов, которые они называют чаканами¹, и что даже если отбивать эти чаканы камнями, то и тогда их нельзя есть, такие они сухие и жесткие. И это

все оказалось правдой, ибо они нам все это показали и мы не смогли есть чаканы. Еще индейцы сказали, что, пока мы будем подниматься вверх по реке, мы будем все время идти среди враждебных им народов, которые говорят на том же языке, что и они, и что у этих людей не будет никакой сды, чтобы дать нам, но они примут нас радушно и подарят много накидок из хлопковых тканей и шкур, а также другие вещи, которые у них есть; и тем не менее им кажется, что нам ни в коем случае не следует идти этим путем. Мы не знали, что делать, какой выбрать путь, чтобы он оказался более удобным, и в таких сомнениях мы провели среди этих индейцев два дня.

Они кормили нас фасолью и тыквами; способ, которым они их готовили, был для нас совершенно новым, поэтому я хочу рассказать о нем здесь, чтобы было видно и понятно, сколь различны и необычны дарования и умения существ человеческих. У индейцев нет котлов, и, чтобы сварить то, что они собираются есть, они берут калабасу, наполняют ее до половины водой, кладут в огонь много камней, таких, что легко накаляются, и когда видят, что камни уже раскались, достают их щипцами, сделанными из палок, и бросают в калабасу с водой, пока вода не начнет кипеть от жара этих раскаленных камней; когда же вода закипит, в нее кладут то, что надо приготовить, и пока еда готовится, остается только вынимать из калабасы одни камни и класть в нее другие, чтобы вода продолжала кипеть, а еда вариться; вот как они готовят.

Глава XXXI

О ТОМ, КАК МЫ ШЛИ ДАЛЬШЕ ДОРОГОЙ МАИ-СА После того как мы провели два дня в этой деревне, мы решили идти дальше и искать маис, но не захотели идти той дорогой, о которой нам говорили «коровьи люди», ибо она шла на север; а это означало для нас большой риск, так как мы всегда твердо верили, что достигнем своей цели,

идя прямо на закат. И вот мы продолжили свой путь, прошли всю землю и вышли к Южному морю; нас не останавливал страх перед голодом, который мы должны были испытать и который на самом деле испытали: мы голодали в течение шестнадцати дней пути, о чем нас и предупреждали индейцы.

Пока мы шли вверх по реке, индейцы, жившие там, давали нам много накидок из коровьих шкур, а тех плодов, о которых нам говорили, мы так и не ели; каждый день мы съедали по горсти оленьего жира, которым позаботились запастись. Так мы шли все шестнадцать дней, а после этого переправились через реку и шли еще шестнадцать дней на закат по долинам между очень высоких гор, и там встретили людей, которые третью часть года не едят ничего иного, кроме муки из соломы; а поскольку мы проходили там как раз в такое время, то тоже были вынуждены есть ее, пока по прошествии этих дней не вышли к деревне, где были постоянные дома и было много принесенного маиса. Там нам дали маиса и маисовой муки, тыкв, фасоли, а также накидки из хлопковой ткани, а мы отдали все это индейцам, которые нас привели, и были они этому очень рады. Мы же возблагодарили господа нашего бога за то, что он вывел нас в землю, где нашли такое изобилие¹.

Некоторые дома в деревне были сооружены из земли, другие из тростниковых циновок; отсюда мы прошли дальше сто лиг и везде встречали постоянные дома и большие запасы маиса и фасоли; нам давали много оленей и много накидок из тканей, которые были гораздо лучше, чем накидки в Новой Испании. Нам давали также много очень хорошей бирюзы и много бус, некоторые же бусы были сделаны из кораллов Южного моря. Вообще индейцы отдавали нам все, что у них было, а мне дали пять наконечников для стрел, сделанных из изумрудов²; с этими стрелами индейцы исполняли свои арейто и пляски. Мне изумруды показались очень хорошими, и я спросил, откуда они у них; они же ответили, что изумруды принесены с очень высоких гор, расположенных на севере, и что они выменяли их на хохолки и перья попугаев; и они сказали еще, что там есть многолюдные деревни с очень большими домами³.

Мы заметили, что эти индейцы с большим уважением относятся к женщинам, такого отношения мы не встречали больше нигде в Индиях. Они носят рубашки из хлопковой ткани, доходящие им до колен, поверх рубашек надевают

короткие рукава; носят также юбки из оленьей кожи, которые достают до земли; спереди эти юбки открытые, а сзади стянуты ременными шнурами; моют их особыми кореньями, хорошо очищающими грязь, так что они всегда имеют очень приятный вид; носят они и обувь. Все эти люди пришли к нам, чтобы мы возложили на них руки и перекрестили их, и были они в этом желании так настойчивы, что причинили нам немало забот и трудов, ибо и больные и здоровые все равно хотели, чтобы их перекрестили. Они всегда сопровождали нас, пока не доводили до других индейцев, и все эти люди были твердо уверены, что мы пришли с неба.

Во время хождений с этими индейцами мы в течение дня ничего не ели, а ели только вечером и так мало, что они изумлялись, видя это. Мы совсем не чувствовали усталости и так привыкли к трудностям пути, что вовсе не замечали их. Среди индейцев мы имели большой вес и большую власть, и, чтобы сохранить их, старались мало разговаривать с ними. Негр же разговаривал все время; он узнавал о дороге, которой мы хотели идти, о народах, которые там жили, обо всем, что нам хотелось знать.

Мы проходили через многие и разнообразные языки, и господь наш бог не оставлял нас при этом своим промыслом, ибо всегда индейцы понимали нас, а мы понимали их; мы их спрашивали знаками, и они отвечали знаками же, и было так, словно разговор велся на их языке; потому что хотя мы и знали шесть языков, но не могли пользоваться ими повсюду, ибо нам встретилось там более тысячи различных языков.

По всей этой земле индейцы, воевавшие друг с другом, заключали мир, чтобы прийти к нам, принять нас и отдать нам все свое добро; и таким образом мы умиротворили всю эту землю. И мы объясняли им знаками, чтобы нас лучше поняли, что на небесах есть человек, которого мы зовем богом, что он создал небо и землю и все хорошее вышло из его рук, а мы его почитаем и считаем своим господом и выполняем все, что он нам повелевает, и что если они будут поступать так же, то будет им это во благо. Мы нашли в индейцах такое большое расположение к этому, что если бы был у нас язык, которым мы могли бы полно выразить свое учение, то все они стали бы христианами. Мы объясняли им все так, как только могли; и вот начиная с этого времени индейцы, когда солнце вставало, с громкими криками простирали руки, открыв ладони ему навстречу, а по-

том проводили ими по всему своему телу, и так же они делали вечером, когда солнце садилось. Вообще эти люди имеют очень хороший характер и склонны следовать всему хорошему.

Глава XXXII

О ТОМ, КАК НАМ ДАЛИ ОЛЕНЬИ СЕРДЦА В той же деревне, где нам поднесли изумруды, Дорантесу дали более шестисот оленьих сердец, которые индейцы всегда запасают в большом количестве для еды. По этой причине саму деревню мы называли деревней Сердец, а она открывает путь ко многим провинциям, лежащим на берегу Южного моря. И если те, кто будут искать море, выйдут к нему через другое место, то они погибнут, потому что на побережье нет маиса и там едят муку из соломы и травы петуший гребешок и из рыбы, которую ловят в море с плотов, так как лодок там нет. Женщины в той земле прикрывают свой стыд травой и соломой, люди там робкие и унылые. Мы думаем, что недалеко от берега, если идти через те народы, через которые мы проходили, заселенная земля тянется более, чем на тысячу лиг, и в ней должно быть много пищи, потому что там три раза в год сеют фасоль и маис.

В той земле имеются три вида оленей; олени одного вида такой же величины, как бычки в Кастилии; есть там и постоянные дома, которые называются бойо. Еще имеется там ядовитое растение, это дерево размером с яблоню; чтобы отравить стрелу, достаточно ее натереть плодом такого дерева, а если на нем нет плодов, ломают любую ветку и смачивают стрелу ее соком. Там много этих растений, и они настолько ядовиты, что если истолочь их листья и бросить куда-нибудь в стоячую воду, то все олени и другие животные, которые пьют эту воду, скоро подохнут.

В этой деревне мы пробыли три дня, а в одном дне пути от нее находилась другая, где мы задержались на пят-

надцать дней, так как в реке сильно поднялась вода и мы не могли через нее переправиться.

Когда мы были там, Кастильо увидел на шее одного индейца пряжку от портупей к шпаге, к ней был привязан кованный гвоздь. Мы спросили индейца, что это за вещь; он нам ответил, что это у него с неба. Мы спросили дальше, кто ее ему принес оттуда, и он ответил, что люди, которые ее принесли, были, как и мы, бородатые, что они пришли с неба и дошли до этой самой реки и что у них были лошади, копыя и шпаги, и что двое из них были ранены копьем; едва сдерживая свои чувства, мы спросили, что случилось с этими людьми потом, и нам ответили, что они ушли к морю и бросили свои копыя под воду, сами тоже вошли под воду, а потом их видели идущими по воде на заход солнца.

Возблагодарили мы господ нашего бога за эти вести, ибо уже потеряли надежду услышать что-нибудь о христианах; а с другой стороны, впали мы в смущение и в скорбь, опасаясь, что те люди приходили с моря только для того, чтобы разведать эту землю; но все-таки сведения о них были такими определенными, что мы ускорили свое движение. И всюду мы стали получать новые известия о христианах; мы говорили всем, что идем искать христиан, чтобы просить их не убивать индейцев, не брать их рабами, не сгонять со своих земель и не причинять им никакого другого зла, и индейцы очень радовались этому.

Мы прошли большое расстояние по этой земле, и вся она была пустынна, ибо жители ее бежали в горы, не решаясь ни жить в своих домах, ни возделывать землю из страха перед христианами. Мы весьма жалели обо всем этом, ибо земля там прекрасна и плодородна, изобильна водой и реками. И мы скорбели, видя брошенные и сожженные деревни, видя больных и истощенных людей, вынужденных бежать и скрываться; и так как они не сеяли, то был среди них голод столь велик, что ели они кору и корни деревьев. Этот голод задел и нас, ибо, когда мы проходили по той земле, индейцы не могли хорошо снабжать нас пищей, потому что сами были в таком жалком состоянии, что, казалось, хотят как можно скорее умереть. Они приносили и отдавали нам накладки из тех, что им удалось спрятать от христиан, и еще они рассказывали нам, как несколько раз христиане входили в их землю и уводили с собой половину мужчин, всех женщин и юношей, а те, кому удавалось ускользнуть из их рук, убегали и прятались. И вот

мы видели теперь, как они напуганы, не осмеливаются нигде остановиться, не хотят и не могут ни сеять, ни обрабатывать землю, потому что уже решились умереть, считая, что лучше смерть, чем столь жестокое обращение со стороны христиан; нам же они показывали, что быть с нами для них величайшая радость. Мы, однако, боялись, что когда придем к тем индейцам, что живут на границе с христианами и воюют с ними, то они будут плохо с нами обращаться и заставят нас расплатиться за все, что им причинили христиане. Но когда мы дошли до тех индейцев, оказалось, что они нас боялись и почитали так же, как и предыдущие, и даже еще больше, чему мы немало дивились; а из этого ясно видно, что для того, чтобы привлечь к себе индейцев, сделать их христианами и покорными императорскому величеству, надо хорошо обращаться с ними, и этот путь является самым верным, другие же — нет.

Индейцы привели нас в деревню, расположенную на самом гребне горы, и к ней пришлось подниматься по крутому склону. Там мы нашли много людей, которые собрались вместе, согнанные со своих мест страхом перед христианами. Они приняли нас очень хорошо, дали нам все, что у них было, и дали нам две тысячи карг¹ маиса, а мы отдали его тем несчастным и голодным индейцам, которые нас туда привели. На следующий день мы, как обычно это делали, разослали по земле четырех гонцов, чтобы они созвали всех, кого найдут, в одну деревню, лежавшую в трех днях пути от этого места; и сделав это, мы на другой день отправились в путь со всем народом, который там был, и повсюду встречали следы и знаки, указывавшие, что здесь ночевали христиане, а в полдень встретились с нашими гонцами, которые сказали, что они не нашли людей, так как все скрылись в лесах, чтобы христиане их не убили или не взяли рабами; и сказали еще, что прошлой ночью видели христиан и, спрятавшись за деревьями, наблюдали за ними; христиане же вели с собой много индейцев, закованных в цепи. Услышав эти новости, люди, шедшие с нами, заволновались и некоторые из них вернулись предупредить других о приходе христиан, и остальные тоже ушли бы, если бы мы им не сказали, чтобы они не боялись и не делали этого; они нам поверили и очень обрадовались. А в это время с нами были индейцы, жившие за сто лиг отсюда, и раньше мы не могли их уговорить вернуться к своим домам; чтобы их успокоить, мы в этот день не пошли дальше

и ночью спали на том же месте, а на другой день тронулись в путь и спали на дороге.

На следующий день те, кого мы посылали гонцами, повели нас в место, где они видели христиан. Прибыв туда на вечерней заре, мы ясно увидели, что они говорили правду, и поняли, что христиане были на лошадях, так как там сохранились колья, к которым они привязывали лошадей. Было это место у реки, называвшейся Петутан, а от Петутана и до реки, куда прибыл Дьего де Гусман, расстояние примерно в восемьдесят лиг, как мы потом узнали у христиан, а до деревни, где нас задержала вода, оттуда расстояние в двенадцать лиг, а до Южного моря оттуда расстояние в двенадцать лиг.

По всей этой земле, где только горы позволяли ее осмотреть, мы видели много следов золота, сурьмы, свинцового блеска, железа, меди и других металлов. В местах, где индейцы строят постоянные жилища, жарко, там даже в январе довольно тепло. Если же идти оттуда на полдень, земля в той стороне не заселена до самого Северного моря, она там бедна и сурова; проходя по ней, мы страдали от ужасного и невероятного голода. Индейцы, которые в той земле живут или по ней проходят, самые грубые люди с очень плохими склонностями и обычаями. Индейцы, живущие в постоянных домах, и те, что живут еще дальше за ними, не употребляют золото и серебро ни для каких целей и не знают, какую пользу можно извлечь из этих металлов.

Глава XXXIII

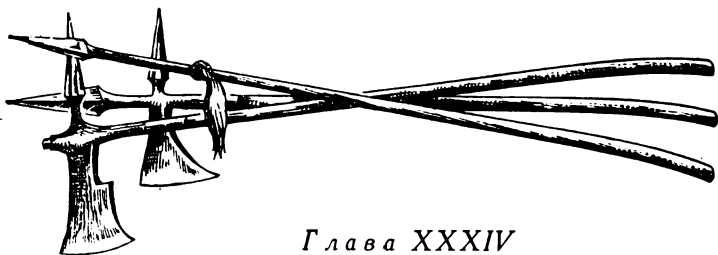
О ТОМ, КАК МЫ УВИДЕЛИ СЛЕДЫ ХРИСТИАН

Увидев столь ясные следы христиан, мы поняли, что находимся совсем недалеко от них и возблагодарили господ нашего бога за то, что он пожелал вывести нас из тяжкого и скорбного плена; чувство радости, которое мы при этом

испытали, поймет каждый, кто вспомнит, сколько времени нам пришлось пробыть в той земле и какие опасности и трудности мы там перенесли.

В ту ночь я просил моих товарищей, чтобы кто-нибудь из них пошел за христианами и привел их в условленное место, в трех днях пути отсюда, где мы остановимся их ждать. Но они отказались, оправдываясь усталостью и тяготами пути; и хотя каждый из них мог бы это сделать лучше, чем я, ибо все они были моложе меня и крепче, я, видя, какова их воля, утром следующего дня взял с собой негра и одиннадцать индейцев, двинулся по следам, оставленным христианами, и миновал три места их ночевок. В этот день я прошел десять лиг, а на другой день утром догнал четырех христиан на лошадях, которые пришли в сильное волнение, увидев меня, столь странно одетого и в сопровождении индейцев. Они смотрели на меня в таком изумлении, что не могли ничего сказать и не догадывались о чем меня спросить.

Я им сказал, чтобы они отвели меня к своему капитану; и вот мы прошли пол-лиги и пришли к Дьего де Алькарасу, который был их капитаном. После того как я с ним поговорил, он сказал мне, что находится в весьма трудном положении, потому что вот уже много дней он не может взять индейцев¹ и не может никуда идти, так как у них начались нужда и голод; я сказал ему, что оставил позади, в десяти лигах отсюда, Дорантеса и Кастильо со многими индейцами, которых мы привели с собой; и он послал за ними трех всадников и пятьдесят индейцев из тех, что он вел с собой, и негр тоже пошел с ними, чтобы показывать дорогу. Я же остался там и просил, чтобы мне засвидетельствовали год, месяц и день моего прихода и то, каким образом я добрался до них, что они и сделали. А от этой реки до христианского селения Сан-Мигель², которое является столицей провинции Новая Галисия³, тридцать лиг.

Глава XXXIV

О ТОМ, КАК Я ПОСЛАЛ ЗА ХРИСТИАНАМИ Через пять дней прибыли Андрес Дорантес и Алонсо дель Кастильо с теми, кто был послан за ними. Они привели с собой более шестисот человек из народа, прятавшегося от христиан в лесу; индейцы, пришедшие с нами, вывели этих людей из леса и передали их христианам, а те отпустили всех других людей, которые дошли с ними до этого места. Ко мне пришел Алькарас и просил, чтобы мы послали за скрывавшимися в лесах индейцами из деревень, лежащих по реке, и приказали бы им принести еды, хотя это было совершенно лишним, потому что индейцы никогда не забывали принести нам все, что могли; но мы тем не менее тотчас послали наших гонцов позвать индейцев. И пришло к нам шестьсот человек и принесли весь маис, который они смогли достать, а маис этот был в горшках, присыпанных сверху землей, чтобы его не было видно. Кроме маиса они принесли нам все другое, что у них было; но мы не хотели брать у них ничего, кроме еды, и отдали все остальное добро христианам, чтобы те его разделили между собой; и после этого были у нас сильные ссоры и столкновения с ними, ибо они хотели заставить нас обратить в рабов индейцев, которых мы привели. Мы так были злы на них, что, уходя оттуда, забыли там много луков, украшенных бирюзой, много сумок и стрел, и среди них шесть с изумрудами; все это мы оставили там и навсегда потеряли. Мы отдали христианам множество накидок из коровьих шкур и другие принесенные вещи.

Больших трудов нам стоило убедить индейцев, чтобы они вернулись в свои дома, оставили все опасения и сеяли бы свой маис. Они не хотели ничего иного, кроме как идти с нами, пока не оставят нас у других индейцев, как они привыкли делать; ибо они боялись, что если вернутся по домам, не выполнив этого, то они умрут; идя же вместе

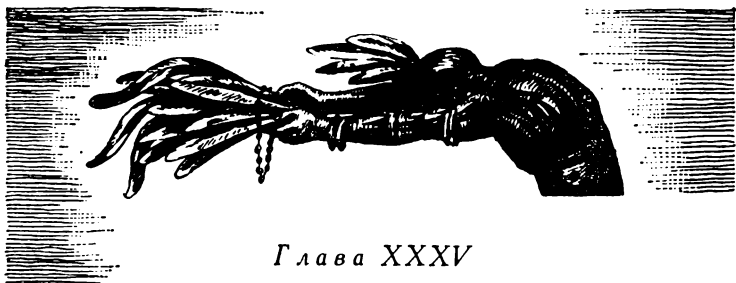
с нами, они не страшились христиан и их копий. Христианам это очень не нравилось; и они заставляли меня сказать индейцам, что мы такие же христиане, как и они, что просто мы затерялись в этой земле на долгое время, что мы несчастные и незначительные люди и что не мы, а они, эти христиане, настоящие господа здешней земли, поэтому все должны им служить и повиноваться.

Но индейцы не обратили никакого внимания на все это; напротив, переговорив между собой, они сказали, что христиане лгут, ибо мы пришли с восхода солнца, а эти христиане с заката, и мы исцеляли больных, а эти христиане убивали здоровых, мы пришли нагие и босые, эти же христиане одетые, на лошадях и с копьями; у нас не было никакой алчности к вещам, и даже то, что нам давали, мы потом возвращали индейцам обратно, а сами оставались ни с чем, эти же христиане не имели другой цели, кроме как грабить все, что увидят, и никогда ничего никому не давали; таким образом индейцы рассказывали о всех наших поступках и восхваляли их, в отличие от поступков других христиан. Все это они сказали христианам через толмача, и потом, чтобы их могли понять все индейцы, повторили то же самое на одном из индейских языков, который мы тоже понимали, а тех, кто говорят на этом языке, мы называли примаанту, это то же, как если бы мы их называли басками; на этом языке мы говорили с индейцами на протяжении четырехсот лиг, не имея в этих землях другого языка для разговора¹. Как бы то ни было, нельзя было заставить индейцев поверить, что мы из тех, других, христиан, и только после долгих и настойчивых уговоров они согласились вернуться в свои дома; мы же наказали им, чтобы они перестали опасаться и снова селились бы в своих деревнях и чтобы они обрабатывали землю и засеивали ее, ибо, обезлюдев, она уже начала зарастать лесами. Земля же та, без сомнения, самая лучшая из всех, что есть в Индиях, самая плодородная и изобильная, и засеивают ее три раза в год. Она полна плодов, в ней много прекрасных рек и других очень хороших вод. Там повсюду встречаются золото и серебро и есть богатые залежи их; люди на этой земле хорошо устроены, они по своей доброй воле служат христианам (тем, которые им друзья). Они очень к нам расположены, гораздо больше, чем индейцы в Мехико; словом, у этой земли есть все, чтобы считаться прекрасной.

Уходя, индейцы сказали, что сделают все, как мы им на-

казали, что они осядут в своих деревнях, если христиане не будут их трогать; и вот я говорю и утверждаю со всей определенностью, что если они этого не сделали, то лишь по вине христиан.

А после того как мы отослали индейцев с миром, еще раз поблагодарив их за то, что они делили с нами все невзгоды, христиане отправили нас оттуда под охраной алькальда, некоего Себрероса, и еще двух человек¹. Нас повели через леса и пустоши, чтобы отдалить от индейцев и не дать говорить с ними, чтобы мы их не встречали и не узнали о том, что с ними сделали. Из всего этого видно, как обманываются люди в своих надеждах: долго мы шли в поисках свободы и когда уже думали, что обрели ее, случилось все наоборот. Христиане же тем временем договорились напасть на индейцев, которых мы отпустили успокоенными и умиротворенными, и как они задумали, так и сделали; а нас вели по лесам уже два дня, сбились с пути и остались без воды; мы думали, что все там погибнем от жажды; и шесть человек умерло от нее, и многие дружественные индейцы, сопровождавшие этих христиан, только на следующий день смогли выйти к тому месту, где мы накануне ночью нашли, наконец, воду. Так мы прошли двадцать пять лиг, может быть немного больше или меньше, и пришли в деревню мирных индейцев. Алькальд, который нас вел, оставил нас в ней, а сам пошел в следующую деревню; она называлась Кульясан и лежала в трех лигах от этой; в Кульясане пребывал Мельчор Дйас², старший алькальд и капитан этой провинции.

Глава XXXV

О ТОМ, КАК НАС ХОРОШО ПРИНЯЛ СТАРШИЙ АЛЬКАЛЬД В ДЕНЬ НАШЕГО ПРИХОДА Как только старшему алькальду сообщили о том, что мы вышли из индейских земель и прибыли в эти места, он сразу, этой же

ночью, отправился в путь и пришел в деревню, где мы остановились; и он плакал с нами, вознося хвалы господу нашему богу за милосердие, которое тот проявил к нам. Он разговаривал и обращался с нами очень хорошо, и от имени губернатора Нуньо де Гусмана и от своего собственного предложил нам все, чем только располагал; он высказал большое сожаление по поводу того, что Алькарас и другие так плохо нас встретили и так плохо обращались с нами; и мы уверились, что если бы он находился там, то было бы предотвращено то, что произошло с индейцами и с нами.

Когда прошла эта ночь, мы на следующий день собрались тронуться в путь, но старший алькальд очень просил нас еще задержаться, говоря, что мы сослужим этим большую службу богу и вашему величеству, ибо земля там вся запустела и обезлюдела, а индейцы убегают и прячутся в лесах, не желая возвращаться и жить оседло в своих деревнях, мы же могли бы послать за ними и приказать им именем бога и вашего величества, чтобы они снова вернулись и заселили долину и обрабатывали бы свои земли.

Нам показалось весьма трудным исполнить все это, поскольку с нами не было ни одного из наших индейцев, из тех, кто обычно сопровождал нас и разбирался в подобных делах. Наконец мы решили использовать для этого двух пленных индейцев из того же народа, что населял эту землю; когда по пути к христианам мы побывали у этих людей, они узнали от наших провожатых о том огромном влиянии и власти, которые мы имели во всех пройденных землях, о чудесах, которые мы творили, об исцелении больных и о многом другом.

И вот через этих двух пленных мы передали распоряжение остальным жителям деревни, чтобы они пошли и позвали всех непокорных индейцев, прятавшихся в горах, а также индейцев с реки Петаан, где мы встретили христиан; мы передали, чтобы все они приходили к нам, ибо мы хотим с ними говорить. А чтобы нашим посланцам была вера и чтобы их слушались, мы дали им одну из тех калабас, которые носили в руках (что было нашим главным знаком отличия и указывало на наше высокое положение). С этой калабасой они ушли и ходили по той земле семь дней, а через семь дней вернулись с тремя вождями непокорных индейцев, прятавшихся в горах. Вожди принесли нам бусы, бирюзу и перья, а гонцы сказали, что на реке, где мы вышли к христианам, они никого не нашли, ибо

христиане снова вынудили всех бежать в леса. Тогда Мельчор Дйас сказал толмачу, чтобы он поговорил с индейцами и от всех нас сказал им, что я пришел от бога, который на небесах, и что я со своими товарищами много лет ходил по земле, убеждая всех, кого встречал, верить в бога и служить ему, ибо бог — господин всего, что есть на свете, и что он вознаграждает за добро и осуждает на вечное наказание огнем за зло; и что, когда умирают хорошие люди, он берет их на небо, где никто никогда не умирает, где нет ни голода, ни холода, ни жажды, ни другой какой-нибудь нужды, но лишь высшее блаженство, такое, которое только можно вообразить; а тех, кто не желал верить в него и подчиняться его повелениям, тех он низвергает под землю, где их ждут демоны и вечный огонь, который никогда не угасает и причиняет вечные муки; и что, кроме всего этого, если они захотят стать христианами и служить богу так, как мы им прикажем, то тогда христиане будут считать их своими братьями и относиться к ним хорошо и мы повелим христианам, чтобы они не чинили индейцам никакого зла и не сгоняли бы их с земель, но стали бы им добрыми друзьями. Но если индейцы этого не пожелают, тогда христиане будут обращаться с ними очень плохо и будут уводить их рабами в другие земли. На это индейцы ответили через толмача, что они будут хорошими христианами и будут служить богу.

Когда же их спросили, кому они поклоняются и приносят жертвы, у кого просят воды для своего маиса и здоровья для себя самих, то они ответили, что у одного человека, который живет на небе. Мы спросили, как зовут этого человека; они ответили, что Агуаром, и сказали, что верят, что Агуар сотворил весь мир и все, что в нем есть. Мы снова спросили, откуда им известно это; они ответили, что так говорили их отцы и деды, они же знали об этом издавна и знали также, что воду и все другие блага посылает Агуар. Мы им сказали, что того, о ком они говорят, мы называем богом и чтобы они его тоже так называли и поклонялись бы и служили бы ему так, как мы им прикажем, и что тогда им будет очень хорошо. Они ответили, что все поняли и будут делать так, как мы им скажем. Тогда мы приказали им, чтобы они спускались с гор и в спокойствии и с миром заселяли бы всю землю, и строили свои дома, а среди них один сооружали бы для бога и ставили бы перед ним крест такой, какой был у нас; и чтобы, когда к ним придут христиане, они выходили бы им навстречу с крес-

тами в руках, без луков, без оружия и приводили бы христиан в свои дома и давали бы им еду, какая у них есть, и тогда христиане не будут чинить им никакого зла, но будут им друзьями. И они отвечали, что сделают все так, как мы наказали; а капитан дал им много накидок и обращался с ними очень хорошо. И вот они вернулись к себе, взяв с собой тех двух пленных, которых мы посылали гонцами.

Все это произошло в присутствии нотариуса, который там был, и многих других свидетелей.

Глава XXXVI

О ТОМ, КАК МЫ РАСПОРЯДИЛИСЬ ПОСТАВИТЬ В ТОЙ ЗЕМЛЕ ЦЕРКВИ После того как вожди ушли, все индейцы той провинции, которые оставались друзьями христиан, получив от нас известие, пришли встретиться с нами и принесли нам бусы и перья, и мы распорядились, чтобы они сооружали церкви и ставили в них кресты, потому что до сих пор они не строили церквей; и мы послали их привести детей главных вождей, чтобы крестить их. А затем капитан торжественно поклялся именем бога не совершать и не допускать никаких нападений на индейцев, взятых нами под защиту, и не брать их в рабство; он поклялся соблюдать и выполнять все это до тех пор, пока ваше величество и губернатор Нуньо де Гусман или вице-король не определят то, что сослужит еще лучшую службу богу и вашему величеству. Когда детей окрестили, мы отправились в селение Сан-Мигель. После нашего прибытия туда пришли индейцы и сказали, что много людей уже спускаются с гор и заселяют долину, и ставят церкви, и воздвигают кресты, и выполняют все, о чем мы им говорили; и каждый день мы получали сообщения о том, как это все происходит и как все более полно выполняются наши распоряжения. А спустя пятнадцать дней туда прибыл Алькарас с хри-

стианами, с которыми он устраивал набеги, и они рассказывали капитану, что индейцы спускаются с гор, что они уже заселили равнину, что в деревнях, которые были до этого опустошены и заброшены, уже много народу и что индейцы вышли их встречать с крестами в руках, отвели в свои дома, дали им все, что у них есть, и оставили их спать с собой в эту ночь. Изумленный таким приемом и тем, что индейцы сказали, что теперь они под защитой, Алькарас приказал своим христианам не причинять им никакого зла. Так они и простились.

Пожелал господь наш бог в своем бесконечном милосердии, чтобы именно в дни вашего величества и под сенью вашего могущества и милости эти люди стали подлинными слугами своего истинного господина, который их создал и искупил их вину. Мы уверены, что это воистину так и что ваше величество сможет придать этому законную силу (это будет не так трудно сделать), ибо на протяжении двух тысяч лиг, что мы прошли по той земле пешком и проплыли на лодках по морю, и за десять месяцев после нашего выхода из плена, в течение которых мы тоже шли без остановок, мы ни разу не видели ни жертвоприношений, ни идолопоклонства. За это время мы пересекали землю от одного моря до другого, и, по сведениям, которые собирали с большим трудом, расстояние от одного берега до другого в самом широком месте должно составлять двести лиг. Мы смогли установить также, что на южном берегу есть жемчуг и много других богатств и что все самое лучшее и самое ценное находится недалеко от берега.

В селении Сан-Мигель мы побыли до мая пятнадцатого дня; причиной нашей задержки было то, что оттуда до города Компостела, где пребывает губернатор Нуньо де Гусман, сто лиг расстояния по безлюдным землям и среди врагов. С нами должны были пойти другие люди, среди них двадцать человек на лошадях, сопровождавшие нас сорок лиг; оттуда дальше с нами пошло шестеро христиан, которые вели с собой пятьсот индейцев, взятых рабами. Когда мы прибыли в Компостелу, губернатор принял нас очень хорошо и из своих вещей дал нам одеться; но я в течение многих дней не мог носить одежду, не мог я и спать иначе как на полу. По прошествии десяти или двенадцати дней мы отправились в Мехико, и на всем пути нас очень хорошо принимали христиане и многие приходили, чтобы встретить нас на дороге, и воздавали хвалы господу богу за то, что он избавил нас от стольких бед. В Мехико мы прибыли

в воскресенье, накануне Дня Сантьяго; там мы были отменно встречены вице-королем¹ и маркизом де Валье²; они очень хорошо с нами обращались, дали нам одежду и предложили все, что у них есть; а в День Сантьяго был праздник и шумное веселье.

Глава XXXVII

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ СО МНОЙ, КОГДА Я РЕШИЛ ВЕРНУТЬСЯ В КОРОЛЕВСТВА³ После того как мы отдохнули в Мехико два месяца, я решил вернуться в королевства: я собирался сесть на корабль в октябре месяце, но в это время поднялась буря, корабль разбился о скалы и затонул. Узнав об этом, я решил остаться там на зиму, потому что в тех местах зимой стоит слишком ненастная погода для плавания. Когда же зима прошла, Андрес Дорантес и я на великий пост вышли из Мехико и направились в Веракрус, чтобы сесть там на корабль. Там мы ожидали погоды до самого вербного воскресенья, а в вербное воскресенье поднялись на корабль и, уже находясь на нем, еще пятнадцать дней ждали погоды; за это время в корабль, на котором мы были, набралось много воды; тогда я сошел с него и перешел на другой, который тоже готовился к отплытию, а Андрес Дорантес остался на первом.

И вот десятого дня месяца апреля мы вышли из гавани тремя кораблями и проплыли вместе сто пятьдесят лиг; по дороге два корабля набрали много воды, и однажды ночью мы лишились своего охранения, потому что, как выяснилось потом, шкиперы и лоцманы тех кораблей побоялись идти дальше и снова вернулись в порт, откуда мы вышли, не сообщив нам, а мы ничего не знали об этом. Мы продолжали свой путь и четвертого дня месяца мая прибыли в порт Гавану, что на острове Куба, где до второго дня месяца июня ждали другик кораблей, которые, как мы надеялись, должны были подойти⁴, а потом вышли оттуда в

большом страхе, ибо боялись встретиться с французами, захватившими за несколько дней перед этим три наших корабля. Когда мы шли около Бермуды, нас застала буря; по словам людей, плавающих на Бермуду, буря обычно захватывает всех, кто там проходит; всю ночь мы были на краю гибели, но смиростивился господь наш бог и с наступлением утра унял бурю, и мы продолжили наш путь.

За двадцать девять дней мы прошли тысячу сто лиг, таково, говорят, расстояние от Гаваны до Азор; там мы пробыли день, проведя его на острове Куэрво, а на следующий день снова вышли в море и в полдень наткнулись на французский корабль. Француз, который вел с собой захваченную у португальцев каравеллу, начал нас преследовать и устроил настоящую охоту за нами; в этот день мы видели девять других парусов, но они были так далеко, что мы не могли узнать, были ли то португальские или французские корабли; к вечеру француз был от нас уже на расстоянии выстрела из лембарды¹, а когда стемнело, мы изменили курс и пытались ускользнуть от него, но так как он шел совсем близко к нам, то заметил это и перерезал нам путь; и так мы повторяли маневр три или четыре раза, и он легко мог бы нас взять, если бы захотел, но предпочел отложить до утра. Однако смиростивился бог, и когда рассвело, и мы оказались совсем рядом с французом, к нам уже спешили те корабли, которые, как я говорил, мы видели накануне; и мы узнали в них корабли португальской армады; и возблагодарил я нашего господа за то, что он, избавив меня от стольких тягот на земле, спас и от опасности на море. А француз, узнав португальскую армаду, отвязал каравеллу; эта каравелла была нагружена неграми, он же водил ее привязанной за собой для того, чтобы мы подумали, что это португальцы, и стали бы ждать их; а когда он ее бросил, то сказал лоцману и шкиперу этой каравеллы, что мы французы из его охранения; и сказав это, поставил шестьдесят весел на своем корабле и так быстро начал уходить от нас на парусе и веслах, что даже трудно повсрить. Каравелла же, которую он отвязал, подошла к португальскому галеону, и они сказали капитану галеона, что наш корабль, как и другой тоже, французский; а так как в это время наш корабль приближался к галеону и вся армада видела это, то все они окончательно уверились, что мы французы, приготовились к бою и двинулись нам навстречу. Но когда до них было уже недалеко, мы им салютовали, и они поняли, что мы их друзья. Поддавшись на

обман, португальцы позволили ускользнуть тому корсару; и вот, когда все выяснилось, четыре каравеллы отправились вслед за французом. К нам подошел галеон, и после того как мы приветствовали их, капитан галеона, Дьего де Сильвейра, спросил нас, откуда мы идем и какие везем товары; шкипер ответил, что мы идем из Новой Испании и везем серебро и золото; и капитан спросил сколько, шкипер же ответил, что около трехсот тысяч кастельянос¹. Капитан сказал по-португальски: «Ей-же-ей, вы возвращаетесь богачами, но корабль у вас плохой и артиллерия никуда не годится, и этот негодяй, этот сукин сын предатель-француз потерял жирный кусок, бог мне свидетель! Но раз уж вы от него ускользнули, теперь держитесь за мной и не отставайте, и я с божьей помощью доведу вас до Кастилии»². Спустя немного времени вернулись каравеллы, преследовавшие французца, ибо им показалось, что француз идет слишком быстро, они же не хотели отрываться от армады, сопровождавшей три корабля, нагруженных бакалеей.

И вот мы прибыли на остров Терсейра³, где остановились на пятнадцать дней на отдых; там мы набирались сил и поджидали еще один корабль с грузом из Индий, который должен был присоединиться к этим трем кораблям и идти дальше под охранением вместе с ними; через пятнадцать дней мы вышли оттуда с армадой и прибыли в порт Лиссабон 9 августа 1537 года, накануне дня Святого Лаврентия. И поскольку, как я указывал выше, все, что написано в этом отчете, правда, то и подписываюсь своим именем: КАБЕСА ДЕ ВАКА. Отчет, откуда извлечено это, подписан его именем и скреплен гербом его оружия.

Глава XXXVIII

О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО С ОСТАЛЬНЫМИ ЛЮДЬМИ, ПОБЫВАВШИМИ В ИНДИЯХ Итак, я сделал отчет о событиях, происшедших во время путешествия,

о том, как мы вошли в ту землю и вышли из нее, о нашем возвращении в королевства; теперь я хочу сообщить также и о том, что произошло с кораблями и людьми, которые на них остались; о них я не сообщал в приведенном выше отчете, поскольку мы не имели таких сведений вплоть до нашего выхода из индейцев, когда мы встретили многих из этих людей в Новой Испании, а других уже здесь, в Кастилии; от них мы и узнали, как закончилось их путешествие и что с ними произошло после того, как мы оставили три корабля (один корабль утонул раньше у скалистого берега).

Корабли находились в большой опасности, а на них оставалось около ста человек с небольшим запасом пищи. Среди них было десять замужних женщин, а одна из них рассказала губернатору о многих случившихся во время путешествия событиях еще до того, как они произошли. Когда губернатор собирался направиться в глубь той земли, она ему сказала, чтобы он не ходил туда, ибо была уверена, что ни он, ни тот, кто пойдет с ним, не выйдут больше из той земли; а если кто-нибудь и выйдет, то сотворит бог ради него великие чудеса; но она думала, что будет мало таких, кто спасется, скорее же всего — никто. Тогда губернатор ответил ей, что он и все, кто идет туда, будут сражаться и завоевывать огромные и неведомые земли и их народы, и он знает, что, завоевывая их, многие погибнут; но к тем, кто останется в живых, судьба будет благосклонна, и они разбогатеют, ибо согласно его сведениям, та земля очень богата. И еще он попросил ее объяснить, почему она знает о прошлом и настоящем, кто ей рассказал обо всем? Она же ответила и сказала, что знает это от женщины-мориски¹ из Орначос, в Кастилии, что та женщина предсказала все еще до того, как мы отправились в путь, и все, что с нами случилось в пути, произошло именно так, как она предсказывала.

После того как губернатор оставил вместо себя Каравальо, родом из Куэнки, и сделал его капитаном всех кораблей, мы ушли от них, а губернатор, уходя, приказал, чтобы потом корабли во что бы то ни стало собрались вместе и, идя вдоль берега по направлению к Пáнуко, искали бы подходящее место, которое можно было бы использовать как порт; и чтобы, найдя таковое, бросили бы там якорь и ждали нас.

Рассказывают, что когда все оставшиеся собрались на кораблях, они ясно видели и слышали, как та женщина

говорила другим, что вот-де ваши мужья теперь вошли в глубь земли и ввергли себя в такую опасность, что больше на них не приходится рассчитывать; и она сказала им, чтобы они присматривали себе мужей, ибо она и сама собиралась так поступить, что вскорости и сделала. И вот все женщины снова вышли замуж и стали сожительствовать с теми, кто остался на кораблях.

Выйдя из того места, корабли подняли паруса и продолжили путешествие, но впереди они не нашли гавани и вернулись назад. Пятью лигами ниже того места, где мы сошли на землю, они увидели гавань, вдававшуюся в сушу на шесть или восемь лиг, а это была та самая бухта, которую мы открыли перед их приходом и где мы нашли лари из Кастилии с мертвыми христианами, о чем уже говорилось выше. И в эту гавань, к этому берегу, пришли три корабля и еще корабль из Гаваны, и еще один бриг; и они искали нас почти целый год. Но так как они нас не встретили, то потом ушли в Новую Испанию.

А этой гавани, как мы говорили, нет равных во всем мире, она вдается в землю на шесть или восемь лиг и имеет шесть рукавов у входа и потом еще пять рукавов, дно ее устлано илом, и в ней не бывает ни волн, ни бурь; к тому же те, кто укроется в ней на кораблях (а она может вместить их в большом количестве), смогут найти там много рыбы. Она отстоит на сто лиг от Гаваны, христианского поселения на Кубе, и лежит на север от него; там всегда дуют бризы, и корабли доходят от Гаваны до этого места за четыре дня, заходят же они туда в поисках стоянки.

Теперь, когда я сделал отчет о кораблях, мне следовало бы рассказать о тех людях, которых сподобил господь наш бог спастись от всех трудов, описанных мной: кто они и из какой части королевств родом. Первый — Алонсо дель Кастильо Мальдонадо. Второй — Андрес Дорантес, родом из Бехара, что около Хибралеона. Третий — Альвар Нуньес Кабеса де Вака, сын Франсиско де Вера и внук Педро де Вера, того самого, который завоевал Канарию; а имя его матери донья Тереса Кабеса де Вака, она родом из Хереса-де-ла-Фронтера. Четвертого зовут Эстебанико, он арабский негр¹ родом из Асомара².

Deo Gratias³

К стр. 18 1. «Святое Императорское Католическое Величество» — обращение к Карлу V. В 1479 г. браком Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской было положено начало объединению Испании. В 1516 г., после смерти Фердинанда, на испанский престол вступил его внук — Карл I. Через несколько лет после смерти своего другого деда — Максимилиана I Габсбурга — Карл был провозглашен императором «Священной Римской империи» под именем Карла V. В честолюбивые планы Карла V входило создание всемирной «христианской монархии», что и объясняет принятую у современников форму обращения «католическое величество».

2. Материк — поскольку в Новом Свете испанцы открыли и исследовали сначала острова Карибского моря и только в результате третьей и четвертой экспедиций Колумба был открыт материк (по мнению великого мореплавателя — юго-восточная оконечность Китая), в испанском языке эпохи «Кораблекрушений» для обозначения двух основных регионов «Индий» использовались термины «остров» и «материк» («твердая земля»).

3. Мои предки — род Нуньеса Кабесы де Вака довольно известен в испанской истории. По материнской линии (Кабеса де Вака) он берет свое начало в XIII в., когда крестьянин Мартин Альбаха (Martin Alhaja) во время войны с маврами нашел незащищенную дорогу в их лагерь при Лас Навас де Толоса; отметив ее коровьими черепами, он сумел вернуться к христианам и провести их в тыл врага. Произошло сражение, в результате которого мавры были разбиты. Санчо, король Наварры, пожаловал Мартину Альбахе дворянское звание. С тех пор Мартин Альбаха и его потомки носили имя Кабесы де Вака, что по-испански означает «коровья голова». Среди потомков Мартина было много известных людей, один из них стал магистром рыцарского ордена Сан-Дьего. Среди предков Кабесы де Вака по отцовской линии — Педро де Вера, завоеватель Канарских островов, дед Альвара Нуньеса Кабесы де Вака.

К стр. 20 1. 17 июня — здесь и далее Кабеса де Вака приводит даты по старому — Юлианскому календарю, который отстает от современного на 10 дней. Следовательно, экспедиция вышла в плавание 27 июня.

2. Пánфило Нарвáэс (1470—1528) — конкистадор; некоторое время служил на Ямайке, затем во главе отряда из 30 человек прибыл на Кубу, где был произведен в капитаны губернатором Кубы Веласкесом. Отряд Нарвáэса «отличился» жестокими и бессмысленными массовыми убийствами индейцев. «Усмирительная» деятельность Нарвáэса на Кубе довольно подробно описана непосредственным свидетелем — Бартоломе де Лас Касасом в его «Истории Индий» (М., «Наука», 1968). В 1520 г. Веласкес направил Нарвáэса к Кортесу с приказом доставить

того «живым или мертвым». В сражении с Кортесом Нарвэас, несмотря на превосходство сил, был разбит, потерял левый глаз и бежал. За это поражение его судили. После оправдания Нарвэас вернулся в Испанию, где король пожаловал его титулом аделантадо, т. е. первооткрывателя и управителя новых земель с почти неограниченными правами. Одновременно Нарвэас был назначен и будущим губернатором Флориды, поэтому Кабеса де Вака чаще всего называет его именно губернатором. Вообще, как видно из дальнейшего изложения, среди участников экспедиции находилось все ядро администрации будущей провинции, которую Нарвэас должен был присоединить к испанской короне. В частности, сам Кабеса де Вака имел полномочия королевского прокурора.

3. *Лас-Пальмас* — река Рио-Гранде-дель-Норте.

4. *Санлукар-де-Баррамеда* — порт в юго-западной части Испании у впадения реки Гвадалквивир в Атлантический океан. За 20 лет до описываемых событий из этого порта отправился в свое историческое плавание Магеллан.

5. *Старший альгвасил* — прокурор.

6. *Фактор* — правительственный агент, в функцию которого входил контроль за торговлей, взимание налога в пользу короны.

7. *Бесдор* — правительственный инспектор.

8. *Комиссар* — уполномоченный ордена св. Франсиска, деятельность которого распространялась на принадлежащие Испании земли, расположенные за пределами Пиренейского полуострова. С началом колонизации Америки появилась должность верховного комиссара американских территорий — генерала Индий. Простые же комиссары, как видно из рассказа Кабесы де Вака, включались в состав первооткрывательских экспедиций.

9. *Остров Санто-Доминго* — Гаити. Экспедиция подошла к острову, по-видимому, в середине сентября.

10. *Васко Поркалье* — Кабеса де Вака пишет его фамилию по-разному: то Поркалье, то Поркальо. Полное имя — Васко Поркальо де Фигероа. Нарвэас знал Васко Поркальо, поскольку тот принимал участие в его походе против Кортеса. Поркальо вошел в состав следующей экспедиции во Флориду, которой руководил де Сото, сподвижник Писарро, участвовавший с ним в завоевании Перу. Однако, столкнувшись с трудностями, Поркальо выхлопотал себе разрешение вернуться на Кубу, чем, возможно, спас свою жизнь, но вызвал осуждение испанских историков.

11. *Лига* — мера длины, не вполне совпадающая в различных странах Западной Европы. Испанская лига равна 6666 варам (вара равна 83,5 см) и двум третям, что эквивалентно 5572 м 77 см. Кабеса де Вака пользуется, очевидно, морской лигой, равной 19 938 футам, что эквивалентно 5555 м 55 см.

К стр. 22 1. Необычные звуки, о которых пишет автор, были произведены ураганом огромной силы.

К стр. 23 1. *Хагуа* — гавань и бухта на южном побережье Кубы.

- К стр. 24 1. Возможно, это бухта Сарасота.
2. Во Флориде и далее по побережью Мексиканского залива, вплоть до устья Миссисипи, жили многочисленные племена мускогской языковой семьи — семинолы, апачи и др. Первые индейцы, с которыми столкнулись испанцы после высадки, принадлежали племени тимуква, говорившем на обособленном языке, входившем в мускогскую семью. Тимуква были полностью истреблены уже в начале XVIII в. Племена тимуква были, по-видимому, объединены в племенной союз. Мускогские племена, находившиеся на различных стадиях развития родового строя, вели оседлый образ жизни, занимались земледелием, знали гончарное производство. Большое место в их хозяйстве занимали охота и рыбная ловля.
3. Тимуква обычно строили дома круглой формы. Поразившие автора размеры дома объясняются особенностями родового уклада жизни индейцев: в доме жили представители одного рода (клана) — сородичи по материнской линии.
- К стр. 25 1. Это залив Тампа. Испанцы называли его заливом Святого Креста (Санта-Крус).
2. Также индейцы племени тимуква.
3. Это были трупы испанцев. О том, как они оказались там, ничего достоверного неизвестно. Считается, что индейцы подобрали их в заливе после гибели какого-то испанского корабля. Однако до сих пор не удалось отождествить этот корабль (ср.: Дж. Бейклесс. Америка глазами первооткрывателей. Пер. с англ. М., 1969, стр. 43).
- К стр. 26 1. Новой Испанией испанцы называли Мексику.
2. Ясно, что на решение Нарváеса оказали влияние те золотые вещи, которые принес с собой в лагерь разведывательный отряд.
- К стр. 27 1. *Пáнуко* — поселение на побережье Мексики, недалеко от устья реки Сан-Хуан. Из того, что испанцы собираются идти пешком искать гавань, которая находится в 10—15 лигах от *Пáнуко*, видно, как сильно они заблуждались в определении положения этого селения относительно Флориды: *Пáнуко*, согласно их расчетам, должен был оказаться где-то в районе залива Апалачикола.
- К стр. 29 1. *Пальмиты* — вид пальмы (*Sabel Palmetto*).
Кабеса де Вака обычно сравнивает новые для него виды растений и животных с образцами европейской флоры и фауны. Однако в некоторых случаях его сопоставления оказываются неточными и не всегда возможно установить, какие именно животные или растения он имеет в виду.
2. Река Суwonни (*Suwannee*).
- К стр. 30 1. Река Апалачикола.
- К стр. 31 1. Речь идет, несомненно, о так называемых болотных соснах.
2. Лесные завалы, которые здесь и дальше упоминает автор, образовывались в девственных лесах Флориды в результате мощных ураганов.

3. Иванов день.

4. Племя аппалачей обитало в северо-западной части полуострова и далее по побережью Мексиканского залива. Деревня, о которой пишет автор, находилась где-то к западу от реки Апалачикола. Следует заметить, что испанцам весьма повезло в походе, так как по пути в Аппалаче они прошли западнее непроходимых Фейетских болот.

К стр. 33 1. *Хельвес* (или *Гельвес*). Одно из темных мест книги. Это название можно отнести либо к небольшой деревне в Севилье, либо к острову, находящемуся в прибрежных водах Туниса, где 28 августа 1510 года потерпели сокрушительное поражение войска Педро Наварро. Если Кабеса де Вака имеет в виду именно остров, это значит, что он был участником этого сражения.

2. Имеются в виду пумы.

3. Это первое в европейской литературе описание опоссума. Он назван в честь испанского географа и натуралиста XVIII—XIX вв. Феликса Асары Didelphis Azarae.

4. Имеются в виду индейцы семинолы. Весь обратный путь к побережью, который описывается в этой главе, проходил в стычках с индейцами племен тимуква и семинолов.

К стр. 34 1. *Ауте* — также, по-видимому, входили в союз племен тимуква.

К стр. 35 1. *Четверть* — соответствует расстоянию между концами разведенных большого и указательного пальцев.

2. Имеются в виду семинолы.

3. *Пядь* — мера длины, равная 21 см.

К стр. 36 1. Селение Ауте находилось недалеко от устья реки Апалачикола.

2. *Река Магдалены* — река Апалачикола.

3. Это была бухта Сент-Маркс.

К стр. 38 1. Подобные ссылки на бога (божью волю, божью милость) являются, с одной стороны, обычными оборотами речи, широко распространенными в современном Кабесе де Вака испанском языке. «Пожелал господь» в таких контекстах означает в сущности то же, что и «случилось так». Поэтому испанские авторы вообще употребляют эти два выражения как синонимы. Но, с другой стороны, надо иметь в виду, что «Кораблекрушения» писались и издавались в то время, когда инквизиция уже ввела (с 1526 года) строжайшую цензуру на книги, а всего через четыре года после выхода в свет отчета Кабесы де Вака стали публиковаться индексы запрещенных книг. В этой связи уместно также напомнить следующее: несмотря на то что в 1537 году папа римский формально признал, что индейцы «имеют душу», т. е. являются людьми в обычном смысле этого слова, произведения Бартоломе де Лас Касаса, направленные на защиту индейцев от бесмысленного и жестокого истребления завоевателями, были внесены в индексы запрещенных книг. В этих условиях частые ссылки на бога могли быть отнюдь не случайными, как не случайны были, по-видимому, и утверждения автора о «склонности» индейцев к христианской религии:

вполне возможно, что таким путем Кабеса де Вака стремился защитить гуманистические тенденции, отчетливо проступающие в последних главах книги.

2. *Фансиа* — старая испанская мера сыпучих тел, равная 55,5 л.

К стр. 39 1. Т. е. от залива Тампа.

2. Таким образом, из 300 человек, отправившихся в поход, в живых осталось только 242. Правда, когда спустился в залив Тампа высадились солдаты де Сото, к ним вышел Хуан Ортис, человек из отряда Нарваэса, проживший все эти годы среди индейцев (подробнее см.: И. П. Мацидович. История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962, стр. 106).

К стр. 40 1. Когда де Сото со своими людьми проходил через это место, они еще видели там следы пребывания отряда Нарваэса: кузнечные приспособления, лошадиные загоны, обглоданные кости лошадей.

2. Остров Сент-Винсент.

К стр. 41 1. Возможно, это был залив Пенсакола.

К стр. 42 1. Очевидно, речь идет о шкуре бобра.

К стр. 43 1. Солдаты де Сото узнали от индейцев, что Доротео не был убит, но живет среди племен, обитающих дальше на север.

К стр. 44 1. Имеется в виду река Миссисипи.

2. Это явление объясняется меньшей плотностью пресной воды и большей скоростью стока Миссисипи в океан.

3. Морская сажень равна 1,678 м.

К стр. 46 1. Такая глубина в описываемом месте отмечена в 4 милях от берега.

2. Кабеса де Вака применяет здесь необычную меру. Слово «эрадура» («подкова») взято, по-видимому, из старинной испанской игры того же названия. В этом случае эрадуру следует считать равной 15 варам (напомним, что вара равна 83,5 см), следовательно, лодка выскочила из воды на двенадцать с половиной метров. Возможно, в этом есть известное преувеличение.

3. Описываемые события происходили, по-видимому, в заливе Галвестон, в Техасе. Некоторые исследователи утверждают, что лодка Кабесы де Вака была выброшена именно на островке Сан-Луис, лежащем к юго-западу от острова Галвестон. Однако не исключено, что испанцы высадились значительно восточнее залива Галвестон (такая версия отражена на карте, приводимой на стр. 12 настоящего издания).

К стр. 47 1. Здесь и в других районах Техаса Кабеса де Вака и его спутники оказываются в новом этническом регионе — среди так называемых индейцев прерий. Племена, с которыми они сталкиваются, принадлежат главным образом к языковым группам сиу (дакота), кэддо и др. входящим, как и мускоги, в большую лингвистическую семью сиу-хока. В описываемое время у индейцев прерий складывалась своеобразная культура охотников на бизонов. Дакота, с которыми, судя по всему, с первыми встретились Кабеса де Вака и его спутники, распались

на многочисленные племенные группы. Шесть главных племен образовывали конфедерацию («Шесть костров совета»). Племенные вожди были выборными и подчинялись Высшему совету.

К стр. 48 1. Речь идет о картофеле.

К стр. 50 1. Здесь и дальше автор употребляет выражения «вперед по побережью» и «сзади по побережью», имея в виду общее направление движения испанцев: напомним, что они двигались вдоль берега на запад к Пáнуку.

К стр. 52 1. По своим религиозным воззрениям индейцы пре-рий были анимистами: они считали, что в основе всех явлений и объектов природы скрыта могущественная сверхъестественная сила, проявляющаяся в бесчисленных духах (у дакота, в частности, эта могущественная сила называлась ваканда или вакан-танка). Существовали культы стихий, животных. Индейцы верили в существование загробного мира, куда после смерти уходят души умерших. В погребальных плачах, которые описывает Кабеса де Вака, давались различные наставления душе умершего.

К стр. 53 1. Аналогичные обычаи зафиксированы и у первобытных народов других континентов — среди австралийских аборигенов, среди бушменов.

К стр. 54 1. *Арейто* — песня и пляска антильских индейцев. Кабеса де Вака употребляет это слово расширительно, для обозначения всякой вообще индейской песни. В таком расширительном значении это слово и закрепилось в испанском языке.

К стр. 55 1. Надрезы с «отсасыванием» болезни (а впоследствии — отсасывание без надрезов), прижигания, травяные настои — все это в сочетании с психотерапевтическим воздействием (ритуальные песни, пляски, заговоры) — традиционные медицинские средства, широко известные у народов всех континентов.

2. Начиная с этого момента Кабесе де Вака и его спутникам неоднократно придется заниматься лечением (что, вообще говоря, входило в функции шаманов). Кабеса де Вака допускает явные преувеличения, когда он описывает свою медицинскую практику среди индейцев, тем не менее результаты лечения, как видно из текста отчета, играли весьма важную роль в судьбе испанцев. Что касается самого факта исцеления больных индейцев, его следует, по-видимому, объяснить в значительной степени психотерапевтическим эффектом. Интересно в этой связи привести мнение американского исследователя Адольфа Бандлиера: «Утверждение об «истинных исцелениях»... — пишет Бандлиер, — является правдой и в то же время честным заблуждением. Сама индейская медицина широко использовала понятия такого рода, и эмпирический гипнотизм играл большую роль в практике их лекарей. Кабеса де Вака бессознательно и по-своему имитировал индейских шаманов и, вероятно, успешно, так как его приемы были новыми и поражающими. То, что испанцы приписывали свои успехи прямой помощи чудесной силы, находится в полном соответствии с духом вре-

мени и не должно вызывать недоверия» (A. Bandlier. Introduction. In: F. Bandlier. The Journey of Alvar Nuñez Cabeza de Vaca. N. Y., 1905, p. XVII—XVIII).

3. Очень интересное указание на родовую организацию. Как видно из этого отрывка, каждый род вел самостоятельное хозяйство, несмотря на то, что несколько родов жили одним поселением.

4. Эта «шерсть», так называемый испанский мох, — паразитическое растение, которое покрывает ствол пальмы длинными волокнами.

К стр. 56 1. Так кратко и глухо Кабеса де Вака сообщает здесь о чрезвычайно важном для его судьбы событии: когда 12 испанцев, шедших за ним, достигли материка, что-то изменило их намерение, и они отправились по побережью на запад. Большой Кабеса де Вака остался один.

2. Дж. Бейклесс сообщает интересные подробности о «сломанном тростнике»: «Сломанный стебель резал наподобие лезвия бритвы. Человек получал страшную рану, «тростниковый укол», стоило ему неосторожно наступить ногой на торчащий из земли обломок стебля. Когда под рукой не оказывалось кремня, индейцы наскоро мастерили себе ножи из заостренной грани тростниковой лозы» (Дж. Бейклесс. Ук. соч., стр. 39).

К стр. 57 1. Иными словами, Кабеса де Вака остался совершенно голым.

2. Во время этих торговых вояжей Кабеса де Вака заходил, очевидно, в Оклахому и возможно в Арканзас.

К стр. 58 1. Возможно, имеется в виду залив Матагорда.

2. Чтобы правильно понять этот факт, следует иметь в виду, что, по представлениям индейцев, во сне высшие силы открывают свою волю простым смертным. Отсюда безоговорочная уверенность индейцев в вещем характере снов и, так сказать, включение сновидений в число факторов, мотивирующих поступки человека.

К стр. 59 1. Эти орехи — пеканы.

К стр. 60 1. Туна, вид опунции — растение из семейства кактусовых. Ее съедобные плоды похожи на смокву.

2. В дальнейшем Кабеса де Вака иногда путает ма-риамов (он называет их и мириамами) и игуасов: возможно, это были не разные племена, а разные роды одного племени.

К стр. 61 1. Каменная трава — бурая водоросль (келп).

К стр. 62 1. Маэстре де кампо — в старой Испании так назывался высший офицер нерегулярных войск (ополчения).

К стр. 63 1. Дело в том, что у индейцев существовала экзогамия: женщины не могли выходить замуж за человека из своего рода.

К стр. 65 1. Такое переносное жилище — типи — одна из отличительных особенностей культуры индейцев прерий.

К стр. 66 1. Имеется в виду проказа.

2. Антилопы.

3. Коровами Кабеса де Вака называет бизонов. Напомним, что Кабеса де Вака был первым европейцем, увидевшим бизона, и европейцы узнали о существовании этого животного именно из «Кораблекрушений».

4. В основном — племена сиу.

К стр. 70 1. Собственно, это была ритуальная церемония, во время которой индейцы благодарили духов за исцеление и просили у них новых милостей. И в других случаях Кабеса де Вака называет праздниками культовые обряды.

К стр. 72 1. В дальнейшем Кабеса де Вака называет культачей также кутальчицами. Выбрать правильный вариант сейчас, конечно, не представляется возможным, поскольку, как уже указывалось, ни одно из приведенных в книге племенных названий не идентифицируется. Ясно, однако, что, так как испанцы продолжают двигаться на запад, к верхней Рио-Гранде, они встречаются главным образом с племенами все той же большой сиухоканской семьи (кэддо, вичита и др.).

К стр. 73 1. На диагноз Кабесы де Вака повлияло, по-видимому, то обстоятельство, что сами индейцы считали больного уже умершим. Но дело в том, что по понятиям индейцев той эпохи, смерть (т. е. уход души от тела) началась гораздо раньше физической смерти. Интересно в этой связи привести пояснения американского этнографа начала прошлого века Э. Джемса: «Индейцы убеждены, что душа отправляется в странствие с наступлением тяжелой болезни, которая заставляет ее покинуть тело, и поэтому считают опасно больного уже покойником. Нередко человек, которого называли умершим, выздоравливает и живет еще много лет. Когда в этих случаях индейцам говорят, что нельзя живого человека называть покойником, они не понимают, в чем дело, и, более того, поясняют: «Он умер тогда-то, но вскоре вернулся обратно» (Э. Джемс. О постах и снах. В кн.: Рассказ о похищении и приключениях Джона Теннера. Пер. с англ. М., 1963, стр. 333).

К стр. 74 1. Смысл истории о эле явно не был понят испанцами, что и объясняет ее странности в пересказе Кабесы де Вака.

К стр. 75 1. Индейцы считали, что их гости либо сами являются высшими существами, либо обладают большим влиянием на высшие силы. Это порождает желание индейцев не отпускать своих гостей к вражеским племенам, но задержать у себя: в соответствии с индейской коллективистской психологией само пребывание таких могущественных гостей среди них должно принести успех и процветание всему племени. Такая ситуация в разных вариантах будет повторяться и в дальнейшем.

2. Индейцы прерий использовали луговых собак на охоте. У многих племен собаки составляли важнейшую часть их рациона. Нередко собаки были предметами культа.

К стр. 79 1. Здесь Кабеса де Вака называет семьей род.

К стр. 82 1. Это не самоназвание, а имя, данное племени испанцами. Слово «иго» означает смокву. Несомненно, это племя питалось главным образом тунами.

Вообще относительно приводимого перечня племен следует заметить, что он не вполне точно согласуется с

данными, которые автор давал раньше. Очевидно, часть сведений была получена Кабесой де Вака от его спутников, и он допускает неточности в изложении. В совместном отчете, написанном в Мексике, вообще не приводятся названия племен.

2. Имеется в виду табак, который индейцы курили как в чистом виде, так и в смеси с другими травами.

3. *Калабаса* — сосуд из высушенной тыквы.

4. Арроба — старая испанская мера веса (от 10 до 15 кг) и объема (от 12 до 40 л).

К стр. 83 1. По-видимому, имеется в виду мука из бобового растения *Inga fagifolia* или *Prosopis chilensis*.

К стр. 84 1. Гвадалквивир.

К стр. 90 1. Речь идет о меди.

2. Южным морем испанцы называли Тихий океан.

3. Двигаясь далее на запад, испанцы должны встретиться с племенами пуэбло. Описываемый здесь способ охоты практиковался как раз индейцами пуэбло.

К стр. 95 1. Не удалось установить, какой именно плод имеется в виду.

К стр. 97 1. Испанцы вступили в юго-западный регион Северной Америки, где жили наиболее развитые племена этого континента. Двигаясь по направлению к реке Хиле, а затем на юг, испанцы встречались с племенами, говорившими на языках южной группы семьи на-дене (апахи, навахи) и на языках таньо-юто-ацтекской семьи (группы: таньо, зуньи, кайова, сонора, кахита-тарахумара и др.). К числу наиболее развитых относились земледельческие племена пима (из группы кахита — тарахумара), опата (из группы сонора), а также племена из языковых групп хопи и зуньи (из юто-ацтекской семьи) и племена пуэбло, говорившие на различных языках. Индейцы этих племен строили постоянные жилища, выращивали фасоль, маис, хлопок, табак, некоторые из них практиковали поливное земледелие (правда, Кабесе де Вака, очевидно, не встречались их ирригационные сооружения), разводили коз и овец. Большим своеобразием отличались огромные дома-деревни некоторых племен пуэбло и зуньи.

2. Наконечники были сделаны, вероятно, из малахита. Из текста можно понять, что украшенные малахитом стрелы не предназначались для охоты, но имели ритуальное значение.

3. Речь идет, по-видимому, о домах-деревнях индейцев зуньи. Это замечание Кабесы де Вака произвело большое впечатление на современников, оживив средневековую легенду о «Семи городах», где испанцы жаждали найти золото. Еще до возвращения Кабесы де Вака до губернатора Нуньеса де Гусмана доходили слухи о богатых «семи городах» страны Сиволы, расположенных где-то на север от Мексики. В 1530 году Гусман отправился в поход на север. В результате этого похода было основано поселение Сан-Мигель-де-Кульякан, которое, по словам И. П. Магидовича, «позднее стало отправным пунктом испанских экспедиций в северные районы». (Под-

робнее о стране Сиволе и походе Гусмана можно прочитать в упоминавшейся уже книге И. П. Магидовича.)

К стр. 101 1. *Карга* — старая испанская мера сыпучих тел, равная 3 или 4 фанегам.

К стр. 103 1. Капитан Алькарас охотился на индейцев, что было формально запрещено королем в 1530 г.

2. Т. е. Кульякан.

3. Здесь Кабеса де Вака допускает анахронизм.

В описываемый момент завоеванные Гусманом земли в северной части Мексики назывались Великой Испанией. Губернатором Великой Испании был сам Гусман, прославившийся жестокостями еще во время своего пребывания в Пáнуко. В Мексике Гусман появился в 1528 году: он был председателем «аудиенсии» (верховного судебно-административного органа), разбиравшей деятельность Кортеса. Кортес, не согласный с ведением дела аудиенсией, уехал в Испанию, а Гусман остался управлять Мексикой. Однако в 1530 году была прислана новая аудиенсия и теперь уже Гусман почел за лучшее уехать из Мехико. Он открывает кампанию по завоеванию северных территорий. Правительство, однако, с недоверием относится к его деятельности. Поступают многочисленные сигналы о злоупотреблениях Гусмана. К тому же он вступил в серьезный конфликт с монахами. Столкновения Кабесы де Вака с людьми Гусмана и его протест против бессмысленных жестокостей сыграли свою роль — в конце того же года Гусмана сместили. Именно тогда перестала существовать Великая Испания: Халиско и прилежащие территории были переименованы в провинцию Новая Галисия.

К стр. 105 1. В этом ареале жили племена пима.

К стр. 106 1. Кабеса де Вака и его спутники фактически были арестованы.

2. Через несколько лет Мельчор Диас примет участие в походе Коронадо и погибнет, исследуя реку Колорадо (впадающую в Калифорнийский залив).

К стр. 111 1. Вице-королем Мексики был в это время Антонио де Мендоса, представитель одной из наиболее знатных семей Испании. Его назначение на этот пост (1535 год) соответствовало новой политике правительства — отстранять от управления завоеванными землями конкистадоров и отдавать власть в руки высшей аристократии.

2. Кортес, уехав в 1528 году в Испанию, не смог существенно поправить свое положение. Он был пожалован громким титулом маркиза де Валье (маркиз Долины), но лишен реальной власти и вынужден был довольствоваться должностью капитана-генерала. В этой должности он вернулся в Мексику в 1530 году.

3. Т. е. в Испанию (королевства Кастилия и Арагон).

4. Опасное само по себе, морское путешествие через Атлантический океан осложнялось для испанцев угрозой встретиться с французскими или английскими корсарами. Поэтому испанские корабли собирались в караваны и плавали большими группами. В этом и состоит причина описываемой задержки в Гаване. Что касается самих пи-

ратов, они часто имели каперские патенты, выданные им правительствами европейских государств, прежде всего Франции и Англии. Каперские патенты легализовали морской грабеж (конечно, при условии, что часть конфискованной каперами добычи будет передана в казну). Как известно, Испания и Португалия, поделившие согласно Тордесильяскому договору 1494 года весь мир на две сферы влияния, ревностно охраняли свои права на владение всеми открытыми землями. (Линия раздела, согласно договору, проходила «от Северного полюса к Южному через моря и океаны» и отстояла на 370 лиг к западу от островов Зеленого Мыса. «Все,— гласил договор,— что уже открыто или будет открыто королем Португалии или его кораблями, будь то острова или материк, к востоку от этой линии, будет принадлежать... королю Португалии и его преемникам на веки вечные, а все острова и материк, как открытые, так и те, которые будут открыты королем и королевой Кастилии и Арагона или их кораблями к западу от названной линии, на севере и на юге, будут принадлежать... королю и королеве и их преемникам на веки вечные»,— цит. по кн.: Л. Ю. Слезкин. Земля Святого Креста. Изд. «Наука», М., 1970, стр. 15). Вот почему Франция и Англия, также равнившиеся в Новый Свет, всячески поощряли каперство.

К стр. 112 1. Ломбарда — старинная пушка, стрелявшая каменными ядрами.

К стр. 113 1. Кастельянос — старая испанская золотая монета.
2. В оригинале эти слова приведены по-португальски.
3. Остров Терсейра входит в состав Азорских островов.

К стр. 114 1. Морисками называли мусульманское население, оставшееся в Испании после падения эмирата Гранада.

К стр. 115 1. Несколько странное определение «арабский негр» породило разногласия среди толкователей книги Кабесы де Вака: одни из них считают, что Эстебанико был негром, другие — что он был арабом.

Весьма любопытна дальнейшая судьба Эстебанико. Приход Кабесы де Вака и его спутников произвели большое впечатление на испанцев, а рассказы о богатых и цивилизованных народах севера побудили вице-короля Мендосу активизировать поиски Сиволы. Мендоса купил Эстебанико, который юридически был рабом Дорантеса, с тем, чтобы использовать его для разведывательного похода. В марте 1539 года Эстебанико вместе с монахом-францисканцем Маркосом и двумя индейцами-переводчиками были направлены на поиски Сиволы. Пока отряд проходил по землям, где помнили Кабесу де Вака или слышали о нем, все было в порядке, но как только он оказался среди новых племен зуны, Эстебанико, не отличавшийся тактом Кабесы де Вака, был убит индейцами. Проникновение испанцев в юго-западную часть североамериканского континента было продолжено в 1540—1542 годах походами Коронадо.

2. Асамор — Аземмур (Марокко).

3. Благодарение богу.

«Кораблекрушения» как историко-географический и литературный памятник эпохи Великих географических открытий . . .	5
Ваше Святое Императорское Католическое Величество . . .	18
Глава I. В которой сообщается о времени отплытия флотилии и о людях, которые с ней уходили . . .	20
Глава II. Как губернатор прибыл в порт Хагуа и привез с собой лоцмана . . .	23
Глава III. Как мы прибыли во Флориду . . .	24
Глава IV. Как мы вошли в глубь земли . . .	25
Глава V. Как губернатор оставил корабли . . .	28
Глава VI. Как мы пришли в Аппалаче . . .	32
Глава VII. О том, какова эта земля . . .	32
Глава VIII. Как мы ушли из Ауге . . .	37
Глава IX. Как мы вышли из залива Лошадей . . .	40
Глава X. О том, как индейцы учинили стычку с нами . . .	43
Глава XI. О том, что произошло между Лопе де Овьедо и несколькими индейцами . . .	45
Глава XII. Как индейцы принесли нам еду . . .	47
Глава XIII. Как мы узнали о других христианах . . .	50
Глава XIV. Как ушли четверо христиан . . .	51
Глава XV. О том, что произошло с нами на острове Злосчастья . . .	54
Глава XVI. Как христиане ушли с острова Злосчастья . . .	56
Глава XVII. Как пришли индейцы и привели с собой Андреаса Дорантеса, Кастильо и Эстебанико . . .	59
Глава XVIII. О сведениях, которые сообщил Эскивель . . .	62
Глава XIX. Как нас развели индейцы . . .	66
Глава XX. О том, как мы бежали . . .	68
Глава XXI. О том, как мы вывели несколько индейцев . . .	69
Глава XXII. Как на следующий день к нам принесли других больных . . .	71
Глава XXIII. О том, как мы отправились дальше после того, как съели собак . . .	76
Глава XXIV. Об обычаях индейцев той земли . . .	78
Глава XXV. О том, как проворны индейцы в обращении с оружием . . .	80
Глава XXVI. О народах и языках . . .	81
Глава XXVII. О том, как мы пошли дальше и как нас хорошо принимали . . .	83

Глава XXVIII. Еще об одном новом обычае	85
Глава XXIX. О том, как индейцы грабили друг друга . .	88
Глава XXX. О том, как изменился обычай принимать нас	91
Глава XXXI. О том, как мы шли дальше дорогой мауса . .	96
Глава XXXII. О том, как нам дали оленьи сердца	99
Глава XXXIII. О том, как мы увидели следы христиан . .	102
Глава XXXIV. О том, как я послал за христианами . . .	104
Глава XXXV. О том, как нас хорошо принял старший аль- кальд в день нашего прихода	106
Глава XXXVI. О том, как мы распорядились поставить в той земле церкви	109
Глава XXXVII. О том, что случилось со мной, когда я ре- шил вернуться в королевства	111
Глава XXXVIII. О том, что произошло с остальными людь- ми, побывавшими в Индиях	113
Комментарии	116

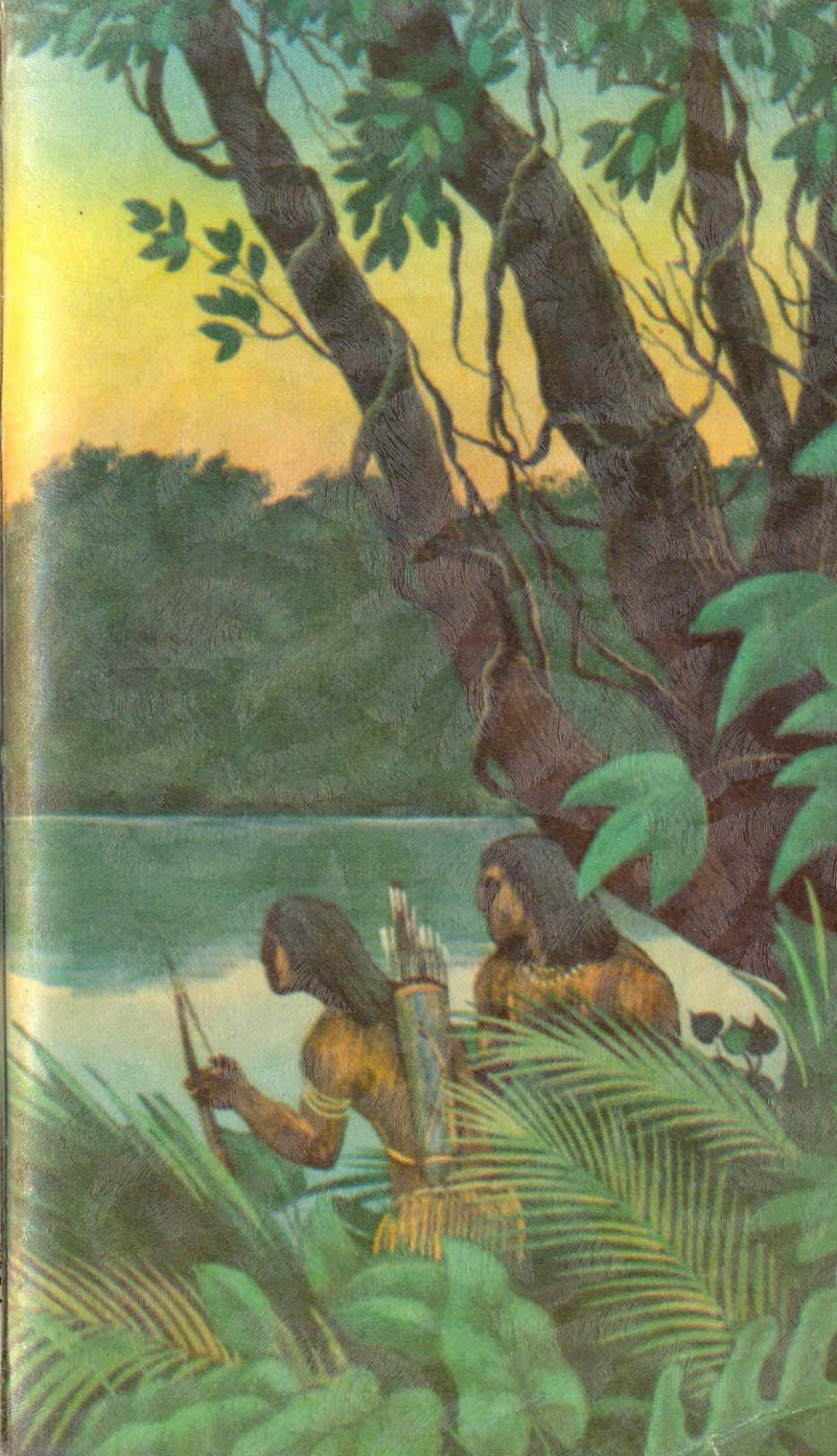
Кабеса де Вака КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ

Редактор С. Н. Кумкес
Младший редактор Л. Ю. Артемьева
Художественный редактор Е. А. Якубович
Технический редактор Е. Ф. Леонова
Корректор В. С. Фенина

Сдано в набор 25 октября 1974 г. Подписано в печать 10 февраля 1975 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Усл. печатных листов 6,72. Учетно-издательских листов 7,31. Тираж 90 000 экз. Заказ № 1888. Цена 40 коп.

Издательство „Мысль“. 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15-

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова. Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

40 коп.

Издательство „Мысль“

